

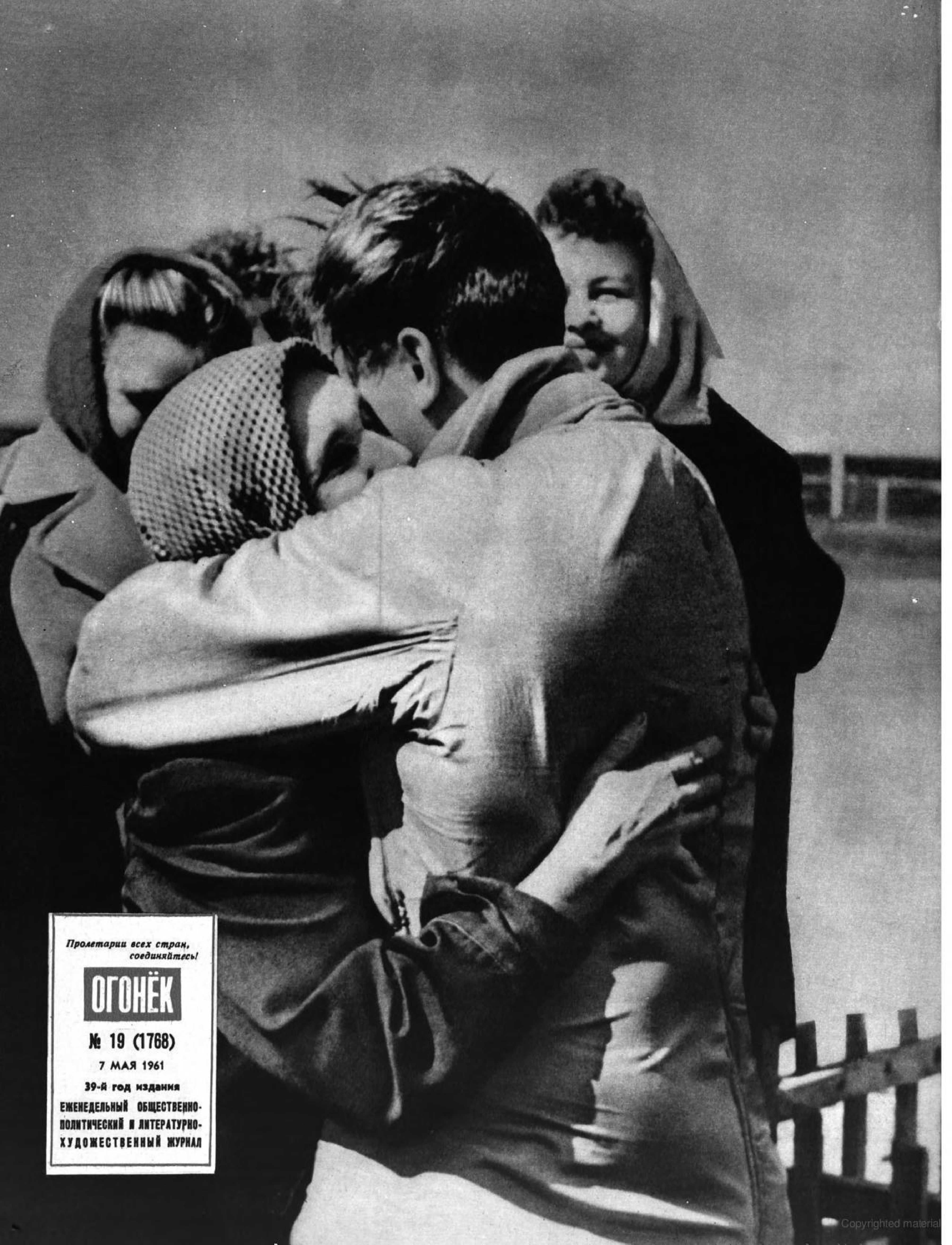
ГОНЁК
№ 19 МАЙ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рассказ К. Лордкипанидзе

КАЛОТУБАНСКАЯ НЕВЕСТА

ЗДЕСЬ КРЕПИЛИ КРЫЛЬЯ КОСМОНАВТА

Новый военный рассказ Бориса ПОЛЕВОГО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1768)

7 МАЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

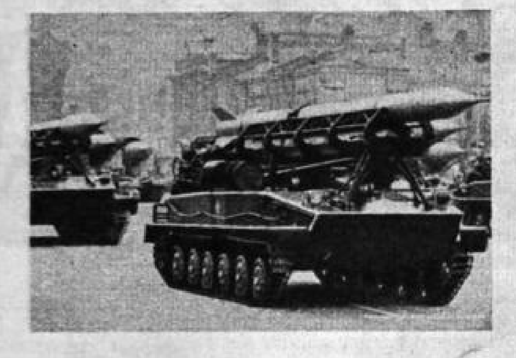
1 МАЯ

1961 ГОДА

МОСКВА

КРАСНАЯ

ПЛОЩАДЬ

Этот снимок сделан в первые минуты после возвращения на землю космонавта Юрия Алексеевича Гагарина.

«Никогда не выступала с речами Прасковья Кузминична Самсонова,— пишет нам очевидец радостной встречи А. Н. Гассиев, приславший фотографию,— обняла она поматерински космонавта, прослезилась, сказала:

— Да здравствуют наши сыны!»

МОСКВА. Красная площадь 1 Мая 1961 года. Руководители партии и правительства на трибуне Мавзолея.

Т Р У Д, М

Фото А. Устинова.

Фото Д. Бальтерманца, М. Савина, И. Тункеля.

И Р, М А Й!

Л. БОРОДУЛИН,
А. ГРИГОРЬЕВ

ТАМ, ГДЕ УЧИЛСЯ

Длинная галерея портретов: мужественные лица, ордена и Золотые Звезды на груди... Сто тридцать пять Героев Советского Союза, двенадцать из которых удостоены этого высокого звания дважды, воспитаны в Оренбургском высшем военно-авиационном училище летчиков.

Шесть лет тому назад сюда прибыл молодой литейщик Юрий Гагарин. Он мечтал быть таким, как воспитанники училища: Валерий Чкалов, первым совершивший беспосадочный перелет из Москвы в Соединенные Штаты Америки, удививший весь мир своим беспримерным мужеством Михаил Девятаев, прославленные воздушные асы дважды Герои Советского Союза Сергей Луганский и Иван Павлов, знаменитый Григорий Бахчиванджи, впервые в мире поднявшийся в воздух на реактивном самолете...

Сейчас галерея училища пополнилась новым портретом. Сто тридцать шестым Героем, летная биография которого начиналась в стенах этого училища, стал летчик-космонавт Юрий Гагарин.

И теперь здесь нет курсанта, который не мечтал бы управлять космическим кораблем.

Может быть, космонавтом будет и тезка Гагарина, вчерашний десятиклассник курсант Юрий Литвиненко, а может быть, бывший токарь Владимир Дейнека. Это его сейчас снаряжает в очередной полет старейший летчик Григорий Константинович Серков. Четыре года тому назад точно так же он выпускал в первый самостоятельный полет на реактивном самолете сержанта Гагарина.

А пока идет напряженная учеба. Она проходит в аудиториях и в тактических классах, в лабораториях и на аэродромах, в солнечные дни и темные ночи. Современному летчику надо знать и уметь многое!

Один за другим стремительно взлетают стреловидные реактивные машины, все увереннее держат штурвал молодые руки. Курсанты учатся летать в любую погоду, в любое время суток.

И кто знает, сколько еще портретов прибавится в галерее героев — воспитанников одного из старейших в стране училищ военных летчиков, которое в этом году будет отмечать свой юбилей...

Курсант Юрий Литвиненко.

Самолет взмыл в ночную тьму.

Удачный прыжок!

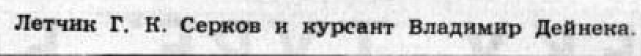
В барокамере курсанты готовятся к высотным полетам.

Вот он, наш Юрий! Когда-то и он смотрел фильмы в клубном кинозале.

Перед полетом.

Летчик Г. К. Серков и курсант Владимир Дейнека.

ГАГАРИН

ОКОНЧИЛИ УЧИЛИЩЕ С ОТЛИЧИЕМ:

		КУЗНЕЦОВ АП
БАРСУКОВ ВВ	ПОДОПРИГОРА ЮС	КУПРИЯНОВ АК
ГАГАРИН ЮА	ПОНОМАРЕВ ЮМ	ЛОБЫШЕВ ЮГ
ДИДЕНКО НМ	РОДИОНОВ ВВ	ЛУГОВОЙ ВЯ
ЕВРАСОВ ЕЙ	СЕРОУС ЮТ	НЕВЗОРОВ ЛС

Нет, это не космодром. Идут занятия по катапультированию.

Баскетбол — здесь любимая игра.

Будьте такими!

ЗА НИМИ СТОЯТ МИЛЛИОНЫ

Комитет по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» присудил премии стойким борцам за мир и демократию, представителям семи стран различных континентов: Фиделю Кастро Рус — общественному и государственному деятелю (Республика Куба), Секу Туре — общественному и государственному деятелю (Гвинейская Республика), Рамешвари Неру — общественной деятельнице (Индия), Михаилу Садовяну — писателю, общественному деятелю (Румынская Народная Республика), Антуану Жоржу Табету — архитектору, общественному деятелю (Ливан), Остапу Длусскому—общественному деятелю (Польская Народная Республика), Уильяму Морроу—общественному деятелю (Австралия).

ФИДЕЛЬ КАСТРО РУС.

СЕКУ ТУРЕ.

РАМЕШВАРИ НЕРУ.

МИХАИЛ САДОВЯНУ.

АНТУАН ЖОРЖ ТАБЕТ

ОСТАП ДЛУССКИЙ.

УИЛЬЯМ МОРРОУ.

Интервью «Огонька».

СЕКУ ТУРЕ: БОРЬБА РАЗВИВАЕТСЯ

По утрам над площадью Республики в Конакри разносятся переливчатые голоса фанфар и на мачте перед белым двухэтажным зданием президентского дворца взвивается красно-желто-зеленый флаг независимой Гвинеи. Так начинает страна каждый новый день в своей пока короткой истории независимого существования.

Всего лишь два с половиной года назад Гвинея была французским владением. Еще недавно там, где сейчас находится резиденция президента, располагался французский губернатор — «хозяин» Гвинеи — и в голубом гвинейском небе полоскались французские флаги — символ колониального господства. Теперь настоящий хозяин Гвинеи — ее народ — наводит порядок в стране, вырванной из-под власти колонизаторов.

Президент Гвинейской Республики Секу Туре принял корреспондента «Огонька» в комнате для гостей, на втором этаже, рядом со своим кабинетом. Эта небольшая комната обставлена предельно просто: низкий столик, вокруг него четыре мягких кожаных кресла, большая красочная карта Африки на стене, в углу телефон. Во время нашей беседы телефон несколько раз звонил: президента вызывали по какому-то неотложному делу.

Первый вопрос, который я задал Секу Туре, естественно, встает перед каждым, кто увидел сегодняшнюю Гвинею со множеством задач, важных и срочных, со множеством проблем, оставленных стране тяжелыми колониальными десятилетиями. Каковы же главные среди этих проблем, что сейчас самое важное для укрепления независимости страны?

— На нынешнем этапе нашего развития основными проблемами, с которыми нам приходится сталкиваться, являются экономические проблемы,— ответил президент.

Сейчас, когда мы стремимся создать наши собственные средства для подъема страны, острее всего дает о себе знать экономическая неразвитость нашего государства.

Во всех областях и на любом уровне мы должны сейчас вести интенсивнейшую работу во имя экономического развития. Цель — не только удовлетворить наши нужды, но и создавать накопления. Наша страна главным образом сельскохозяйственная. Мы сильно нуждаемся в различном оборудовании для промышленности и строительства. Если принять во внимание, что Гвинея ввозит все нужные ей промышленные товары, то легко представить себе наши трудности в тот момент, когда мы осуществляем первый трехлетний план экономического и социального развития. Я должен здесь особенно отметить важную помощь, которую оказывают нам Советский Союз и вообще социалистические страны. Эта помощь дает нам возможность успешно выполнить наш первый план, который направлен прежде всего на развитие производительных сил в сельском хозяйстве и создание перерабатывающей промышленности.

Конечно, наши цели в экономической и социальной областях, неразрывно связанные с проблемами промышленного развития, будут решены только в последующих экономических планах. Этот период будет очень тяжел, так как он потребует от нашего народа ежедневных, постоянных, последовательных усилий. Но результаты этого будут видны всем.

Я должен выразить благодарность нашего народа и нашего правительства за техническую помощь, предоставленную нам Союзом Советских Социалистических Республик.

Как расценивает президент состояние и перспективы отношений между Советским Союзом и Гвинеей? — был мой следующий вопрос.

— Советско-гвинейские отношения базируются на дружбе, взаимном уважении и общих интересах. По своей природе они равноправны и основаны на законности. Я уже отметил, что эти отношения представляют собой эффективную помощь в нашем развитии. Но я думаю также, что эти отношения имеют и более широкое значение: они придают мощь тем силам, которые борются за свободу народов, за мир и дружбу между государствами.

Я попросил президента рассказать о роли Демократической партии Гвинеи в развитии страны.

— Наша партия,— сказал Секу Туре,— это национальное политическое движение. В основе ее действий лежат глубокие и справедливые требования и стремления нашего народа. И она объединяет весь народ.

Колониальный режим эксплуатировал весь наш народ, иностранное господство наносило ущерб каждому гвинейцу. Партия взялась за организацию национальной борьбы во имя политического освобождения страны. Теперь этот этап — уже прошлое. Но в борьбе за свободу партия объединила народ, показав, что без объединения нельзя достичь освобождения.

Наша цель — создание нового общества, основанного на равноправии, где нет эксплуатации, где перед народом открыты пути для развития. Мобилизующая сила сейчас — это борьба против империализма.

Президент говорит далее, что партия предпринимает большие усилия, чтобы установить «новую иерархию ценностей». Это выражение он объяснял подробно. По сути дела, работа партии в этой области касается перевоспитания масс. В период колониализма самым угнетенным человеком в Гвинее был крестьянин: он много работал, но оставался бедняком. В годы колониального господства в народе воспитывалось отвращение к физическому труду, потому что этот труд был обесценен. Быть торговцем или служащим было выгоднее, чем крестьянином или докером в порту.

— Теперь все это должно быть исправлено,— сказал президент.

Он рассказал, что правительство принимает меры, чтобы в стране не появилась и не размножилась бюрократия. Чиновники на службе у государства лишены особых привилегий, но зато трудящиеся, занятые физическим трудом, благодаря введенной системе социального обеспечения пользуются такими правами, о которых и слыхом не слыхать в условиях колониального режима.

Рассказывая о планах на будущее, президент отмечает, что в задачу партии входит установление общественной собственности на средства производства.

— У нас есть нужная ориентация, есть твердо установленные цели,— говорит он.

Я задаю президенту последний вопрос:

— Каково ваше мнение о борьбе африканских народов за независимость и о политическом положении в Африке сегодня?

— Два момента характеризуют положение в Африке сегодня,— ответил Секу Туре.— Первое — то, что движение за независимость на африканском континенте носит, так сказать, необратимый характер. В течение нескольких последних лет оно радикальным образом изменило политическую ситуацию на африканской земле. Успех этой борьбы мы видим в том, что она развивается все шире и дальше. Вместе с тем мы свидетели попыток империализма и колониализма, направленных на то, чтобы или вернуть себе снова ту власть, которую они утратили, или поставить под свой контроль новые африканские государства.

Эти захватнические цели проявились в позиции представителей Организации Объединенных Наций в Конго; они ясно видны в Кении и в обеих Родезиях; уже семь лет эти цели колонизаторы пытаются реализовать в Алжире. В настоящее время нельзя предсказать того, что произойдет в Африке в течение ближайших месяцев. Но очевидно, что всякое отступление африканских народов в их освободительной борьбе явилось бы победой империализма и колониализма, всякое поражение африканских народов усилило бы позицию международного империализма. Именно с этой точки зрения надо рассматривать положение в Конго, положение в Южной Африке, на территориях, находящихся под португальским господством, и, наконец, в Алжире.

Что касается Гвинеи, то Демократическая партия Гвинеи с самого момента своего образования решительно выступила против империализма и колониализма, без исчезновения которых не может быть и речи о действительном освобождении африканских народов,— заявил Секу Туре.

А. СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька».

Конакри, апрель.

Борис ПОЛЕВОЙ

С того берега

Рассказ

Недавно, роясь во фронтовых заметках, я наткнулся на торопливую запись, сделанную когда-то карандашом на пожелтевшей, перепачканной в глине страничке: «Ноябрь. Висла перед ледоставом. Закрайки обледенели, по стремнине движется сало. Девушка с того берега — Ядзя. Все уточнить в штабе полка...»

И, как это бывает иногда, случайно зажженная спичка выхватит из тьмы чье-нибудь характерное лицо, детали обстановки или даже целую картину,— короткие строки эти вдруг воскресили историю, о которой я в свое время не успел или не сумел написать.

Эту историю поведали мне в конце 1944 года в Польше, недалеко от города Сандомира, два солдата-разведчика, с которыми мне довелось пережидать бомбежку в земляной щели, врытой в глинистый берег возле одной из переправ через Вислу. История эта теперь, в мирные дни, кажется необычной, может быть, даже неправдоподобной, но, услышав ее в свое время, я уточнил потом все рассказанные мне обстоятельства в штабе полка, и там подтвердили: так оно и было.

Сейчас короткая запись на пожелтевшей странице сразу осветила давно забытую картину, и я снова ощутил и острый, режущий ветер, старающийся сбить шапку, и скольжение раскисшей глины под сапогом, и кисловатый запах набрякших влагой шинелей, мешающийся с табачной горечью, и глухое дрожание земли от близких разрывов, и хрипловатые голоса двух случайных соседей по ненадежному убежищу.

Воздушные атаки на переправу затянулись. Когда бомбардировщики, в который уже раз, опустошив свои кассеты, вздыбливали над хмурой Вислой зеленоватые стеклянные столбы, их сейчас же сменяли штурмовики. Зайдя со стороны солнца, они взмывали вверх и потом пикировали оттуда под торопливое кудахтанье зениток. Это повторялось снова и снова с таким упорством, будто от того, удастся им оборвать или нет зыбкий понтонный мост, зависели судьбы войны. От близких разрывов пузатые понтоны вздыбливались, как испуганные лошади, но потом, точно бы успокоившись, становились на место; на мокрые доски сбегали саперы, с реки доносились их возбужденные крики, мирный стук топоров — и переправа начинала обретать свой прежний вид.

Как только очередная воздушная волна со свистом проносила над нашими головами водяные брызги, поднятые с реки, мои соседи по щели нетерпеливо высовывались из-за земляного бруствера.

— Цела?

— Та целехонька.

Я заметил, что заботит их не только, вернее, не столько переправа, сколько холм на том берегу — небольшая высотка с обрывистым в сторону реки откосом, с которого старая ива свешивала к воде свои голые космы.

— Что у вас там, блиндаж, что ли?

Солдаты — и пожилой и молодой,— оба покрытые тем прочным фронтовым загаром, который не сходит и зимой, удивленно глянули в мою сторону.

— Кто же роет блиндажи на взлобках,— сказал тот, что был постарше, невысокий, худощавый, с ястребиным носом и с глазами такими темными, что даже белки их имели кофейный оттенок.

— Та могилка там,— пояснил молодой, русый, голубоглазый, и в речи его отчетливо прозвучали певучие украинские нотки. Посмотрел на гудящее небо, подумал и совсем спокойно, будто речь шла о чем-то обыденном, сообщил: — Давайте-ка ляжем. Опять освежать собирается.

Гул самолетов перешел в сверлящий свист. Новая серия бомб встряхнула землю. На этот раз они разорвались на том берегу. Оба солдата тотчас же высунулись из-за бруствера.

— Цела?

— Из-за дыма не дюже видно, а будто цела. Но близко утрафил. Вот с ветлы башку снес. Ежели так будет мазать, может он ее потревожить.

— Кого? — недоуменно спросил я.

— Да, ее, Ядзю...

— Какую Ядзю?

— Ну, ту дивчину, польку... Эх, знали бы вы, товарищ, какая это была дивчина! — мечтательно произнес молодой солдат.— Мы вот с ним, с рядовым Бочкиным, та што там мы, весь наш первый батальон должен ей быть благодарен за то, что табак курим да кашу едим.

— Точно. Олесь правду говорит: кабы не она, эта самая девушка, многих бы пришлось старшинам с довольствия списывать.

— Разрешите курить? Может, сами с нами закурите? — вежливо предложил тот, кого звали Олесем, и, следя за тем, как промозглый ветер валит обратно в окоп клубы дыма, сказал: — Вот, заяви мне тогда врач: «Давай, солдат Олесь Божий, из тебя жизнь выну и в нее, в полечку эту, вложу»,— не моргнул бы: «На, товарищ хирург, вынимай...» Вот она какая была, Ядзя!

— А почему была? Убили?

— Та ни, сама померла. От самой цивильной болезни, от простуды померла, и я так считаю: мы вот с ним, с Бочкиным,— он кивнул на пожилого,— отчасти в том виноваты. Смалодушничали, даром что разведчики и кое-какие награды оба имеем.

— Не греши, Олесь. Где ж тут наша вина? Нет такой медицины, чтобы покойников воскрешали, а она, Ядзя, вовсе тощенькая была, в чем душа держалась. Из Варшавы она, между прочим. Вроде бы, по нашему говоря, эвакуированная. Они там по подвалам вовсе без еды жили. Ну, а потом какой-то там немецкий шофер жалостливый подобрал ее и на попутной довез до этих вот самых мест. Тут с едой, говорили, получше, да только есть-то ей, бедной, не пришлось: не успела.

— То есть как это не успела?

— А так.— Бочкин, видимо, в разговоре любил обстоятельность.— Во-первых, не на что ей было тут харч покупать, ничего такого у нее с собой не было. Тут ведь капитализм, кто ее даром кормить станет, кому о ней забота? Это одно. А второе, как только она сюда прибыла, да там вон на хуторочке, что у леска притулился, вскорости пришлось ей в холодную воду, в самое что ни на есть ледяное сало лезть, а оно тогда, после первых морозов, густо плыло...

— Кто ж ее заставил, фашисты?

— Нет, зачем фашисты,— рассудительно продолжал пожилой солдат.— В том-то и суть вопроса, никто ее не заставлял в воду лезть.

— Сердце заставило,— нетерпеливо прервал молодой.— Позвольте, я по порядку расскажу, как было. Это ж вот тут, на том берегу, вон, где теперь переправа, и случилось.

— Чуть повыше.

— Ну, правильно, повыше метров на двадцать, какая разница. Вон под ветлой, которой сейчас взрывом башку-то снесло. И сидели мы с ним, с Бочкиным, в секрете. В этот день мы еще только-только двумя ротами на реку прорвались и вот за холмом, за высоткой, зацепились кое-как, а остальные наши силы только подтягивались... Вообще-то тут, как говорится, слоеный пирог был — и мы и они, и ни мы, ни они не знали, сколько у кого сил. При такой ситуации держи ухо востро и во сне пальца со спускового крючка не снимай.

Так вот мы с ним, с Бочкиным, сидели в секрете у самой воды. А ночь была ясная, холодная. Полушубки на нас заскорузли, не греют, зубы цыганскую дробь отхватывают, а тут еще, как нарочно, луна на небе — ни тебе попрыгать, ни тебе потолкаться. Дрожим мы в камышах, як два кутенка. Тут он мне вдруг: «Олесь, глянь!» И на реку показывает, а вода черная, як тот деготь, лунный столб от берега до берега лежит, и видно, плывет по стремнине сало, плывет и шуршит. «Видишь?» — спрашивает он. А я ему отвечаю, извините, на грубом слове: «Ни биса не вижу». А он: «Фриц плывет». И точно, сквозь шорох слышно: «Хлоп-хлоп»,— будто гребет кто руками. Пригляделся. Мамо! Все сало в одном направлении, а что-то такое черное поперек реки, и уж отчетливо слышно: «Хлоп-хлоп!..»

— Ну, мы с ним, понятное дело, службу

* Из цикла невыдуманных историй «Живое тянется к свету».

Никогда!

Николай ГРИБАЧЕВ

Опять вползает в мир война,
Опять под пулями свобода.
И кто ж не знает, чья вина,
Где эта делалась погода!

В том слышен сейфов тяжкий лязг,
В том людям явлен миром старым
Знакомый лик — который раз! —
С доисторическим оскалом.

Тень смерти у его глазниц,
К концу идет плохая повесть,
А он железных гонит птиц
И на прицеле ищет прорезь.

Сам в страхе, он бросает страх,
Ведет насилие в атаку.
Но ум и совесть на постах
Слепому не подвластны знаку.

Но никогда за все века,
Где кровь и пламя бились ало,
Простая сила кулака
Над жизнью не торжествовала.

Она кипит, цветет, поет,
Она с невиданным размахом
Стремит свой пламенный полет
Над тем, что есть, что будет прахом!

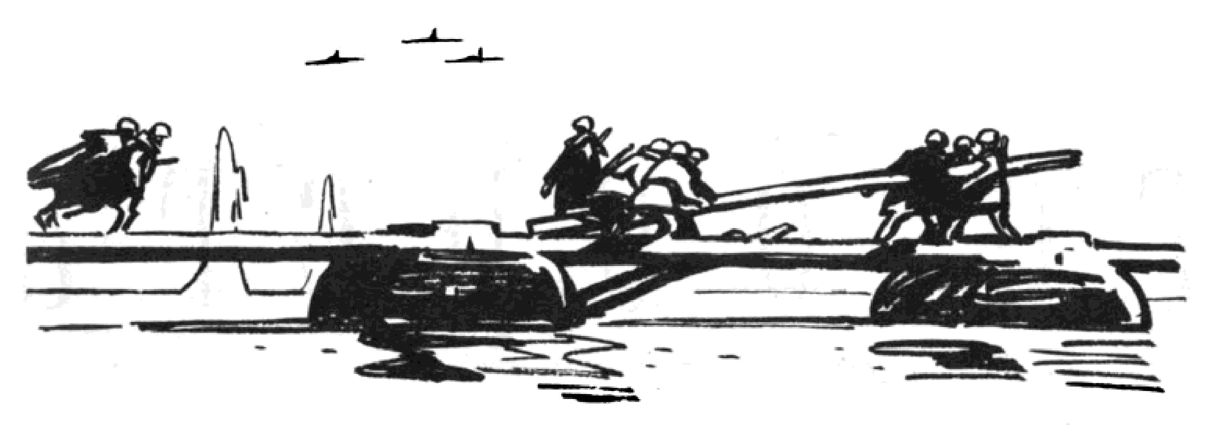

Рисунок А. Васина.

знаем,— прерывает Бочкин.— Принимаем решение рассредоточиться. Он пополз вниз по течению, где, по всему видать, этот фриц к берегу подгребет, а я остался флангом ему прикрывать, чтобы не потерять фрица из виду. Жду, а это самое «хлоп» все слышнее. Потом вдруг стихло, и показалось мне, будто кто-то вскрикнул. Вода всплеснулась, еще вскрик — и затихло. А лунища — все видать. И вдруг вижу — что такое? — этот мой почтенный напарник Олесь Божий снимает полушубок, разувается и, прежде чем я к нему подошел, бух в реку. Да шумно так, точно лопатой по воде треснул, и пошел саженками, без всякого стережения воду меряет, а его с того берега видно.

— Бывает же, что и устав забудешь,— виновато улыбаясь, говорит молодой.— Разглядел я, что вовсе то не фриц, что плывет без оружия, и лицо разглядел — не солдатское. Мальчишка какой-то. Немножко он не дотянул: судорога его свела. Тут он первый раз и вскрикнул. А потом, когда его течение от берега на стрежень погнало, тут вскрикнул второй раз, да жалобно так... На войне мы, конечно, смертей нагляделись, от самой Волги сюда пришли, ну, а все-таки не давать же мальчонке гибнуть. Доплыл я до него, как положено с утопающими, взял его за волосы — и к берегу. А с берега вот он левую руку мне тянет, а правой автомат наводит. Холодище, зуб на зуб не попадает. Сказать ничего не могу. Могу только...

— Это тебе холодно, ты только окунулся, а каково ему, то есть ей, такую реку переплывать? — сурово перебил пожилой солдат.— «Ей» потому я так говорю, что как только вытащили на берег этого парнишку, так сразу и увидали, что вовсе это не парень, а девушка. Совсем молоденькая и такая тощая, будто верно подросток. И одежи на ней — станушка да трусы. И без памяти. Ну, тут мы ее в полушубок обернули, зубы ей ножом разжали да в рот из фляги спирту дали. Пить в разведке нельзя, но с собой это зелье носим. Мало ли случай какой, вот и пригодилось... Да, и как только ей спирт в рот попал, стала она в себя приходить. Я ему вон говорю: кто такое она, нам, Олесь, неизвестно, и зачем она приплыла — тоже неизвестно. Но раз живая душа, надо ей первую помощь оказать. Развинчивай флягу, давай ее как следует спиртом разотрем. А он заупрямился, спиртом мы ее не растерли, и вот тут, я считаю, что наша перед ней вина.

Наступает неловкое молчание. Прерывает его Божий. Опустив вниз свои черные, прикрытые длинными ресницами глаза, он говорит:

— Может, оно и так. Но как бы чоловик либо парубок, то другое б дело, а то ведь дивчина, как ее тут растирать будешь... Да она кряду и в себя пришла, увидела нас да как заплачет, а сама рукой звезды на наших шапках щупает. Спрашиваем: зачем, мол, к нам плыла. А она по-своему, и язык-то ее нам, украинцам, понятный, говорит: важное, мол, дело. Ведите меня скорей до самого большого офицера. А куда тут ведите: на ногах не стоит, трясет ее всю, зубы клацают.

— На руках ее Божий до ротного КП донес,— продолжает старый солдат.— Ввалились мы в командирскую землянку без доклада. Тут связистка Глаша захлопотала, бельишком, обмундированием с ней поделилась. Повар горячую пищу принес. Медицина подоспела. Но ее уж в бред кидает, еле поймешь, что говорит. Однако разобрали все-таки, что как раз против нас готовит немец контрнаступление. Пушек, танков в лесок стянул, лодки, плоты какие-то. На хуторе, где эта девушка приютилась, офицеры беседу вели, она по-немецки понимала... Ясно теперь, почему она в воду полезла?

— ...А сама-то маленькая — мальчишечка и мальчишечка, и глаза синие, будто льняной цветок,— задумчиво говорит молодой солдат.— Тяжело умирала... Вся медицина, какая у нас была, вокруг нее танцевала, из бригады врач, в звании полковника, подъехал, а сделать ничего не мог. Сгорела, как берестичка... А утром воздушная разведка сведения ее перекрыла: все так. Подготовились мы к встрече гостей, и, когда ночью, в тумане, тишком, без выстрела, пошел к нам их десант, им тут в два счета полный капут учинили. Мало кто спасся, разве только случайно. А мы обошлись, можно сказать, почти без потерь... Всем полком ее хоронили, как генерала какого. Взвод три залпа дал. Так ведь, Божий?

— ...Очи у нее совсем круглые, як у птахи какой, были, я их и сейчас вот вижу, зажмурюсь и вижу,— говорит молодой солдат.

— И там, на холмике, ее могила?

— Точно так. На самом взлобочке,— отвечает Бочкин.— Вот все думается мне, начнется тут мирная жизнь, поплывут по реке пароходы, барки, катера, плоты всякие, и отовсюду за много верст будет видна ее могилка.— На загрубелом солдатском лице его появляется несвойственная нежность.

— На нее, на могилку эту, и теперь солнышко утром и вечером первый и последний луч кладет,— добавляет Божий.

— А кто она, эта девушка, была, узнали?

— Вот то-то — кто? Знаем, что полька она, из Варшавы, знаем, как звать — Ядзя или Ядвига, а фамилия неизвестна. Называла она нам фамилию, да забыли ее в суете. Мы вот с дядей Бочкиным вчера языка в штаб доставили. Офицер. Ну, нам сегодня увольнительную дали — гуляйте, отдыхайте. Вот мы и решили отправиться за реку, пошукать по хуторам, где она ютилась, может, и знает кто ее фамилию,— отвечает Божий.

— Правильно. И пошли. На переправе давно уже отбой отстучали, вон и машины уж по мосту бегут, а мы сидим, болтаем,— говорит пожилой солдат.— Разрешите идти?

— А зачем вам фамилия?

Солдаты переглянулись.

— Как зачем? Должен же наш полк знать, кто от него беду отвратил... Счастливо оставаться!

И они, легко выскочив из щели, привычным солдатским шагом, неторопливым и спорым, стали подниматься на берег; впереди пожилой, худощавый, похожий на хищную птицу, а позади молодой, стройный, легко несущий свое крупное тело.

Река, переправа, машины, осторожно бегущие по ней, регулировщица, командующая движением,— все это уже окутывалось холодными синими сумерками, но последний луч солнца, выбивавшийся из-за гребенки леса, золотил на том берегу откос холма, ствол сломанной ивы, и вершина его багровела, точно на ней горел костер...

Вот что напомнила мне короткая давняя запись на пожелтелой страничке.

Вечная память тебе, неизвестная варшавянка Ядзя!

Олень и электричество

А. ГОМИАШВИЛИ

Средь скал,
в туман полночный погруженных,
исполненных таинственной красы,
отбившийся от стада олененок
бродил,
вконец продрогший от росы.

Ни звездочки!
Кругом одно молчанье,
и только совы ухали в лесу...
И вдруг застыл он,
словно изваянье,
перед созвездьем,
брезжущим внизу.

Там, озаряя здания и зелень,
огни сверкали в дремлющем селе,
как будто небеса сошли на землю,
расположившись гордо на земле.

Не понимал он, что́ там, в отдаленье,
в электростанций вслушиваясь гуд.
Быть может, огнерогие олени?
Но что же они к брату не бегут?

И долго-долго он стоял в тумане,
на эти звезды глядя сквозь кусты,
как изваянье из непониманья
и царственно бессмертной красоты.

Незаконченная картина зимы

Карло КАЛАДЗЕ

Да, ты художник истинный, зима!
Взмах кисти —
и уже белы дома!
Взмах кисти —
и на окнах чудеса!
Взмах кисти —
и серебряны леса!

Твой колорит
о многом говорит,
и сотнями оттенков он горит,
но ты прости, зима,
я убежден,
что все же чуть однообразен он...

Когда покой в природе настает,
мне,
черт возьми,
весны недостает!
И птичьей перепутанной возни!
Короче:
мне недостает весны...

Я даже и зимой
весну пою
с ее ручьями, птицами и светом!
Ты не смотри
на седину мою,—
под ней весна таится, как под снегом...

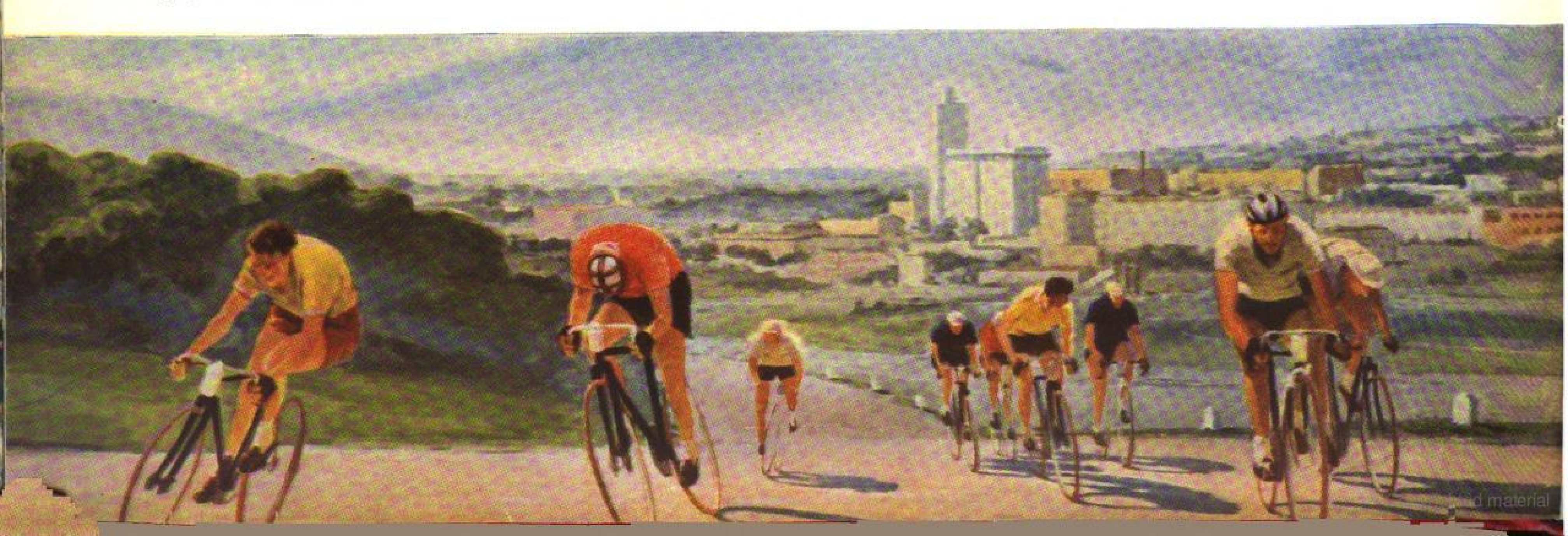
Переводы с грузинского
Евг. ЕВТУШЕНКО.

А. Кутателадзе. СБОР ЧАЯ. (Фрагмент.)

Т. Самсонадзе. НА ПРОИЗВОДСТВО.

Б. Манагадзе. СТРОИТЕЛЬСТВО ЛАДЖАНУРСКОЙ ГЭС.

В. Заридзе. ВЕЛОГОНКИ.

КАЛОТУБАНСКАЯ НЕВЕСТА

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Рассказ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

1

Леван и Гогола виделись теперь ежедневно: начался сбор винограда, и вся молодежь Калотубани помогала виноградарям собирать небывалый урожай. Но в саду Гогола бывала не одна, и Леван лишь украдкой улыбался ей. В этой улыбке было столько ласки и любви, что девушка смущалась, теряла свою обычную смелость и даже произнести «здравствуй» стоило ей большого труда.

— Что с тобой, дурочка? — шепнула чересчур догадливая Нино своей подруге, когда они вдруг столкнулись с Леваном у арбы, доверху наполненной виноградом.

— А что? — встревожилась Гогола.

— А то, что горишь ты, девочка. Увидела его и...

— Отстань! — сердито оборвала ее Гогола и, подхватив порожнюю корзину, быстро отошла от арбы.

— Постой, Гогола, от этого не убежишь, — догнав подругу, сказала Нино. — Только нельзя так краснеть при всем честном народе. Признайся, любишь его?

— Замолчи! И не стыдно тебе? Услышат...

Но разве толстушку Нино заставишь замолчать!

— Эх, вот, оказывается, как оно приходит!.. А я, несчастная, сохну без любви, — вздохнула Нино, но в этом вздохе было столько невинного притворства, что поверить в ее несчастье было просто невозможно.

— Погоди, еще полюбишь! Сердце ведь позволения не спрашивает, — с неожиданной грустью сказала Гогола.

— Ой ли! — развела руками Нино. — Такие парни за мной ухаживают... но я что-то не краснею и не бледнею при встрече с ними. Прохожу мимо — и все... Видно, не суждено мне полюбить.

— Что-то не похожа ты на старую деву! — усмехнулась Гогола. И, немного погодя, когда уже послышались голоса сборщиц, взяла Нино за руку и, волнуясь, попросила:

— Смотри, никому ни слова! Как сестру родную, прошу! Я сама еще не знаю, что со мной делается. Кажется мне, что я сейчас во сне живу.

2

Кончается сбор винограда, начинаются свадьбы. И многие калотубанцы были уверены, что этой осенью они погуляют и на свадьбе Левана и Гоголы. Но тут, как назло, нежданно-негаданно отец Гоголы Манучар обидел семью Надибаидзе. Ранее дружные соседи рассорились.

Накануне Октябрьского праздника в Калотубани приехали украинские колхозники. Председатель сельсовета Тедо Халашвили и по сей день без содрогания не может вспоминать, что творилось в нашей тихой Калотубани, когда решался простой как будто вопрос: в чьих домах будут размещены гости? Каждый калотубанец хотел принять у себя гостя и горячо оспаривал свое право на это.

— Поймите, люди добрые, я же не волшебник, чтобы семнадцать гостей разделить на двести хозяев! Из одного человека ведь десять не сделаешь! В другой раз у тебя погостят, — успокаивал Халашвили своих односельчан.

Но кто его слушал! Жалобам и обидам конца не было. Больше всех горячились хозяйка дома Надибаидзе — Анука — и отец Гоголы — Манучар. Анукe не могли отказать: в числе гостей был тракторист, с которым соревновался ее старший сын, Леван. А Манучару хотелось привести в дом гостя, потому что, «когда гость отворяет калитку, даже колья в плетне и те зацветают».

— Бессовестный ты человек, Тедо! — укорял Манучар председателя. — Как какой фотограф приезжает, ты его ведешь ко мне на ночлег! А таким дорогим гостям в других домах постели стелешь. Что, по-твоему, в моем доме крыша протекает? Или в очаге огонь потух? Обижаешь ты меня, Тедо, кровно обижаешь!

Охрипший от долгих пререканий и объяснений, Тедо устало проворчал:

— Ну, что им стоило побольше людей к нам послать! А так — одни неприятности.

Манучар ушел из сельсовета обиженный, хмурый, и даже Гогола, несмотря на все старания, не могла его успокоить.

3

В тот день семья Надибаидзе поднялась с первыми петухами. Захарий оседлал коня и поехал в Циплис-Цкаро встречать гостей. Георгий зарезал барана-двухлетку, подвесил его на крюк и принялся свежевать. Анука раздула огонь в тонэ, и вскоре во дворе к терпкому запаху дыма и отсыревшего за ночь сена примешался чудесный запах шоти-пури.

Когда немного рассвело, Георгий обстругал вертела из прутьев орешника, потом умылся, приоделся и сказал матери:

— Иду певцов приглашать.

— Так рано? — удивилась Анука.

— Сегодня певцы нарасхват будут. Видишь? — ответил Георгий, указывая на соседние дворы.

То тут, то там пузатые тонэ выбрасывали в серое небо жаркое пламя.

В полдень у развалин старой крепости показалась машина. Анука оправила платье, обтерла концом головного платка губы и распахнула калитку. Большой запыленный автомобиль стремительно промчался по узкой тенистой улице, между живыми изгородями и, миновав усадьбу Ануки, остановился у дома Угрехелидзе.

Манучар в черкеске с белыми газырями проворно соскочил с машины и велел выбежавшей навстречу жене:

— Собаку привяжи, Магдана!

Из машины вышли гости: молодой человек, одетый по-городскому — в шляпе и светлом пальто, — и грузный усатый мужчина в новеньких, начищенных до блеска хромовых сапогах.

— Прошу в дом, дорогие гости! — громко сказал Манучар.

На его голос выглянули соседи, и Ануке стало не по себе оттого, что она так поспешно открыла калитку — и вот осталась ни с чем.

— Где же мой Захарий? Вечно он опаздывает! — пробормотала она и поднялась на бугор у крепости, откуда были видны почти все калотубанские улицы и проулки. Собаки с лаем выскакивали навстречу машинам. Что-то весело кричали детишки, но больше ни одна машина не завернула в сторону старой крепости.

Анука постояла немного, вздохнула и, не дождавшись мужа, вернулась в дом.

А через полчаса Захарий, осадив у калитки взмокшего жеребца, весело крикнул:

— Ну как, хозяйка, гостей голодом не уморила?

— Каких гостей? Где гости? — всполошилась Анука.

— Ты что, Анука, шутишь? Разве Манучар не привез моих гостей?

— Манучар? — изменилась в лице Анука.

— Ну да! Я попросил его проводить гостей до моего дома, сам усадил их в машину.

— Значит, это были наши гости?

— Что ты говоришь, Анука? Ничего не понимаю!

— А что тут понимать! Вот где твои гости! — показала она на дом Манучара. — Заманил их к себе этот негодник! Ты что же, своих гостей сам не мог привезти?

— Мы в правлении новый соцдоговор составляли. Завтра подписывать будем. Задержал меня Гогуа, на беду мою. И-эх! — огорченно хлопнул себя по лбу Захарий и сошел с коня. Минуты две он стоял задумавшись и теребил бороду. И вдруг тихо рассмеялся.

Анука вспыхнула:

— Смеешься?

— Над собственной глупостью смеюсь, женщина. Золотых людей ему в руки отдал. А что ему осталось делать? Повел к себе. Так мне, старому дураку, и надо!

Анука молча повернулась, схватила ведро с водой и плеснула на раскаленные угли. На них должны были жарить шашлык. Захарий только крякнул, и, пожалуй, семейная ссора закончилась бы на этом, да лукавый еще раз попутал Захария. Ничего не сказав жене, он послал Манучару большой кувшин лучшего своего вина.

Анука узнала об этом наутро, когда Гогола вернула пустую посуду.

— Отец вам очень благодарен, тетя Анука. Наши гости сказали, что в жизни не пили такого вина.

Как видно, Захарий через край хватил. Терпению Ануки пришел конец. Она подождала, пока Гогола ушла, и набросилась на мужа:

— Ты что же, окончательно спятил? Как ты мог послать вино похитителю моих гостей!

— Да поди ты! — оправдывался захваченный врасплох Захарий. — В такое время не смотрят, что мое, что твое. Они ведь гости всего колхоза, а не мои только или Манучара. Сама знаешь: Манучар у нас новый поселенец, виноградник у него молодой, где ему взять хорошего вина! Ты что, хочешь, чтобы он перед нашими гостями осрамился? Нет, милая, его позор — позор всей деревни!

Долго еще убеждал и успокаивал Захарий жену, но она только хмурилась, и когда с усадьбы Угрехелидзе донеслась застольная песня, Анука набросила на голову полушалок и ушла к своей двоюродной сестре Кетеван, живущей на другом конце Калотубани.

4

Не в характере Ануки Надибаидзе было прощать обиды. Она не могла и не хотела помириться с семьей Манучара. Она перестала отвечать на приветствия Магданы и при случае поминала всех Угрехелидзе недобрым словом.

Магдана обычно отмалчивалась, не хотела ссориться с соседкой, но, как говорят калотубанцы, «дырявый бурдюк вина не держит».

...Ранней весной Анука начала работать поварихой в бригаде Дубова. Жена Надибаидзе умела хорошо стряпать; варила ли она хинкали или готовила чабанскую каурму, пальцы, бывало, оближешь. Поэтому трактористы и прицепщики с нетерпением ждали появления знакомой двуколки.

Однажды старая лошаденка забрела куда-то, и Анука долго искала ее. Лишь к вечеру повариха сумела накормить людей. Возвращалась она домой в полной темноте. Подъезжая к Соленому озеру, Анука услышала рокот трактора. Где-то поблизости пахали. Но сколько повариха ни всматривалась в темноту, она ничего не увидела. Анука удивилась, что тракторист работает с выключенными фарами. Насколько она знала, у Соленого озера никто из бригады Дубова не должен был сегодня работать. А может, после полудня что-нибудь изменилось в бригадном графике и не успели предупредить повариху?

«Надо накормить парня», — подумала Анука и свернула с дороги. Усталая лошадь с трудом брела по распаханному полю. Анука соскочила с двуколки и стала искать арабную тропу. В безлунную ночь Ширакская степь хуже леса: коли сбился с дороги, так лучше сиди на месте и жди рассвета, не то заедешь к черту на кулички. На десятки километров вокруг ни деревца, ни межевого столба, ни речушки. Не за что глазу зацепиться — ничто не подскажет, где ты находишься.

Анука долго плутала по черной, мягкой, как бурка, пахоте, пока не выехала на дорогу. Вскоре она привела Ануку на заброшенное буйволиное пастбище, где недавно отвели новым поселенцам приусадебные участки. Вот здесь и работал трактор с потушенным светом. Анука сразу почуяла что-то неладное и хотела повернуть лошадь, но тракторист остановил машину и окликнул:

— Эй, кто там?

Анука, пожалуй, не отозвалась бы, не любила она вмешиваться в чужие дела, но, как на грех, признала тракториста по голосу и не стерпела.

— Благодари бога, Алексий, что я не твой бригадир, негодник ты этакий!

— Тетя Анука, — паренек подбежал к двуколке, — не сердитесь на меня.

— Кому пашешь? — строго спросила Анука.

— Дато Канчашвили.

— Да-а! Хорошего батрака нашел себе Дато!

— А что мне делать, тетя Анука? — пожаловался тракторист. — Начальство приказало.

— А где твоя совесть? Потерял? И не стыдно тебе? Как вор, в темноте копошишься, свет потушил, от людей прячешься. А ну, говори, кто тебя сюда послал?

Парень замялся, помолчал, но утаить правду от Ануки Надибаидзе не решился.

— Лекашвили приказал.

— Гоча? Зять Манучара?

— Да, — шумно вздохнул парень.

Анука не раз слышала о том, что заместитель директора МТС Гоча Лекашвили, пользуясь служебным положением, посылает трактористов обрабатывать приусадебные участки своих многочисленных родичей.

Анука попрощалась с трактористом в самом хорошем настроении. Еще бы! Зять Манучара попался с поличным. Хороши они оба: один гостей ворует у соседей, другой государство обманывает. Ничего, выведу вас на чистую воду!

Анука взмахнула хворостиной, и старая лошаденка, недовольно фыркнув, затрусила нешибкой рысью по заросшей бурьяном дороге. В двуколке задребезжали бидоны. У Соколиного оврага дорогу перебежал шакал, лошадь шарахнулась в сторону. Анука едва удержалась на сиденье и очень больно ушибла колено.

«Вот и наказание за мои грешные мысли! — усмехнулась Анука. — Конечно, жулика надо наказать. Тут спора нет. Но не от меня это должно исходить... Люди сейчас моей правде не поверят, скажут: наговаривает Анука, обиделась на семью Манучара, вот и мстит».

Анука решила молчать. Она и дома ничего не сказала ни мужу, ни сыновьям. Но не зря говорят: волк ли тебя задерет либо похожая на волка собака — все одно.

Так оно и вышло.

Другие люди, без помощи поварихи, вскоре уличили Гоча Лекашвили в нечестных делах. И все же не убереглась Анука от неприятностей. Кто-то шепнул на ухо жене Манучара: «Это она, ваша соседка... Напугала бедного Алексия, и он все выболтал».

Магдана не стала разбираться, что и как, только всплеснула руками и заголосила на всю деревню:

— Доносчица проклятая! Чтоб тебе света божьего не видеть!

— Успокойся, мама, разве так можно! — умоляла Гогола.

— Ты не учи меня! — обрушилась на нее Магдана. — Знаю, что у тебя на уме. Запомни: увижу тебя с Леваном, из дому выгоню! Не пожалею!

Гогола ничего не сказала. Девушке хотелось верить, что мать немного погорячится, поворчит и все забудет. Но вечером, когда Гогола собралась на репетицию в драмкружок, Магдана вдруг преградила дочери дорогу и сорвала с нее платок.

— Не пущу!

— Что ты, мама, я же подведу товарищей, завтра спектакль.

— С Леваном играть в одной пьесе ты не будешь! Слышала?

Что ж, слово матери в семье Угрехелидзе — закон.

За всю зиму девушка всего несколько раз виделась с Леваном, да и то на людях. И после каждой такой встречи Гоголе все труднее было покоряться воле матери.

А Леван совсем потерял покой. Не зная, что произошло в семье Угрехелидзе, он уверял себя, будто Гогола только играла с ним и потому так легко забыла о его существовании. Даже перестала ходить в те места, где они обычно встречались.

Было от чего прийти в отчаяние.

В середине июня Леван поехал в Тбилиси на совещание молодых передовиков сельского хозяйства. В вагоне было душно, ночной кахетинский поезд медленно, с одышкой взбирался на Бадиаурское плоскогорье, в открытое окно степная непроглядная ночь швыряла больших бабочек, они грузно шлепались на столик, на постель, и Леван, несмотря на духоту, решил закрыть окно.

— Бабочек испугался! — сказал кто-то за его спиной.

Леван обернулся и увидел смеющуюся Гоголу. Она стояла между опущенными полками и обмахивала лицо смятым влажным платочком.

— Гогола! Ты что здесь делаешь?

— Ищу тебя по всем вагонам, — сразу призналась девушка.

— А может, не меня? — хмуро спросил Леван.

Нет, не это он хотел сказать. Но горькая обида опередила радость, и вот с языка сорвались слова, которых уже не вернешь.

— Может быть, — неожиданно подтвердила Гогола.

«Только бы не расплакаться сейчас! Какой он жестокий!» — подумала она, до боли прикусив губу.

— Садись... Чем тебя угостить? Холодного лимонада хочешь? — окончательно смутившись, предложил Леван.

— Спасибо, не хочу. Спокойной ночи, Леван! — сказала Гогола и быстро прошла по длинному, слабо освещенному коридору.

Леван бросился за ней.

— Прости меня, Гогола. Я камень неотесанный...

Левану еще многое надо было сказать, но в тамбур из соседнего вагона шумной гурьбой ввалились подвыпившие парни с гармоникой.

— Я пойду, — сказала Гогола. — Если хочешь... приходи завтра пораньше на совещание.

— А ты там будешь?

— А как же. Кто же моих бедных буйволов защищать будет? — отшутилась Гогола и, слегка коснувшись горячими пальцами его руки, ушла в свой вагон.

5

Совещание закончилось вечером того же дня, и ширакские комсомольцы ночным поездом уехали домой. Леван и Гогола остались в Тбилиси. Еще два дня провели они в этом большом городе, где Гоголу никто не знал, кроме старенькой тети, у которой она остановилась, и нечего было опасаться, что кто-нибудь скажет Магдане: «Твою дочь видели с Леваном Надибаидзе».

С утра до позднего вечера Гогола и Леван без всякой опаски ходили по шумным, нарядным улицам столицы, словно они и вправду были обручены.

Когда надоедало бродить по улицам, они заходили в магазины, рассматривали красивые вещи, приценивались, примеряли. Денег у них на такие покупки, конечно, не было. Но разве для счастья влюбленных нужна большая казна? Разве они не самые богатые люди на свете? Они только обменивались понимающими взглядами и, едва сдерживая смех, отходили от прилавка.

Но радость девушки все время омрачал какой-то смутный страх. Что если Леван еще до отъезда в Калотубани сделает ей предложение? Она не хотела, чтобы самое важное в ее жизни решалось здесь, в незнакомом городе, среди чужих людей.

Сейчас более чем когда-либо жаждала она, чтобы где-то рядом были мать, сестры, Нино, чтобы хоть издали можно было видеть кровлю родного дома. Тогда не казалась бы она самой себе такой беззащитной.

В субботу днем они побывали на выставке грузинских художников, а к вечеру поднялись на гору Давида и долго стояли перед скорбящей бронзовой женщиной на могиле Чавчавадзе.

В парке на плато было многолюдно, и они с трудом нашли у самого обрыва незанятую скамью.

* * *

Пройдет немало времени, а Леван все будет помнить ночь на горе Давида, счастье первого поцелуя и робкий голос Гоголы.

— Пусти... Увидят!

Отталкивала и не могла оттолкнуть губы Левана, уклонялась и не могла уклониться от его объятий.

Леван так ждал этого часа, сколько нежных и ласковых слов хранил для нее, а вот пришла пора — все до единого забыл, кроме одного.

— Гогола, Гогола, — шептал он испуганной его бурным порывом девушке.

А далеко внизу сверкал бесчисленными огнями ночной Тбилиси, над трамвайными путями за Верийским мостом вспыхивали быстрые зарницы, где-то у Навтлуги протяжно перекликались паровозы.

Давно уже потушили огни в ресторане у фуникулера, замолкла музыка, а Леван и Гогола все еще не могли наговориться. И самое удивительное, что они почти не слушали друг друга, говорили они оба разом, и если умолкал Леван, то умолкала и Гогола — и тогда они слышали, как гулко билась в их сплетенных руках беспокойная кровь.

— Белый ангел среди черных дьяволов, — вдруг вспомнил Леван, как ласково называли Гоголу калотубанцы.

Гогола рассмеялась:

— Хорош ангел! Написанное не могла прочитать. Знаешь, как я волновалась... Убери руки, не то сейчас уйду... Я думала, что упаду с трибуны.

— Ты прекрасно говорила. Я даже позавидовал твоим буйволам. Подумал: все ласковые слова она потратит на них, что мне, бедному, останется?

— Смотри, Леван, поезд идет. Как он красив ночью...

— Это же наш, кахетинский!

— Правда? Ой, боже, как поздно! — воскликнула Гогола. — Скорей, скорей, Леван! — не оборачиваясь, крикнула девушка и стремительно побежала по тропе.

Они успели к последнему рейсу фуникулера. Леван протянул деньги пожилой кассирше с посеревшим от усталости лицом.

— Два билета!

— С сегодняшнего дня влюбленных возим бесплатно, — с серьезным видом заявила кассирша и захлопнула окошко.

Недоумевая и немного стесняясь, Леван и Гогола сели на свободную скамью и только на нижней станции узнали, что ехали в служебном вагоне.

Вот и знакомые ворота на улице Восьмого марта. Гогола заглянула во двор и покачала головой.

— Тетя не спит. Не пустит меня в дом.

— Вот и хорошо, если прогонит, — сорвалось у Левана.

Гогола быстро повернулась, горделиво вскинула голову, выпрямилась и насмешливо сказала:

— А ты посмотри на меня, парень! Разве таких выгоняют из дому?

Леван рванулся было, чтобы еще раз обнять девушку. Но она увернулась и бесшумно закрыла за собой калитку.

Идти к себе в гостиницу Левану не хотелось. Он долго бродил по спящему городу и даже заблудился в узких, кривых переулках старого Тбилиси, но это ничуть не обеспокоило его. Теперь он никуда не спешил. На сердце у него было легко и спокойно.

Он не знал, который час. Но когда по булыжной мостовой торопливо застучали копыта осликов и первые мацонщики в мохнатых шапках вынырнули из темноты, Леван понял, что скоро рассвет.

«Пойду к себе, посплю часок», — решился наконец Леван и, чтобы не сбиться с дороги, пошел по берегу Куры.

Он мог поклясться, что не искал сейчас этого дома! Но как бесконечно он обрадовался, когда увидел знакомую калитку. Леван присел на каменную ступеньку лестницы и закурил. К нему подошел ночной сторож, охранявший пивной ларек.

— Пора домой, гражданин. Все гуляки уже пошли спать.

— Немного отдохну и пойду, — сказал Леван.

— Смотри не засни, а то без сапог останешься.

«Заснуть? Перед этим домом не то что сон, даже смерть не закроет мне глаза», — подумал Леван.

...И минуту спустя он так крепко и безмятежно спал, как не спал, наверное, с самого раннего детства.

Так, спящим, и застало его первое утро войны.

* * *

Во вторник двадцать четвертого июня Левана вызвали в военкомат и предложили немедленно выехать в Гори, где формировалась Грузинская дивизия.

В тот же день он передал трактор своему молодому напарнику и получил расчет. Потом попрощался с родственниками и близкими друзьями.

Приехал с триалетских пастбищ Георгий, чтобы проводить брата.

В полдень под старым орехом накрыли стол. Захарий вынес из дома большой турий рог, наполнил его вином и сказал:

— Ты у нас грамотный парень, Леван... Так я тебе один вопрос задам, хочу твой ответ послушать.

— Спрашивай, отец!

— Чем, по-твоему, человек отличается от животного?

Леван улыбнулся. «Чудит отец, что-то хочет на прощание сказать, но, как всегда, начинает издалека».

— А ты не смейся, — хмуро сказал Захарий и посмотрел сыну прямо в глаза. Старик привык к тому, что сыновья понимают его с полуслова. — Я тебя серьезно спрашиваю.

— Это каждый школьник знает, отец. Помнишь, Георгий, как у Чавчавадзе сказано:

Тебя, мой вол,
бог создал бессловесным,
Меня же даром
речи наделил...

Захарий кивнул головой.

— Хорошо сказал наш поэт, но не все. Далеко не все, Леван. Животное стыда не имеет. А человек... Нет стыда и совести — нет человека. Так я понимаю.

Леван увидел, как дрогнул рог в руке старика и несколько капель красного вина упало на скатерть. Леван подошел к отцу. Они были почти одного роста, черноволосые, черноглазые, с одинаковым размахом плеч, и лицом были поразительно похожи. Это сходство доставляло старику большую, правда, никогда не высказанную радость.

— Не бойся, отец, — тихо сказал Леван. — Я все понял.

* * *

Гогола поджидала Левана у старой крепости. В Калотубани давно не было дождей,

речка пересохла, и они, не замочив ног, перешли на другой берег. Земля была в трещинах, выгоревшая трава с хрустом ломалась под ногами, она остро пахла зноем, и только виноградные лозы, обрызганные медным купоросом, радовались этому жаркому солнцу.

— Постой, Гогола, куда ты спешишь? — сказал Леван.

Девушка остановилась и с грустью посмотрела на Левана: «В самом деле, куда я спешу!»

Она несмело прижалась к его плечу.

— Ты не забудешь меня, Гогола?

Она ничего не ответила, только всхлипнула и отвернулась.

Леван не думал, что Гогола может плакать, как и всякая другая девушка. Он взял ее руку и стал перебирать тонкие, холодные пальцы, все время думая о том, что через несколько часов они должны будут расстаться. И никакая сила не может помешать этой разлуке.

— Ты будешь ждать меня, Гогола?

Гогола повернулась к нему.

— Кого же мне еще ждать?

— Легко сказать... Кто знает, когда кончится война! Может, год пройдет, может, два...

— Хоть двадцать! Разве могу я тебя забыть, любимый!

— Эх, Гогола! — Леван покачал головой.— Твоя мать моего имени слышать не хочет. Все делает, чтобы разлучить нас. А когда я буду там, на фронте, она тебя быстро выдаст замуж.

— За кого? — скупо улыбнулась Гогола.— Все хорошие парни уходят на войну, а за плохого... пожалеют меня.

— Тебя, может, пожалеют, а меня... Я знаю Магдану. Уеду — она все по-своему решит.

Он сказал это с такой горечью, что девушка снова заплакала. Почему он не верит ей? Она будет ждать, ждать, ждать... Она бросится в Алазани, если мать станет между нею и Леваном.

Но Леван не верит, что Магдана, упрямая и своевольная женщина, отступится от своего. Леван выглядел сейчас таким расстроенным и беспомощным, что Гоголе стало нестерпимо жаль его. Но жалость — плохое утешение. И бедная девушка не знает, чем успокоить любимого человека, как заставить его поверить ей, ее словам, ее клятвам, слезам ее. Как отпустить его туда с такой раной в сердце?

Она вдруг торопливо высвободила свою руку из руки Левана.

— Что с тобой, Гогола?

— Ничего, — ответила Гогола.

Но Леван видел, что с девушкой что-то происходит.

— Подожди меня здесь,— сказала Гогола.

— Куда ты?

— Я сбегаю домой, принесу паспорт.

— Паспорт?

— Тедо повенчает нас... Надо только застать его в сельсовете.

— Ты с ума сошла! — Он растерянно посмотрел на нее.

— Не сердись, милый. Все будет хорошо. Я буду ждать тебя как жена... Как твоя жена.

Леван едва не заплакал, услышав эти слова. Вот она какая, Гогола Угрехелидзе! Сколько ей пришлось пережить и передумать за эти короткие мгновения, прежде чем она решила пойти наперекор своей матери, против своей семьи, сколько цепей она должна была порвать!

Ему стало стыдно за все недавние сомнения, и он порывисто обнял девушку.

— Моя любимая, моя храбрая Гогола!

Гогола безмолвно прижалась к груди юноши. Они стояли посреди поля, тесно обнявшись, и Гогола больше не боялась, что их кто-нибудь увидит. Потрясенный неожиданным решением девушки, Леван не находил слов и только целовал ее мокрые от слез глаза.

— Пусти меня, Леван. Я скоро вернусь и приведу Нино, а ты подожди нас в сельсовете.

— Погоди, Гогола, дай мне немного подумать.

— Я уже все обдумала. Пусть мама теперь что хочет делает. Выгонит из дома — пускай выгоняет, я к вашим пойду. Думаешь, они не примут меня? Я хочу, чтобы ты уехал туда счастливым и спокойным. Пойми, что я твоя жена... Твоя...

Сердце Левана разрывалось. Многое отдал бы он, услышав эти слова раньше, хотя бы неделю тому назад. Но сейчас Леван уходит на войну — не на гулянку. Кто знает, пощадит ли его вражья пуля! Имеет ли он право связать судьбу Гоголы со своей неверной солдатской судьбой? И, может быть, обречь ее на горькие вдовьи слезы? Только для того, чтобы успокоить свое растревоженное сердце? Нет, это недостойно мужчины из рода Надибаидзе. Милая Гогола, твои слова больше, чем бумажка из загса. Теперь я девять войн готов пройти!

Но девушке он ничего не сказал.

Они повернули обратно и пошли по вытоптанной отарами узкой тропе. Клочья овечьей шерсти висели на запыленных кустах дикого шиповника.

— Ты не передумала, Гогола? — спросил Леван, когда подошли к речке.

— Я дважды не клянусь, Леван.

Она быстро перешла по камням на другой берег, обернулась, что-то крикнула Левану, но он не расслышал.

...Гогола даже не переоделась, она только переменила туфли, которые запачкала, переходя речку, взяла паспорт, потом забежала к Нино и, не дав опомниться подруге, увлекла ее за собой.

Левана в сельсовете не было. Не было его и на площади в духане, где он обычно любил посидеть с братом и с отцом.

— А он уже уехал. Как раз автобус проходил,— сказал девушкам старый буфетчик Вано.

* * *

Возвращались домой молча. Зажав в руке паспорт, Гогола медленно шла рядом с подругой. Она казалась сейчас такой строгой и неприступной, что Нино ни о чем не посмела ее спросить. Добрая толстушка была совершенно сбита с толку. «Хоть бы слезу уронила! А то молчит и молчит», — сокрушалась она.

Так прошли они всю деревню, и только у старой крепости, где они должны были попрощаться, Нино не удержалась и сказала:

— Ничего не понимаю.

— Зато я понимаю.

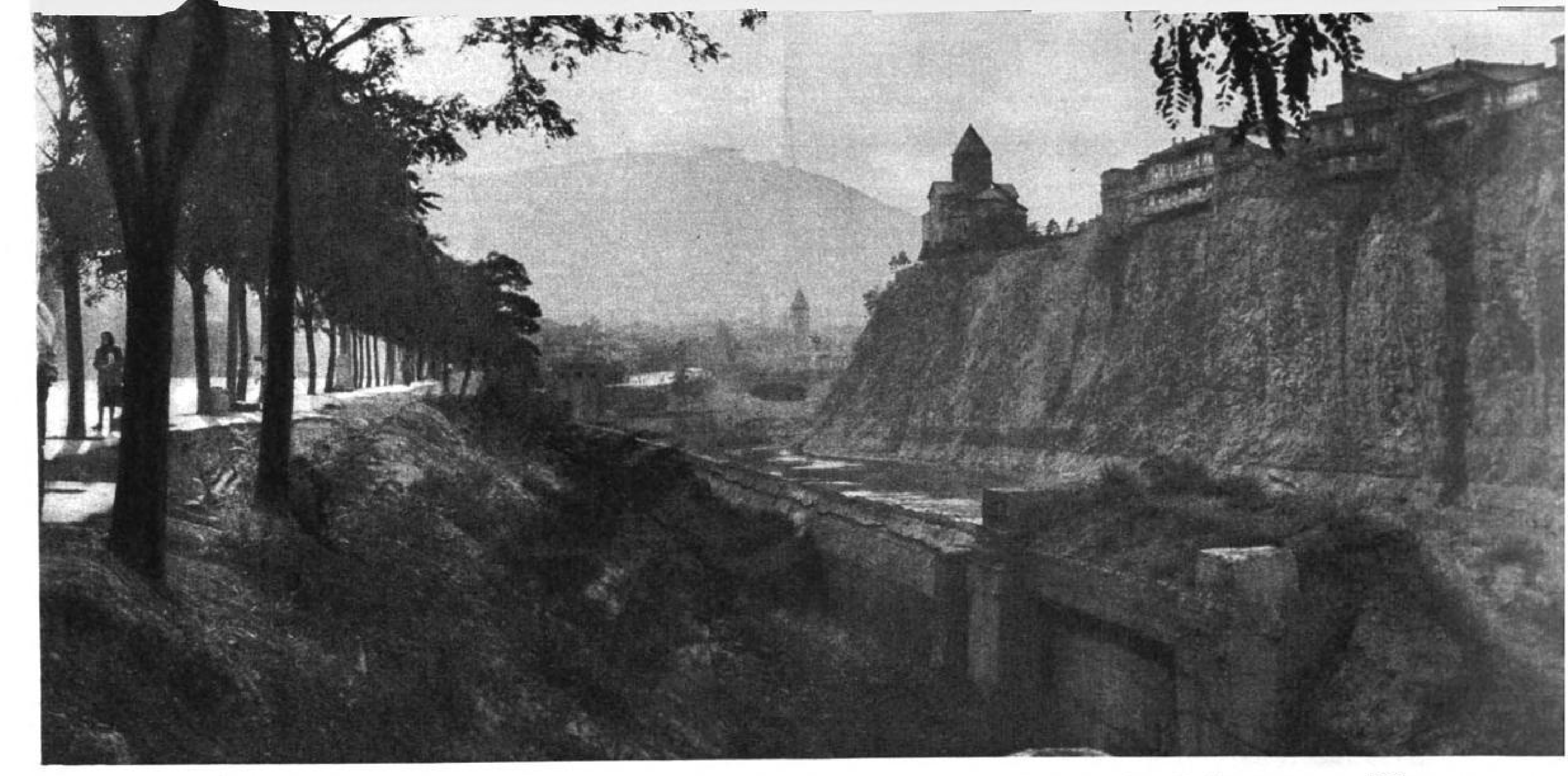
Гогола остановилась и, приблизив к подруге бледное, уставшее лицо, горячо зашептала:

— Ты не знаешь, как он меня любит!.. Сто лет буду его ждать... Веришь, Нино, сто лет!..

Они еще немного постояли на холме. Ни одно окно не светилось в Калотубани, на улицах не горели фонари, непроглядная темень поглотила степные деревни. Девушки испуганно прижались друг к другу.

Это была первая в их жизни ночь войны.

Перевел с грузинского
Эм. ФЕЙГИН.

Тбилиси. Над Курой.

Фото Н. Козловского и И. Тункеля.

ПЕРСТЕНЬ ДРАГОЦЕННЫЙ

Ник. КРУЖКОВ

О Грузия моя,
ты перстень
драгоценный...
Иосиф Гришашвили.

Никогда я не питал зависти к поэтам, хотя в ранней молодости и грешил рифмами. Но когда я приехал в Грузию и увидел эту страну в сиянии весеннего солнца, в палевом дыме цветущего миндаля, в алмазных отблесках то далеких, то близких снежных гор, увидел ее бурные реки, широкие долины, кипучие города, поэтические селения, старинные башни и замки, познакомился с жизнью людей, населяющих эту страну, то искренне пожалел о том, что судьба лишила меня стихотворного дара, ибо только звонкоголосыми стихами можно воспеть ее красоты, ее прелесть, ее обаяние.

И куда мне деться со своей журналистской прозой, если в нежной любви к Грузии объяснялись и Пушкин, и Лермонтов, и Маяковский, и Есенин, не говоря уже о поэтах грузинской земли, чья сладкозвучная лира пронизана светом, радостью и солнцем?!

1

Тбилиси — одна из немногих столиц, вобравшая в себя черты страны и нации; Тбилиси — сердце Грузии, как Москва — сердце России. С горы Мтацминда, возвышающейся над всем городом подобно туче, Тбилиси предстает во всей своей красе,— не минуете вы эту гору, если приедете в Тбилиси. Надолго, как завороженный, остановитесь вы на ее вершине, будучи не в силах оторвать глаз от широких просторов города, разрезанного надвое кривой саблей Куры, города, полного движения, с улицами широкими, вполне современного вида и старинными переулочками, сбегающими к реке подобно ручейкам. Забудьте о том, что существуют такси, автобусы, троллейбусы, бродите по Тбилиси пешком, сколько хватит сил, вбирайте в себя неповторимый аромат необычного, своеобразного города, где академия, университет, многочисленные институты, первоклассные театры, красивые парки, стадионы соседствуют с соборами и церквами, которым по тысяче лет, с домишками, прилепившимися, как птичьи гнезда, к отвесной скале. Вы увидите шумные, нарядные толпы на проспекте Руставели и старичков где-нибудь на улице Авлева, играющих в нарды с юношеским пылом; живописные рынки, где идет торг, сопровождаемый вполне театральными жестами, и картинную галерею, где вы навеки запомните Нико Пиросманишвили, о котором Павел Антокольский сказал:

Духанщик ему кахетинским
платил
За яркую вывеску. Старое
сердце
Стучало от счастья, когда
для кутил
Писал он пожар помидоров
и перца...

Город ремесленников, торговцев и чиновников, превратившийся в город машиностроителей, текстильщиков, студентов, ученых и поэтов, город, являющийся средоточием национальной многовековой грузинской культуры, соединенной с достижениями современной научной мысли во всех отраслях знания,— Тбилиси пленит вас навсегда и будет представляться вам в сновидениях.

С древнейших времен шли через город пути с Запада на Восток. И кто только не воевал Тбилиси, не брал его штурмом: арабы и монголы, персы и турки сжигали его дотла, превращали в груды камней, но он, как сказочный феникс, вновь возрождался из огня и пепла. Само существование Грузии и его народа висело на волоске. Казалось, еще один удар — и все навеки смолкнет в долине Куры. Русские войска остановили вражеские нашествия, и это нам всегда в честь и славу. Крупнейший общественный деятель и писатель Грузии Илья Чавчавадзе, размышляя об этом, писал: «Обрела покой долго волновавшаяся усталая страна, избавилась от разорения и разгрома, успокоилась от войн и нашествий. Смолк звон мечей, занесенных вражеской рукой над нами, погасли пожарища сжигаемых жилищ наших отцов и дедов... Грузия вступила в новую эру, эру мирной спокойной жизни».

И невольно вспоминаешь надпись на могиле Грибоедова, высеченную по воле Нины Александровны Чавчавадзе, вдовы писателя:

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя». Сын России и дочь Грузии — как символична их любовь!

Хорошо написал об этом Георгий Салуквадзе:

Последний дом твой на горе
Давида,
Здесь Грузия склонилась
над тобой!
Печалью материнскою повита,
Она венок сплела тебе живой.
Стереть не может дней поток
несметный
Прекрасной Нины вещие
слова —
Твои дела воистину
бессмертны,
Ее любовь по-прежнему жива.

2

Шумит Кура, гремит камнями, воды ее мутны и злы. Горы, покрытые лесом, кустарником, то уходят ввысь, под сень снежных полотен, то разбегаются в стороны, образуя широкие долины, то сдвигаются так, словно хотят преградить нам дорогу, навалиться на шоссе, легко бегущее вниз, не пустить нас из Вардзии, откуда мы держим путь.

Час тому назад мы простились с Григорием Модебадзе, который показывал нам Вардзию — монастырь-крепость с сотнями искусственно созданных пещер, вырубленных в отвесных скалах, где были и храмы, и дворцовые залы, и зернохранилища, и винодавильни, где сохранились древние фрески и остатки водопровода, где проложены темные лестницы и туннели, пробитые в камне. Все это было сделано руками человека более 700 лет тому назад.

Григорий Модебадзе подробно рассказывал нам о старинных пре-

«Мать Грузии» — фигура, установленная на Комсомольской аллее в Тбилиси.

даниях и легендах, о кровопролитных схватках на этих каменных ступенях, о несметных богатствах, хранившихся в тайниках Вардзии.

В его словах оживала вся история многострадального и величественного края — Месхетии, которая дала Грузии замечательных воинов, талантливых зодчих и прославленного в веках Шота Руставели. Вот только что мы проехали небольшое село Рустави, где родился поэт. Недалеко от дороги поставлен ему памятник. Запечатленный в камне, поэт смотрит на горы своей родины, и кажется, что взор его исполнен живого вдохновения...

А Кура шумит, гремит, с каждым километром становясь все грознее, словно она обрела свежую силу, вырвавшись из турецких ущелий. Так мы и приехали под гром ее струй в старый город Ахалцихе, название которого застряло в памяти со школьных лет — от описаний вековечных русско-турецких войн. Чистый городок лежал перед нами. Он вовсе не походил на далекое захолустье. Огромные дизельные автобусы соединили его с Тбилиси. Железная дорога, пробравшаяся сюда, в горы, оживила край. Город казался многолюдным, ибо здешние жители, как все южане, не любят сидеть дома. Впоследствии такую же картину мы увидели всюду в Грузии: в этой республике нет заброшенных городков, в которых жизнь течет где-то подспудно, незримая внешне.

Совсем недалеко от Ахалцихе и турецкая граница, стоит только добраться до поселка Вале, а там уж рукой подать. Мы ехали как раз туда познакомиться с пограничным колхозом имени Махарадзе, где председательствует отличный хозяин, известный в Грузии человек — Семен Яковлевич Какачишвили.

Вале порадовал нас красивыми домами, удивил шахтами, разбросавшими свои терриконы в широкой долине,— нет, совсем не захолустье и Вале! Недаром турецкие офицеры уверяют своих солдат, что это не настоящий город, а макет, изготовленный специально для обмана турецких пограничников.

На окраине поселка Вале, широко раскидав в стороны дома и усадьбы, огороды и сады, расположился колхоз имени Махарадзе. Когда-то здесь крестьяне жили в землянках вместе с овцами и телятами, но эти времена прошли, и теперь всюду видишь добротные дома. Вот они ушли на ближайшие пригорки и стремятся все дальше и дальше. Село растет, растет достаток, утвердилась уверенность в завтрашнем дне. 350 новых домов построено в колхозе за последние годы, да каких домов — в два этажа, в 6—7 комнат!

Семен Яковлевич Какачишвили оказался высоким, крепким пятидесятисемилетним человеком с широкими плечами, с загорелым лицом, изборожденным энергическими морщинами. Такие лица были, наверное, у воинов Георгия Саакадзе, бесстрашных рубак, неистовых в бою. Но Какачишвили не был воином. Вот уже двадцать восемь лет, со дня организации колхоза в здешних местах, он является его бессменным председателем. Зарывшаяся в землю горная приграничная деревушка на его глазах превратилась в большой благоустроенный сельский поселок с населением в две тысячи человек, и в это превращение вложено немало труда им самим, Семеном Какачишвили. Биография его очень похожа на сотни биографий таких же деятельных сельских хозяев, каких можно встретить и на русской, и на украинской, и на молдавской земле.

Председатель повел нас в колхозный Дом культуры — отличный дом — и рассказал нам о колхозном хозяйстве. Земли здешние неплодородны, скудны, но и здесь люди упорным трудом добились хорошей жизни. Прошлый год был нелегок, но все-таки колхоз дал на трудодень 4 килограмма зерновых, 7 килограммов картофеля, килограмм овощей, килограмм фруктов и 7 рублей 34 копейки старыми деньгами. Средний урожай зерновой культуры был 34 центнера на гектар, фруктов — 129 центнеров, картофеля — 214 центнеров.

— В этом году рассчитываем собрать больше. Люди у нас хорошие, работают старательно... Тридцать семь коммунистов в колхозе, сто двадцать комсомольцев. С таким активом можно большие дела делать...

Мы попросили председателя показать нам дом, любой дом местного колхозника. Но, увы, это оказалось невозможным: народ ушел на работы. Только ветхие старики и старухи копошились во дворах да бегали по улицам ребятишки, те, кому еще рано идти в школу.

Совсем близко от села возвышались горы с вершинами, покрытыми снегом.

— Турецкие горы! — сказал председатель.— Видите вышку? Это граница.

И он рассказал нам, как оттуда, из-за рубежа, через глухие ущелья иногда пробираются, как шакалы, непрошеные гости, и тогда вся округа встает на ноги, и шакалам никак не пройти сквозь кордон всенародной бдительности.

...Местные жители говорили: если вечером подняться на самолете и взглянуть сверху на границу, то этот почти незримый днем рубеж становится явственно ощутимым: в свете электрических огней, в кипении жизни на дорогах, в поселках и городах лежит Грузия. А вот там, где царит мгла, где изредка мелькнет огонек и, словно испугавшись, погаснет,— там Турция.

3

Шумит Кура, неумолчны ее воды. Она как бы раздвигает горы, настойчиво пробиваясь все дальше, туда, где ее примут просторы широкой степи и земли соседнего Азербайджана.

У Боржоми горы будто совсем осилили реку. Они набросились на нее в свирепых папахах лесных вершин, вонзили острые кинжалы притоков и погнали дальше на восток. Боржомское ущелье предстало перед нами в клочьях седых туманов. Городок лежал в живописном ущелье чистый, радостный, дома его то взбирались на кручи, то убегали вниз, прячась под купы могучих деревьев.

Боржоми! Кто не знает эту превосходную минеральную воду, источники которой родились вот здесь, в этих горах?

— Все больше вода наша нравится людям! — сказал директор завода минеральных вод Николай Дорофеевич Бокучава, энтузиаст своего дела...

И он повел нас на свой завод, где мы увидели, как приготовляется эта целебная вода. 93 миллиона бутылок дал завод в 1960 году, 100 миллионов даст в нынешнем.

По конвейеру бесконечным потоком идут бутылки — тысячи, сотни тысяч, миллионы. Одетые в белоснежные халаты операторы внимательно следят за бутылками, подсвеченными ярким светом ламп. Малейший брак — и бутылки снимаются с конвейера. Немного дальше проворные работницы наклеивают этикетки в таком быстром темпе, что не успеваешь следить за движением рук. В заводской лаборатории во-

МАРКА РЕСПУБЛИКИ

Р. ЕЛИГУЛАШВИЛИ,
председатель президиума Торговой палаты Грузинской ССР

Марка Грузинской республики!
Можно сказать, что до 1921 года такой марки просто не существовало. Из Грузии на внешний рынок вывозились только сырье и товары кустарного производства.
В прошедшем году 53 страны мира познакомились с маркой Грузии. Мы поставили на экспорт свыше 90 наименований товаров. Среди них большой удельный вес занимает продукция машиностроения, станкостроения, приборостроения, металлургии, химической, пищевой и легкой промышленности.
В поставках экспортной продукции участвуют сейчас 40 промышленных предприятий республики.

Трубы руставского металлургического завода. И не только трубы — трубная заготовка, листовая сталь, сортовой прокат вывозятся в Румынию, КНР, ГДР, Болгарию, Австрию, Индию, Иран.

да тщательно проверяется, чтобы ни в коем случае не менялись ее качество и химические свойства.

— Предприятие надо расширять, и мы будем его расширять,— говорит Николай Дорофеевич Бокучава.— Геологи находят все новые и новые запасы этой воды. В натуральном виде боржом — теплая вода. Мы ее здесь охлаждаем, газируем, и тогда получается тот боржом, который вы все знаете... Газ вырабатываем сами, а вот этот соседний завод дает нам посуду.

Из окон разливочного зала был виден двор, сплошь уставленный ящиками с бутылками.

— Наш неприкосновенный запас,— сказал директор.— Семь миллионов! Завод стеклотары может иметь перебои, мы не можем...

...Была ранняя весна, в дальних горах шел снег, а улицы городка поливались дождем. Но было тихо, совершенно тихо в этом городе, прикрытом со всех сторон крутыми горами, чьи очертания мы знаем по этикеткам бутылок с прославленной минеральной водой.

...И было красиво, все равно красиво в этот дождливый весенний день, когда, словно вуалью, накрылись ближние горы и сделались призрачными, невесомыми.

Хочется напомнить одно письмо Петра Ильича Чайковского, в котором он воздал дань здешней природе: «Скажу вам, что это одно из прелестнейших мест, когда-либо мною виденных... Знаете ли, иногда, ей-богу, я проливаю слезы от красот, на которые на всяком шагу наталкиваешься...»

4

В Гори мы целый день провели на хлопчатобумажном комбинате, самом крупном предприятии города. Созданный десять лет тому назад, он решительно изменил черты города. Пять тысяч рабочих и служащих комбината составили немалый процент для тридцатишеститысячного Гори.

Сорок восемь миллионов метров хлопчатобумажной ткани в год дает комбинат. Ситец, мадаполам, сатин, фланель, бумазея, пике, майя — таков ассортимент продукции комбината. В 1962 году будет пущена вторая очередь строительства, и тогда комбинат начнет выпускать 75 миллионов метров ткани в год, а работать будет на комбинате 8 тысяч человек.

На недавней текстильной выставке в Москве Горийский комбинат впервые предъявил свою продукцию на всесоюзный суд.

Конечно, кадры для комбината дало главным образом местное население, но в числе рабочих и служащих вы встретите представителей различных национальностей. Рядом со смуглыми грузинами и грузинками вы вдруг увидите совершенно русское лицо ивановской или ярославской ткачихи, которая несколько лет тому назад приехала сюда учить своих грузинских подруг ткацкому искусству, да так и осталась здесь на благословенной здешней земле, превратившись в патриотку Гори.

В списке передовиков вы увидите рядом с грузинскими фамилиями Мухову, Зуеву, Сапрыкину, Шевченко. Все живут и работают дружно в единой пролетарской семье комбината.

Мы познакомились там с ткачихой Ксенией Месхишвили, чей жизненный путь так характерен для современной молодой советской работницы. Жила она в горном селе, совсем недавно окончила полную среднюю школу и пошла работать на Горийский комбинат. Ей понравилось живое ткацкое дело, и она отдалась ему со всем увлечением молодости. Быстро овладев делом, она стала систематически выполнять план, работая, окончила заочный техникум при комбинате. Ее полюбили товарищи, оценили ее труд, старания и способности, избрали депутатом городского Совета, членом ЦК комсомола Грузии. Как приятно было беседовать с этой образованной девушкой, видеть ее острый интерес к жизни, ко всему окружающему, ощущать тепло ее дружбы к своим подругам и товарищам!

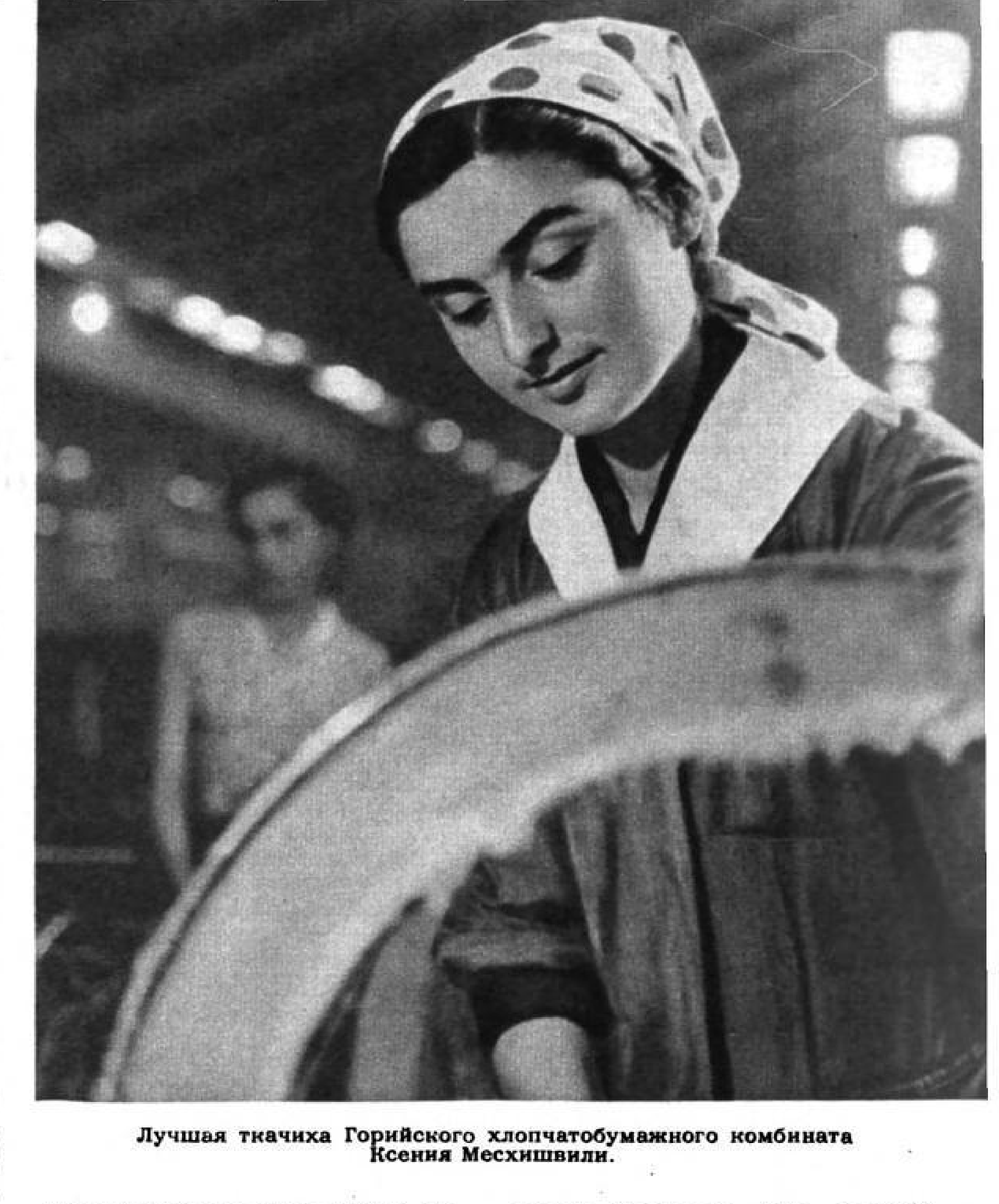
— Буду учиться на инженера, готовлюсь вступить в партию,— говорит она.

В ее словах, произносимых просто, без всякой рисовки, чувствовалась твердая воля. Она всего добьется, эта девушка с гор, ибо дороги жизни просторно и широко раскрыты перед ней.

Давид Михайлович Бедошвили, секретарь парткома, говорил:

— Таких, как Ксения, у нас немало, и в этом наша сила.

Сила еще и в таких людях, как сам Бедошвили, ибо и его биография — солдата, офицера, сражавшегося с фашистами и под Москвой и на Кавказе, раненного, искалеченного войной человека и душевного, скромного партийного работника,— биография многих и многих советских людей. Четыреста коммунистов на комбинате, 1 700 комсомольцев — это авангард борцов за животворное дело коммунизма, выражающееся не в громких словах и пышных резолюциях, а в каждодневном труде, в этих миллионах метров ткани, в постоянном влиянии на течение жизни. Такие, как Ксения Месхишвили,— плод работы партии и комсомола, и потому, наверное, Давид Михайлович с такой отцовской, братской любовью рассказывал о ней и о таких, как она.

Лучшая ткачиха Горийского хлопчатобумажного комбината Ксения Месхишвили.

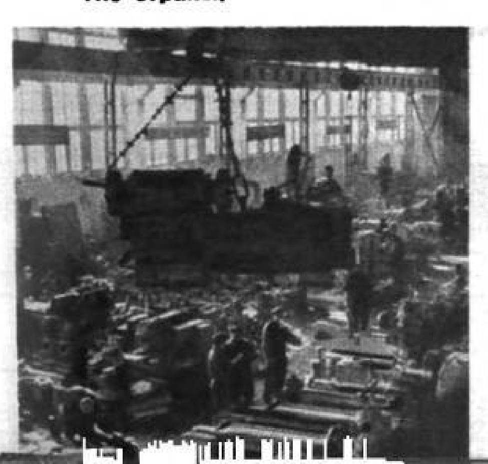
5

Как можно было приехать в Грузию и не побывать в городе Рустави! В том Рустави, который прославлен всюду как центр грузинской металлургии, городе, трудом человека возникшем совсем недавно среди выжженной солнцем степи. В том Рустави, куда не минуют попадать все иностранные гости, чтобы полюбоваться прекрасным творением рук человеческих. В Рустави, где улицы и дома нарядны и новы словно с иголочки, где живет главным образом молодежь, ибо средний возраст здешних жителей — 28 лет, где производят продукцию, о которой ранее слыхом не слыхала Грузия.

В самом деле, это отличный город! Он виден издалека с трубами и дымами своих заводов, ибо лежит на гладкой ладони земли, горы ушли в стороны. Здесь Закавказский металлургический завод имени Сталина, азотно-туковый завод, цементный. Отсюда везут чугун, сталь, прокат, проволоку, стальной лист, стальные трубы, машины, аммиачную и натриевую селитру, нитролаком, цемент, кокс. Здесь работает цвет рабочего класса Грузии — металлурги, химики, цементники. А ведь всего только 17 лет тому назад здесь стали табором первые бараки и палатки строителей и только 13 лет назад рабочий поселок Рустави был объявлен городом республиканского подчинения.

Нам рассказывали, что один из членов иностранной делегации,

Тбилисский станкостроительный завод имени Кирова. Здесь делают токарно-винторезные и другие специальные станки, которые отправляются во многие страны.

В этих вагонетках чиатурская марганцевая руда. Ее здесь обогащают, и в страны социалистического лагеря, Англию, Францию, Голландию, Италию попадают уже концентраты с 50-процентным содержанием марганца. На экспорт идет не только руда, но и ферросплавы Зестафонского завода.

Адрес — Куба! Продукция тбилисского завода «Гидрометприбор» попадает в разные концы света. Прибор, который отправляют на Кубу, служит для измерения солнечной радиации.

Грузинский мрамор успешно конкурирует на внешнем рынке с итальянским.

Фото В. ДЖЕЙРАНОВА.

Семен Яковлевич Какачишвили, председатель колхоза имени Махарадзе.

посетившей Рустави, расковырял штукатурку дома, возле которого стоял.

— Зачем? — спросили его.

— Хочу убедиться, что дом действительно построен недавно. Нельзя создать город за такой короткий срок.

Оказывается, можно. У нас все можно!

Рустави создавался усилиями всего Советского Союза. Здесь работали монтажники и строители, прибывшие с разных концов страны. На заводах Магнитогорска, Сталино, Макеевки, Горловки проходили обучение молодые местные кадры. Коллективы машиностроительных предприятий Москвы и Свердловска, Харькова и Ленинграда оказывали строительству постоянную помощь. Рабочие Донбасса и сейчас являются шефами металлургического завода. Молодые металлурги из Рустави — Инасаридзе, Гордезиани, Томадзе, Маруашвили, побывавшие на Украине, писали в «Комсомольской правде»: «Нам хочется от всей души поблагодарить всех металлургов завода имени Дзержинского, оказавших нам братскую помощь, и особенно инженеров Андрея Лукича Крижановского, Петра Артемьевича Вашило, мастеров Николая Кузьмича Забелина, Савву Григорьевича Чаюпа и других».

...И вот перед нами 70-тысячный город с прекрасными школами, клубами, Дворцами культуры, ресторанами, больницами, кинотеатрами, парками. Он растет, его прежняя часть уже называется «старым городом», он перебрался на правый берег Куры и стремится дальше, словно силится добраться до самого Тбилиси!

Мы прочитали запись иностранных гостей, посетивших Рустави. Вот что сказал берлинский профессор доктор Гейнц Камницер: «Я побывал во многих странах, на многих континентах. Нигде я не видел таких убежденных людей, такие хорошие лица и таких необыкновенных детей. Я не думаю, что этот факт является только национальной особенностью, но присущ обществу, в котором люди живут. За это впечатление, которое может получить человек, увидевший это собственными глазами, я бесконечно благодарен».

Профсоюзная делегация из Эквадора записала следующее: «Музыка, культура, работа людей промышленности и полей, техника, наука и радость детей, любовь ваших женщин, природа, народ и правительство — все это, вместе взятое, еще больше увеличивает значение и величие СССР, который возглавляет в мире борьбу за мир и счастье всего человечества. Суньига, Эрнандес, Ромеро».

Нам показалось очень трогательным, что Рустави, юный город, имеет свой музей, где можно увидеть рождение Рустави, фотоснимки первых бараков строителей, первых заводских котлованов, узнать о «войне» строителей с археологами, ибо оказалось, что новый город стоит на месте древнего, начисто уничтоженного в XIII веке монголами, где вам покажут старинную утварь, полную благородной красоты, древнее оружие и украшения. Тамара Федоровна Пааташвили, директор музея, расскажет вам о древней и новой истории Рустави с такой любовью, что вы непременно сами влюбитесь в этот город, похожий на молодого бога, на молодого Гефеста, неустанно кующего металл для своей страны.

6

Кура всюду сопровождала нас. У Рустави она стала покорной, радушно отдала свои струи двум огромным водоводам для охлаждения заводских агрегатов, поделилась своим богатством с оросительной системой и по искусственному руслу ушла в степь...

Путь наш лежал в Кахетию. Если Грузия — перстень драгоценный, то Кахетия — бриллиант на этом перстне. Благословенная долина Алазани просторна, сказочно красива, полна солнца, света. Горы с двух сторон прикрывают ее. Здесь поселения идут так густо, что кажется, не кончаются вовсе, а переходят одно в другое. И какие названия! Можно только причмокивать языком.

После того, как мы проехали Сигнахи, маленький городок, словно вознесенный на живописную гору фантазией какого-то взыскательного художника, мы попали в Карданахи, а оттуда в Мукузани, а потом — в Гурджаани, а потом в Цинандали и Телави. Здесь царство винограда и вин, здесь винодельческий цех Грузии. Всюду ощущаешь, что живут люди в солидном достатке: в селах — прекрасные дома, во дворах — отличные сады, на людях — вполне городская одежда, на улицах часто попадаются автомашины, принадлежащие колхозникам и рабочим совхозов. Добрый старый ишак — непременная деталь грузинских сел — здесь выглядит экзотично. Еще Грибоедов был восхищен красотой долины Алазани и написал взволнованно:

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пурпурного винограда...
Вечно юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами.

Теперь все это стало еще благоустроенней и красивей. Цинандальские виноделы рассказали нам, что их знаменитый на весь свет совхоз дает в год до миллиона декалитров первоклассного вина, которое по справедливости можно было бы называть солнцем Грузии. Мы побывали в парке Цинандали, где, кажется, еще бродят тени Грибоедова и Пушкина, где стоят старинные деревья, под сенью которых собирались поэты России и Грузии. Мы беседовали с десятками людей, молодых и старых людей, и всюду видели добрые улыбки и слышали слова привета.

Кахетия — благословенный край! Древняя Телави предстала перед нами нарядной, залитой асфальтом, полной зелени. А ведь «провинция», «даль»! С холмов городского парка Надиквари мы любовались вершинами Главного Кавказского хребта, залитыми серебром и золотом, и эта картина навсегда останется в памяти. Уже на выезде из долины Алазани, в «передней Кахетии», в селе Георгицминда, что рядом с Сагареджо, мы побывали в доме колхозного бухгалтера Михаила Еремеевича Гулисашвили. Он рассказал нам о своих родичах, что вышли «в большой свет», о родичах и близких друзьях. У почтенного старого человека пальцев не хватило на руке.

Прославленные академики, доктора и кандидаты наук, инженеры и техники, педагоги и архитекторы оказались земляками Михаила Еремеевича, его односельчанами.

А когда-то Илья Чавчавадзе в 1904 году с тоской говорил:

«Какое счастье для Грузии, когда она будет иметь десять инженеров и пятнадцать агрономов-грузин».

О том, что сделала Советская власть для Грузии, можно судить по следующей цифре: по сравнению с 1913 годом объем валовой продукции промышленности вырос в 40 раз.

* * *

Затянулся наш очерк. Впечатления распирают грудь, просятся на бумагу. Мы видели много и вместе с тем мало, ибо страной этой, перстнем драгоценным советской земли, можно любоваться без конца.

Хочется стихами Маяковского закончить рассказ о Грузии, ибо без звучной лиры здесь не обойтись:

Я знаю:
глупость — эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть,
Грузию,
радостный край,
подразумевали поэты.

ГРУЗИЯ ЛЮБИМАЯ

Алио МИРЦХУЛАВА

Не могу, страна родная,
В этот день тебя не петь я:
Сердцем сына прославляю
Праздник твой — сорокалетье!

Мужеством и красотою,
Громкой славою столетий,
Всем, что связано с тобою,
Мы горды, Отчизны дети!

Не найти тебя чудесней,
И состариться тебе ли,
Если вечно живы песни
Нашей славы — Руставели!

У тебя, Отчизна, сила
Бурных Мтквари и Риони,
Смотрит в небо горделиво
Синь хребтов Кавкасиони.

Под сияньем солнца вечным
Ты расцвечена богато
Серебром озер и речек,
Жемчугами водопадов.

Каждый камень твой прославлен:
И былое помнят время
Крепость Гори, Нарикала,
Зарзма, Вардзия и Греми.

Слышит тихий Базалети
Песни моря у Тбилиси,
И слова уносит ветер
Вдаль, в заоблачные выси!

Над грядой Кавкасиони
Ветер славить не устанет
Крепость старых бастионов,
Молодую сталь Рустави!

Мы в едином сплаве слиты.
Вместе мы непобедимы!
Собрались в семье великой
Все народы — побратимы!

Нас одна судьба сплотила.
И алеет, словно пламя,
Наша гордость, наша сила —
Знамя Ленина над нами!

Перевел с грузинского **Ю. АНОХИН.**

Кахетия. Весна. Утро в доме карданахского колхозника.

Фото Н. Козловского и И. Тункеля

Школьники грузинской столиць

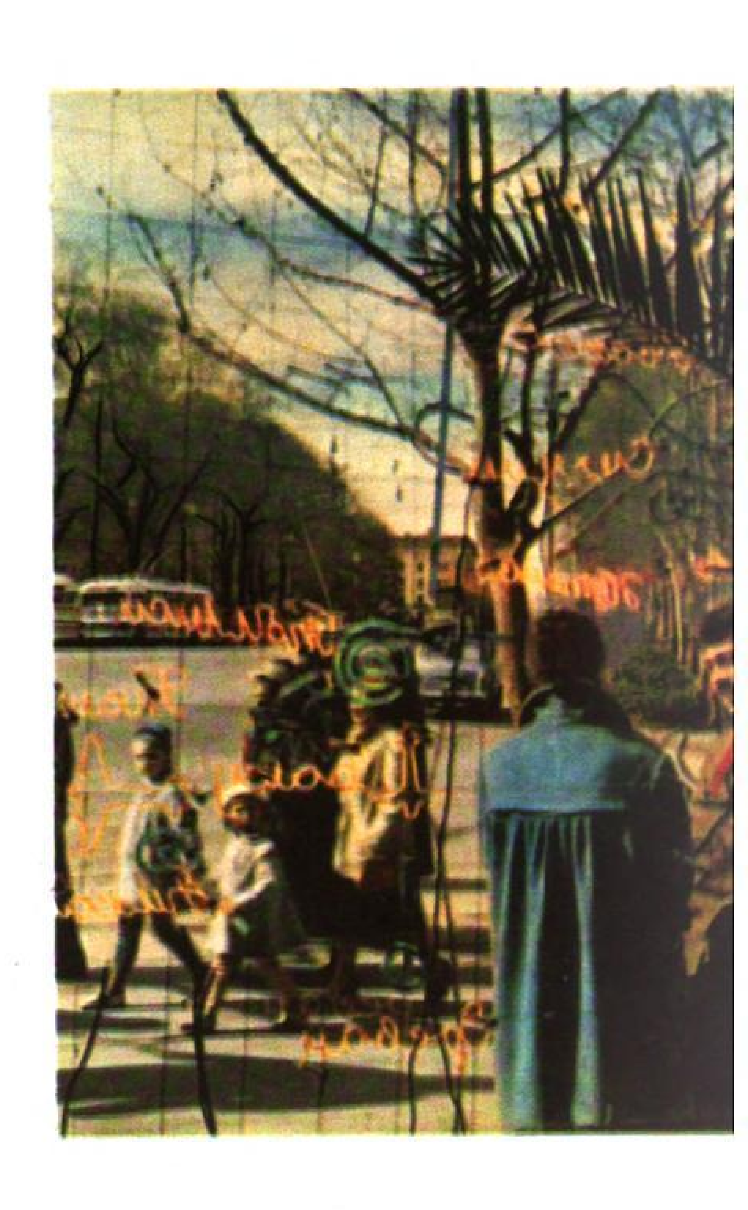
Еще один тбилисский электровоз.

Аджарские субтропики.

Луиза Татаришвили из села Анага и Этери Батиашвили из совхоза «Цинандали» учатся в Грузинском сельскохозяйственном институте.

Проспект Руставели.

СУДЬБА БАХВСКОГО МАНИФЕСТА

Ия МЕСХИ

Брожу по Бахви, вдоль зеленых изгородей, под которыми пробиваются первые фиалки, заглядываю во дворы, устланные веселой шелковистой травой, в дома, приподнятые на каменных каблуках, повыше от сырой колхидской земли. Все хочу объять, все впитать и понять, потому что очень и очень по-хорошему завидую тому журналисту, который однажды уже познакомил своих читателей с этим маленьким гурийским селом.

Кто этот журналист, не знаю. Да вряд ли это сейчас можно установить. Но, видимо, это был кто-то из группы литературной поддержки газеты «Вперед», группы, созданной при газете Кавказского союзного комитета РСДРП «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»).

Как известно, «Вперед» стала выходить после того, как «Искру» захватили меньшевики. Она делалась далеко от родины, в Швейцарии, и ей надо было самым активнейшим образом помочь. Вот почему Н. К. Крупская прислала кавказским товарищам по поручению В. И. Ленина такую теплую записку: «Очень порадовало нас известие об образовании на Кавказе «группы литературной поддержки «Вперед», если поставите сношения как следует — сделаете большое дело». А сношения и впрямь были поставлены как следует: из Тбилиси в Женеву в течение трех месяцев было переправлено свыше шестидесяти заметок, корреспонденций и статей.

К кому же попала эта рукопись, о Бахви? Воровскому? Ольминскому? Луначарскому? Может быть, самому Ленину? Взял ее, пробежал глазами, глаза потеплели...

Да, я завидую ему, своему далекому, неизвестному коллеге. Как он оказался в те дни в Бахви? Видимо, проник в свиту Султан Крым-Гирея, смешавшись с братией официозных корреспондентов, которыми тот себя окружил. Это был вояж по Гурии, которая в ту пору кипела, как котел с горячей смолой. Крым-Гирей, тайный советник, представитель главноначальствующего на Кавказе, был направлен в самую голодную и самую беспокойную провинцию Грузии, чтобы умиротворить восставших революционных крестьян.

В Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР сохранился рукописный подлинник предварительного отчета Крым-Гирея о посещении им двух сельских общин, одной из которых и была Бахвская община. В Бахви, как сообщает сам Крым-Гирей, собралось около пятисот крестьян.

— Приветствую вас, сыны Гурии!..— начал свою речь Крым-Гирей.

Сыны Гурии молчали, предоставив потоку льстивых слов беспрепятственно литься в пространство.

— Я очень рад случаю посетить прелестную Гурию и ближе познакомиться с ее населением... Гурийцы — народ бравый и талантливый... Ваше юношество — это гордость и надежда Гурии... Мне сказали, что среди вас есть слишком горячие головы. Я не спрашиваю, кто виноват, но прошу взвесить роковые для вас, для семей ваших и для всего будущего дорогой вам Гурии последствия...

В нескольких километрах от Бахви, на железнодорожной станции, стоял наготове карательный отряд генерала Алиханова. Покоритесь — не будут стрелять, не покоритесь — будут. Так, видимо, надо было понимать.

Бахвцы потребовали удалить со схода старшину, писаря и священника, выбрали двенадцать представителей, поручив им сказать все, что хотели сказать.

И вот я держу сегодня в руках изрядно пожелтевший № 12 газеты «Вперед» и пытаюсь представить себе, где и как все это было. Конечно, на площади, у традиционного, самого большого в селе дерева. Разве может хоть одно грузинское село обойтись без такого дерева — свидетеля всех происходящих здесь исторических событий? К нему, видимо и вышел первый из выборных и стал говорить — нескладно, сбивчиво, волнуясь. А журналист записывал.

— ...Все платит крестьянин, но у него нет средств. Нападает «борчик» (местное название сборщиков), и если не достанешь денег, то отнимет чурек (кукурузную лепешку), продаст скотину, орудия, утварь и так далее. И этим не довольствуются: изобьют и арестуют... Бывали такие случаи, что забирали приданое жены, а когда женщина сопротивлялась, избивали...

— Я сам был сборщиком,— вмешивается другой,— и часто отнимал последние остатки муки. Иначе не мог, потому что старшина душил...

— Мы, крестьяне, почти не имеем земель,— вступает в разговор следующий оратор,— но зато ее много у помещиков. А откуда это? Не бог ли подарил им? Мы умираем с голоду, а у помещиков амбары ломятся от запасов, которые нашими руками сделаны. Разве может быть больше несправедливости?.. У нас нет собственной земли, берем под аренду у помещиков на ужасных условиях... Кроме этого, «саленеробо» (подарки), взятки, приношения... Когда хороший урожай, то что-нибудь да остается, а при неурожае сами должны продать скотину и утварь. В таких условиях жизнь невыносима. Мы требуем землю для обработки!

Сход одобрительно гудит. А речи становятся все острее...

— Кто может описать бедствия крестьянства? Беда в том, что мы не можем собраться и обсудить наше бедственное положение: тотчас же окрестят бунтовщиками. Достаточно собраться десяти крестьянам, чтобы налетели стражники и после избиения посадили под арест. Два года тому назад наших товарищей убили в Хидиставн и Ланчхути за то, что собрались и говорили о своих нуждах. Два года тому назад мы и крестьяне соседних обществ устроили сходку для суждения относительно поделенных земель. Прискакали казаки и ранили трех товарищей. Некоторые из нас что-нибудь да понимают, читаем газеты. Но одно удивляет: в газетах обо всем идет речь, но ни одного слова о наших нуждах. Почему? Говорят, что воспрещено. Читали также много листков, в которых много хорошего написано, но читать такие листки воспрещается. Мы требуем свободы собраний, слова и печати!

— Мы требуем свободы личности и неприкосновенности жилища!..

— Необходимо просвещение. При этом не понимаем: почему книги должны быть выброшены на съедение мышам (закрытие библиотек)? Непросвещенный народ слаб, и, вероятно, поэтому правительство преследует образование. Мы требуем бесплатного всеобщего и обязательного первоначального обучения для всех!..

Еле поспевает за речами перо моего журналиста. Ведь правда, тут нельзя ни слова пропустить...

— Войска содержатся за счет того народа, в который они так часто стреляют. Мой дядя был солдатом, и он рассказывал, что его привели к присяге и заставили поклясться, что усердно будет бороться против внешнего и внутреннего врага. Положим, что внешний враг — Япония, но внутренний враг разве мы, трудящийся народ? Петербургские рабочие, убитые девятого января, были внутренними врагами? Для чего убивает брат брата? Мы, грузины, русские, армяне, татары,— все братья; мы не будем грызться, пускай не старается правительство понапрасну...

Теперь и слепому ясно, что перед царским сановником стоит не простая толпа, не стихия, которая шумит, не ведая о чем.

— Наши требования не частные, не только грузинские. Этого требует вся Россия. Мы присоединяемся к нашим русским братьям. Наше общее удовлетворение возможно только тогда, когда народ всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием изберет своих представителей. Только такое правительство будет настоящим. Только голос народа справедлив и честен... Страна должна быть в руках народа!

Вот и все. Сход закончен. Крым-Гирей отбывает в некотором смятении. Корреспонденция отправлена. «Вперед» назвала требования крестьян, сформулированные в этой статье, манифестом. На основании этого манифеста и других сообщений из тех мест редакция ленинской газеты определила крестьянское движение в Гурии как «редкое явление во всемирной истории». «Это не обычный крестьянский бунт,— писала она,— а вполне сознательное политическое движение, всецело примыкающее к сознательному движению всероссийского пролетариата».

...Если подняться сегодня немного вверх по ущелью маленькой речушки Бахви, можно увидеть над крутым обрывом высокий красивый белый обелиск. Он поставлен здесь в память о большой Насакиральской битве в октябре 1905 года. Бахвские крестьяне вместе с крестьянами соседних сел преградили путь отряду казаков и полицейских, направлявшемуся на расправу с восставшими. Были жертвы.

Все было — и слова манифеста и кровь людская...

Был бахвский мальчик Вано

Им аплодировал мир

Мы на концерте Государственного заслуженного ансамбля народного танца Грузии.

Гаснет свет, вспыхивают факелы, звучит чудесная музыка... «Городские ремесленники» поют ночную серенаду красавице. Есть отчего грустить юношам в черных высоких папахах: их много, а красавица одна. Кого-то она выберет?..

Но долго грустить не в характере грузин. И вслед за этим начинается массовый танец «Кинтоури». Он весело и остроумно рассказывает о тбилисских кинто. Кто о них не слышал? Это их звонкие голоса рекламировали в городских дворах свежую рыбу, а во дворцах князей — свежие анекдоты, рожденные в народе.

Интересна история создания танца «Самая». Основатель ансамбля Илико Сухишвили, осматривая как-то горный монастырь Свети Цховели, заметил на стенах бледные от времени фрески. На них, словно в дымке девяти прошедших веков, изображены девушки в длинных красивых платьях с поднятыми руками.

Это был танец, умерший много лет назад и вновь воскрешенный к жизни талантливым художником. Так же внимательно «открывает» он и новых исполнителей.

Недавно ансамбль отмечал свое пятнадцатилетие. Чуть ли не на всех языках мира шли в эти дни приветствия в его адрес.

Грузинские танцоры побывали во многих странах, и всюду восхищенные зрители аплодировали их блистательному искусству.

Г. МИТИН

На снимке: они из Государственного заслуженного ансамбля народного танца Грузии. Им аплодировали многие страны мира.

Тбилисская улица

Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ

Тбилисская улица в городе Орджоникидзе переходит в Военно-Грузинскую дорогу, ведущую в Россию.

Спустился вниз я,
словно водопад,
навстречу шуму
и навстречу говору.
И дарит мне улыбку город-сад,
и я в ответ
дарю улыбку городу.

И я иду по городу Серго,
как голос века, голос его
слушаю,
и так в душе моей
светло-светло,
как будто сам Серго
мне смотрит в душу.

Добра земля.
Добра людей работа.
Вокруг меня всё строит,
ищет,
трудится.
И, миновав дарьяльские ворота,
вхожу в Россию
по Тбилисской улице.

Перевел с грузинского Евг. ЕВТУШЕНКО.

Инцкирвели, который, став взрослым, взял себе партийную кличку «Степко», ушел агитатором в рабочую среду, участвовал в дискуссиях с меньшевиками, вместе с легендарным Камо совершал экспроприации для пополнения партийной кассы. Его убили жандармы в Баку, на конспиративной квартире.

Был бахвский мальчик Александр Махарадзе, тоже стал профессиональным революционером, соратником Камо. Боролся с Деникиным, разоружал в Грузии регулярные части меньшевистской армии, выступал против мусаватистов в Баку. Его зарубили казаки на Северном Кавказе вместе с его боевой подругой, женой Амалией. Обоим не исполнилось еще и по двадцати пяти лет.

Уехал учиться в Петербург Заал Кикодзе, но не до учебы было: участвовал во взятии Зимнего дворца, был членом Петроградского ревкома, работал в ЧК. В Москве работал в Комиссариате по делам национальностей, в газете «Жизнь национальностей». Посылали его в Крым, в Стамбул. В Грузии при меньшевиках сидел в тюрьмах, подорвал здоровье. Умер спустя год после установления Советской власти в Грузии в возрасте двадцати шести лет.

Все они — Степко, Александр, Заал — слушали бахвский манифест почти детьми.

Был в Бахви еще один человек, память о котором совсем свежа. Это мать Заала Кикодзе — Наталья Кикодзе, пережившая своего сына на тридцать лет. И сейчас рассказывают в Бахве: вот ее дом. Здесь она устраивала школу для крестьянок, обучала их шелководству и шитью, чтению и письму. Сколько раз забирали ее отсюда в тюрьму! Незадолго до установления Советской власти тоже забрали. Она избила полицейского зонтиком, ее связали по рукам и ногам, бросили на арбу, повезли по селу мимо этой изгороди (сейчас за нею пришкольная чайная плантация), мимо этого здания сельской больницы (тогда на этом месте стояла хибарка двухклассного училища), по площади, на которой ныне выстроена средняя школа и сельский бытовой комбинат. Вернулась Наталья из тюрьмы и стала секретарем Бахвской партячейки. Ее, чуть ли не первую в Грузии женщину, наградили в 1922 году орденом Красного Знамени. А умерла она тоже как-то особенно. Ей уже было восемьдесят три года. На районной партконференции в 1952 году поднялась на трибуну, захотела что-то сказать — и будто ее подкосило...

Всех этих людей с яркой судьбой вырастило село Бахви.

Вот здесь, возле этого дома, во дворе, на маленьком оросительном канале, два подростка, Баграт и Петре, соорудили в двадцать каком-то году крошечную гидроэлектростанцию. Сейчас в Бахви есть своя колхозная ГЭС. А подростки? Баграт, второй сын Натальи Кикодзе, теперь проектирует настоящие, большие электростанции в республике. Петре Мгалоблишвили стал профессором, директором Института экономики и организации сельского хозяйства Грузинской Академии наук.

Дом Нино Накашидзе — старой детской писательницы. Это ее мужу, ныне покойному писателю Илье Накашидзе, писал в разгар гурийских событий Лев Николаевич Толстой: «не я один, но много и много людей радуются на них (гурийцев), готовы всячески, если возможно и нужно, служить им».

Дом Давида Андгуладзе, известного в стране певца, народного артиста СССР.

Дом Вахтанга Челидзе, переводчика Шекспира на грузинский язык, редактора молодежного журнала «Цискари».

Профессора, доценты, писатели, артисты — десятки деятелей науки и культуры вышли из Бахви.

И все же не об этом хочется говорить здесь, на бахвской земле. Тень моего журналиста неотступно со мной. Так уж получилось, что с мыслью о нем я приехала в Бахви, и вот теперь кажется, что он стоит рядом, держа в руках блокнот, на котором еще не стерлись строки бахвского манифеста. И вместе мы видим колхозные поля — не маленькие клочки земли с тощими стеблями кукурузы, а обширные тутовые плантации, плодовые сады, виноградники и чай, чай, чай, очень много чая. Притом все поливной,— значит, с устойчивым и высоким урожаем. Да, бахвцы, получив землю, пропитанную потом и кровью своих дедов и отцов, хорошо распорядились ею. Колхоз имени Карла Маркса села Бахви выполнил свою семилетку еще в прошлом году. Бахвцы собрали с плантации столько чайного листа, сколько должны были собрать только через пять лет. Они сдали коконов государству столько, сколько должны были сдать через пять лет. Бахвцы получили высокие надои молока. Но откуда у них эти дородные коровы красностепной породы? Подарили украинские друзья из колхоза «Волна революции», что на Херсонщине. «Мы, грузины, русские, армяне, татары,— все братья...» Так ведь говорилось в манифесте.

И о просвещении говорилось тоже. А кто говорил? Может быть, дед этой славной девушки? Познакомимся. Ее зовут Заира Читайшвили. Она звеньевая. И она же студентка-заочница четвертого курса грузинского сельхозинститута. Или другая — Маквала Мгеладзе — сборщица чая. Она тоже студентка этого же института. Или этот колхозный паренек Леонид Соселия. И он учится в институте. Много здесь таких.

Сорок лет в Грузии Советская власть. Сорок лет как здесь, в Бахви, нет ни старшин, ни «борчиков», ни зверей-полицейских. Никто не врывается в дома, не забирает приданое, не выбрасывает библиотечные книги на съедение мышам, не избивает за то, что люди сходятся поговорить о своих нуждах.

В самом деле, как мы быстро привыкаем ко всему! С каким волнением читаются сегодня те строки манифеста, где речь шла о всеобщем, прямом, тайном и равном голосовании. И как просто смотрим мы на списки, вывешенные на дверях бахвского агитпункта. Завтра в Бахви выборы в сельский Совет депутатов трудящихся. И вот длинный список. Это избиратели. Их девятьсот двадцать шесть. А вот маленький. Здесь кандидаты в депутаты.

Надежда Иосифовна Манейшвили. 70-летняя колхозница, коммунистка, дочь участника Насакиральской битвы. Работает на плантациях так, что любую молодую за пояс заткнет.

Туша Григорьевна Долидзе. Директор средней школы.

Рожден Караманович Цецхладзе. Пенсионер. Организатор и первый председатель бахвского колхоза.

Викентий Васильевич Андгуладзе. Заведующий бахвской библиотекой. Ему восемнадцать лет.

Валентина Ивлиановна Токарева. Передовая работница бахвской чайной фабрики.

Георгий Александрович Антадзе. Председатель колхоза. В прошлом году защитил на «отлично» диплом агронома. Учился заочно.

Шота Несторович Цецхладзе. Колхозник-бригадир. Сын активного участника событий 1905 года.

Ксемида Доментьевна Мгеладзе. Передовая чаесборщица.

Всего 19 человек...

Сейчас, когда пишутся эти строки, все они депутаты сельсовета. Пожелаем им плодотворно трудиться на благо родного села и никогда не забывать о том, что судьба бахвского манифеста в их руках.

Депутаты Бахвского сельского Совета (слева направо): Нина Мелуа, Викентий Андгуладзе, Роберт Мгеладзе, Гоги Антадзе, Рожден Цецхладзе, Надежда Манейшвили, Васо Квачадзе, Шота Цецхладзе.

Фото Н. Козловского и И. Тункеля.

СЫН СИБИРИ

Г. М. Маркову — 50 лет

В памяти почему-то крепко засел этот эпизод конца лета 1945 года. Хлюпая по лужам, хожу с автоматом на груди под злым маньчжурским дождем. Зловещая ветреная ночь невыносимо длинна. Это, может быть, потому, что в ранней юности любишь поспать, что я вдобавок очень устал, набирая с товарищами очередной номер «Героической красноармейской» порой прямо под диктовку вернувшегося с передовой корреспондента. Несколько крытых автомашин и две палатки — вся наша редакция.

Вдруг перед носом, неслышный за шумом дождя, возник «виллис». Волшебник шофер, наполовину свесившись из кабины и заглядывая под самые колеса, отыскал во тьме наш табор.

Я узнал приехавшего невысокого капитана в потертой шинели, в заляпанных грязью сапогах, в потерявшей лихость фуражке. Это корреспондент фронтовой газеты «На боевом посту».

С тех пор мне доводилось не раз встречаться с Георгием Мокеевичем Марковым — на семинаре ли молодых литераторов в Чите или в кремлевском зале во время писательского съезда, — и всякий раз вспоминался тот усталый военный в мокрой шинели, вернувшийся глухой ночью с передовых позиций, и всякий раз появлялось то счастливое ощущение, какое возникает, когда рядом действует сильный, умелый, влюбленный в дело человек.

Наше поколение еще в школе познакомилось с братьями Строговыми, полюбило незабвенного деда Фишку. Помнится, с какой настойчивостью добывали забайкальцы очередной номер газеты «На боевом посту», где печаталась последняя часть романа «Строговы», получившего всенародное признание. Своих товарищей по боям узнавали мы в главах нового романа «Солдат пехоты» — правдивой и мужественной книги. И вот «Соль земли» — широкое полотно о жизни нынешней Сибири.

Примечательно, что последние произведения Марков публикует в журнале «Дальний Восток». Став одним из руководителей Союза писателей СССР и переехав в Москву, он по-прежнему считает себя сибиряком-дальневосточником, не только потому, что родился на этой земле, что здесь крестьянским подростком-подпаском опубликовал свою первую заметку, а по духу, по темпераменту и характеру.

Недавно на одной из встреч с молодыми писателями мы увидели его полным замыслов, идей, энергии. Он говорил об успехах ученых Сибири, о развитии производительных сил, о зарубежных поездках, о явлениях, происходящих в литературе, воодушевленно, с превосходным знанием дела. Чувствовалось, что «сквозь магический кристалл» он уже различает даль нового произведения о нашем сегодня...

Николай САВОСТИН

Певец мужественных людей

К 70-летию со дня рождения С. С. Прокофьева

В дни великой отечественной войны нам стали особенно близки и дороги страницы романа Льва Толстого „Война и мир", повествующие о том, как в 1812 г. русский народ встал на защиту своей родины и изгнал неприятеля из России. Главными моими задачами, когда я писал оперу на этот сюжет, были: раскрыть внутренний мир основных персонажей романа, подчеркнуть стремления, происходящие в их сознании в связи с опасностью, надвинувшейся на Россию, и показать народ — крестьян-ополченцев, русское войско, казаков, партизан — его страдания, гнев, мужество и победу над врагом.

24 окт. 1944

С. Прокофьев

...Листок немного постарел. Все-таки прошло семнадцать лет с того дня, когда Сергей Сергеевич Прокофьев написал эти строки.

Завершалась война, перекатывалась на запад. По радио передавались хорошие новости с фронтов; на бесчисленных географических картах, которые были тогда в каждой квартире, совсем невоенные люди перекалывали булавки с крохотными флажками и говорили друг другу: «Скоро!.. Скоро!..»

Сергей Сергеевич был в превосходном настроении и охотно согласился написать несколько слов о своей опере «Война и мир», созданной в это суровое время.

Написал, подумал: «Не знаю, все ли будет ясно?..»

Было все ясно. Почему-то подумалось, что в комнате с пианино в высоком доме на Можайском шоссе могли бы встретиться и душевно потолковать люди из разных времен. Вон там, в углу, сидел бы, попыхивая трубочкой, артиллерийский капитан Тушин и беседовал бы вполголоса с советским летчиком — правнуком по времени, братом по мужеству. А над столом, разложив сводку военных действий, советовались бы славные партизаны — Денис Давыдов и, допустим, Ковпак...

Так представилось, наверное, потому, что всех этих мужественных, настоящих людей, безымянных и прославленных, соединил в своем большом сердце и разуме русский композитор Сергей Прокофьев, задумываясь над нотными страницами «Войны и мира».

М. АЛЕКСАНДРОВ

КАРИБЕ И ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Р. СААКОВ

Фото В. Боровского.

Подлетая к Венесуэле, мы знали, что сейчас увидим гигантские нефтехранилища, лес нефтяных вышек. Нам казалось, что даже воздух этой маленькой тропической страны, занимающей второе место в капиталистическом мире по добыче черного золота, должен быть пропитан запахом нефти. И думалось, что именно с нефтью будут связаны первые впечатления.

Но мы ошиблись.

Первым большим венесуэльским впечатлением стал случай, свидетелями которого мы были на ранчо табаковода Оскара Вильенозве. Хозяин пригласил нас на «тернеро» — торжественный обед, на котором в честь гостей жарят целого теленка.

Пока на кухне шла работа, хозяин предложил искупаться в реке Карони.

Неширокая дорога вела через банановые рощи. Они сменялись пальмовыми. Воздух был неподвижен, и ничто, казалось, не предвещало трагедии. Но когда до реки оставалось около полутораста метров, мы вдруг услышали страшный рев и человеческий крик.

Вслед за Оскаром мы бросились к реке, и когда выбежали на берег, увидели жуткую картину: из воды выглядывала голова ревущей коровы, на берегу размахивал руками и громко кричал плохо одетый человек.

Корова продолжала реветь еще несколько секунд, а потом ее голова скрылась в волнах.

— Карибе,— негромко сказал нам Оскар. Он подошел к крестьянину. Тот стоял, бессильно опустив руки, и вначале молча выслушивал утешавшего его Оскара. Но внезапно его словно прорвало.

— Сожрать мою последнюю корову! Как же жить теперь, чем я буду кормить детей?..

Подавленные увиденным, мы шли обратно на ранчо.

— Карибе — это такие хищные рыбешки, всего в несколько сантиметров длиной,— рассказывал нам Оскар. — Они чуют запах крови на расстоянии чуть ли не в километры и неисчислимыми стаями, тучами набрасываются на жертву, которой уже не спастись. Корова, наверное, поранила ногу во время перехода через реку. Спустя десять минут ниже по течению вы сможете увидеть начисто обглоданный скелет...

В тени небоскребов

Всю обратную дорогу в наших ушах звучал крик несчастного крестьянина. За окном автомашины мелькали пальмы и хижины, бензоколонки и щиты реклам, а перед нашими глазами стояло загорелое и морщинистое лицо с горестно опущенными уголками рта. Нам было явно не по себе, и, видя это, наш знакомый, Роберто, предложил показать столицу Венесуэлы.

Два часа стремительного ныряния из тоннеля в тоннель, по которым проходит шоссе,— и мы в Каракасе.

Город встретил нас многоголосым шумом, блеском витрин, уже давно знакомыми и общими для многих городов капиталистических стран чертами большого человеческого муравейника.

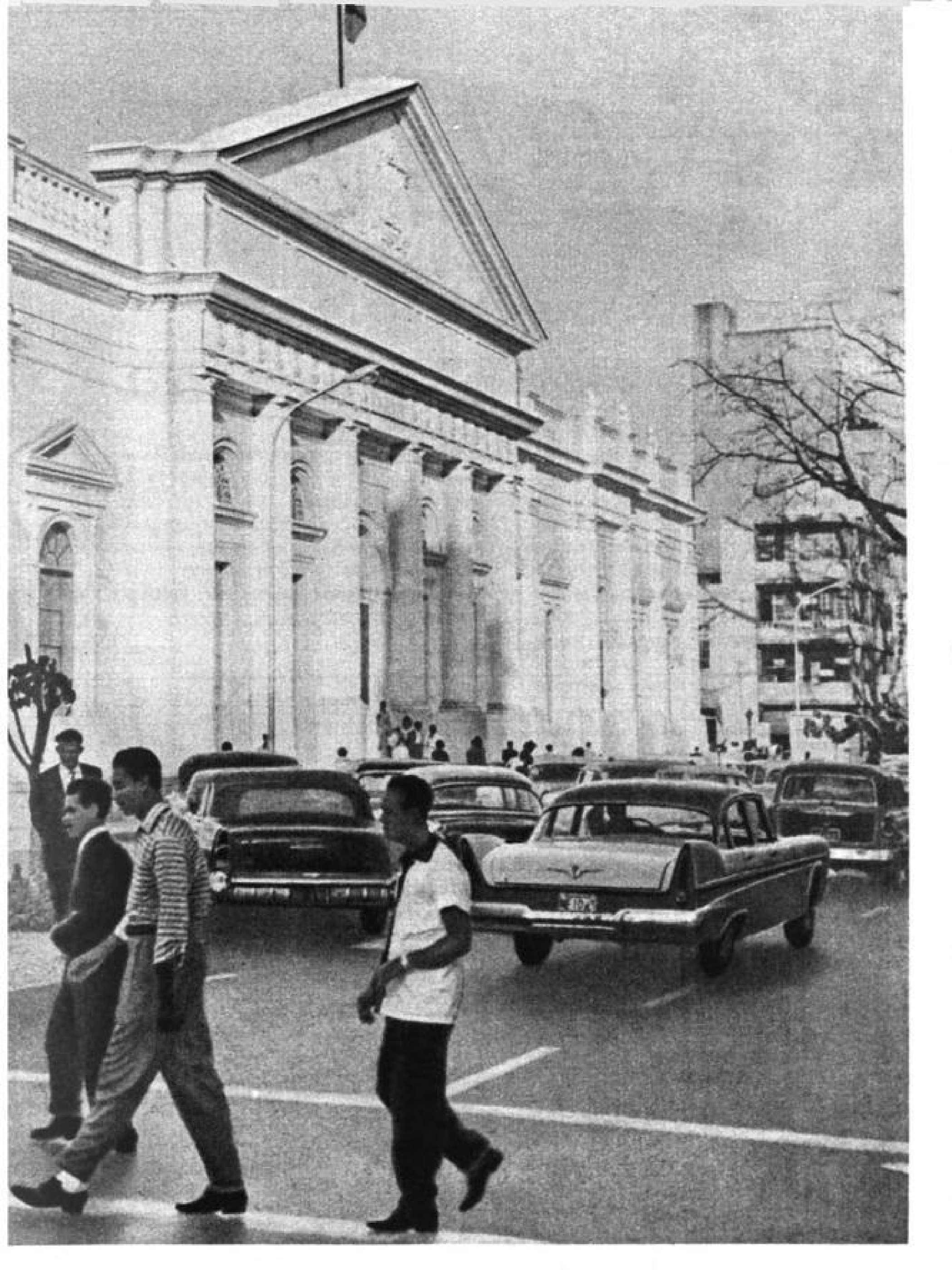
В иссиня-черном небе сверкали поднятые на крыши небоскребов рекламы нефтяных компаний «Шелл», «Стандард ойл», протянувшегося на целый квартал универсального магазина американской фирмы, казался необъятным фасад роскошного здания миссии США, рядом с которым в самом центре города на огромном поле специального аэродрома поблескивали в лучах прожекторов серебристые сигары самолетов с буквами «US» на крыльях.

Когда машина проезжала мимо крупнейшего в Каракасе здания гостиницы «Таманако», Роберто сказал:

— Только для янки. Вся прислуга из США. Здесь свои блюда, своя полиция, что-то вроде филиала ФБР...

Машина катилась по улицам с экзотическими названиями.

Пасео де лос Иллюстрес —

Караках, здание парламента.

прекрасная, широкая улица тишины и влюбленных, фонтанов и прудов, улица памятников героям борьбы за освобождение Латинской Америки от испанского ига, чьи бюсты стоят на мраморных пиларах. Эта улица знаменитого памятника индейцу на коне, воплощающему, по замыслам авторов, величие креольской расы, к которой причисляют себя венесуэльцы.

Пальмы, смешение самых разнообразных архитектурных стилей, замечательный парк «Пинар», зеркальные стекла кафе в районе Параисо. Снова особняки, снова пальмы, снова цветы, тротуары, покрытые цветной мозаикой в районе Пасео де ля Паспалидо...

— Да, на эти кварталы не пожалели народных денег,— сказал Роберто. — Поедемте, я покажу вам еще одну улицу.

Сабана Гранде, пожалуй, мало чем отличалась от Параисо, Паспалидо и других. Разве только обилием магазинов.

— Улица спускается с гор,— рассказывал Роберто.— А цены, по мере того, как она спускается, становятся все выше. Здесь все в два — два с половиной раза дороже, чем в других магазинах. Многие наши девушки за всю свою жизнь ни разу здесь ничего себе не купили.

В Венесуэле сейчас 400 тысяч безработных. А те, кто имеет работу, получают 3 — 8 боливаров в день и платят от четверти до половины своего заработка за крышу над головой...

В Венесуэле много машин, но честному труженику автомобиль не по карману. Поставил машину у тротуара — плати 2 боливара, выехал на шоссе — 2 боливара. А прожиточный минимум семьи в 4 человека — 600 боливаров.

— Э, да что там! — сказал Роберто.— Вы еще не видели другого Каракаса.

Мы увидели этот другой Каракас на следующий день, когда побывали в «красном поясе», как называют жители венесуэльской столицы кварталы ранчо, где живет беднота. Ветхие домишки из бамбука, жести, картона тянутся на многие километры. Студенты Каракаса подсчитали, что в 60 тысячах этих ранчо живет более 300 тысяч человек. В этих кварталах, поднявшихся в горы, нет ни водопровода, ни канализации, ни дорог. Зловоние, страшная нищета, измученные лица... Трудно поверить, что люди могут жить в таких условиях. Правда, муниципалитет города, в который входят многие прогрессивные деятели, старается как-то улучшить положение, но пока голод и болезни уносят много жизней.

В Каракасе всего 6 государственных и несколько частных больниц, один государственный родильный дом. Пребывание в родильном доме стоит 1 200 боливаров.

Мы возвращались из «красного пояса», когда наступал вечер. Солнце опускалось все ниже, жара спадала, и все удлинявшиеся тени от небоскребов тянулись к рабочим кварталам, словно стараясь скрыть их от взглядов туристов. Зажигались неоновые огни, из баров доносилась музыка, у торговцев апельсинами и жевательной резинкой появились новые покупатели. Рабочие кварталы погружались во мрак, люди засыпали, чтобы с утра снова заботиться о хлебе, а около фешенебельного клуба «Голубой порт» все чаще распахивались дверцы автомобилей: Каракас богачей начинал веселиться.

Мертвое озеро

В горах неподалеку от города Маракай расположено красивейшее в Венесуэле озеро, окаймленное тропическими лесами. В это озеро несут свои воды десять горных рек. Каждая из этих рек кишит рыбой. Но в самом озере никакая рыба не водится.

Мертвое озеро... Почему-то оно каждый раз вспоминалось нам, когда заходила речь о сельском хозяйстве Венесуэлы.

Не верилось, что Венесуэла, располагающая прекрасными землями, не может прокормить население и ввозит огромное количество сельскохозяйственных продуктов.

Но это действительно так. Хлеб, мясо, вина, фрукты — все привозится из-за границы: США, Испании и других стран. А ведь некогда на мировом рынке славились продукты сельского хозяйства Венесуэлы. Сейчас же в стране обрабатывается только 3 процента всей площади. Из 25 миллионов гектаров обрабатываемой земли 3 миллиона принадлежит 700 тысячам крестьян. Двадцатью двумя миллионами гектаров владеют 7 тысяч помещиков.

Мы побывали в селении Акума де ля Коста. Жители рассказали, что половина урожая выращиваемых ими бананов и какао идет владельцу арендуемых крестьянами земель. Именно он диктует, какие продукты должен выращивать крестьянин, именно он покупает за гроши и остальную половину урожая, чтобы тут же перепродать все по более высоким ценам. Хозяин может в любой день, даже накануне сбора урожая выгнать арендатора и ничего не заплатить ему за труд.

Мы прошли по деревне. Между тростниковыми хижинами играли голые дети, на взрослых были только лохмотья или набедренные повязки. В хижинах не было никакой утвари, кроме помятых кастрюль и глиняных горшков, возраст которых было очень трудно определить. Мы спросили было, учатся ли дети — ведь в стране, по конституции, обязательно всеобщее начальное обучение. Сопровождающий нас Бенитос сказал: «А кто за них будет работать?»

Когда мы отъезжали от Акума де ля Коста, перед глазами снова встало скорбное лицо крестьянина, встреченного нами у Оскара Вильенозве. Нет, мы не встретили его, но встретили таких же, как он, встретили бедняков, голодающих в одном из богатейших уголков земли. И стало особенно не по себе, когда всего в полутора километрах от Акума увидели великолепный, напоминающий нашу Пицунду, пляж Като, на котором, кривляясь и гримасничая под звуки джаза, доносившиеся из крохотных приемников, несколько пьяных сынков богачей развлекались тем, что обливали вином своих подружек.

Стальной вампир

Мы встретились с венесуэльской нефтью. Она бежала вдоль дорог, закованная в стальные трубы американских и английских нефтепроводов, огражденная от всего живого рядами колючей проволоки. Трубы пересекали долины, уходили в тоннели, лезли в горы. Столбы, ограждающие их, стояли на лучших землях, которые могли бы давать прекрасные урожаи. Но нефтяным компаниям безопасность нефтепроводов дороже благополучия венесуэльцев.

Иностранные компании сумели получить от венесуэльского правительства на условиях концессий не менее 6,5 миллиона гектаров. Примерно такое же количество земли отдано им под нефтепроводы. Таким образом, около 15 процентов всей венесуэльской земли находится в руках первых латифундистов страны — зарубежных нефтяных магнатов. И более половины этой земли принадлежит Рокфеллерам.

История захвата венесуэльской нефти иностранцами начинается в годы первой мировой войны. Первой запах нефти в Венесуэле учуяла компания «Шелл». Но у нее, видимо, не хватало силенок, и она прихватила с собой компаньонов из «Стандард ойл». Конечно, в Венесуэле нашлись люди, пытавшиеся приостановить проникновение зарубежных монополий. Нам рассказали, что бывший президент Венесуэлы Кастро, защищая интересы местных феодалов, запретил передачу венесуэльских земель в концессию иностранным компаниям. Но нашлись «врачи», которые посоветовали Кастро немедленно выехать в Европу для лечения болезни почек. Ничего не подозревавший президент уехал, а тем временем подкупленный монополиями вице-президент Хуан Ви-

Это тоже Каракас...

сенте Гомес издал указ, запрещающий возвращение Кастро в Венесуэлу. Президент вынужден был остаться в Европе и 27 лет продолжал «лечить почки»...

Шло время — и многое менялось в Венесуэле. Не менялись только фактические хозяева страны. Четыре миллиарда долларов — так оцениваются капиталовложения американских компаний сегодня, 1 миллиард 800 тысяч долларов — английских монополий.

Нефть, как говорят венесуэльцы, содержит правительство и кормит страну. Но ведь венесуэльцы получают только часть стоимости этой нефти.

Еще одно богатство Венесуэлы — железо. В 1930 году были обнаружены самые крупные в капиталистическом мире месторождения богатой руды. Как сказал нам инженер Карлос Мирес, венесуэльское железо лежит прямо под цветами и пальмами, его можно доставать просто лопатой.

Однако и на это богатство наложили лапу иностранные монополии. «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и «Бэтлхэм Стил» полностью контролируют всю добычу железа. В течение последних лет, хищнически эксплуатируя месторождения, они подняли добычу руды почти до 20 миллионов тонн.

На венесуэльские нефть и железо накинулись иностранные банкиры, торговцы, спекулянты. Всех их, как карибе, привлекла легкая нажива.

Никто и не думал о разумном использовании природных богатств Венесуэлы. В стране так и не была создана своя тяжелая промышленность. Единственный завод по производству труб прекратил существование, не выпустив ни одной партии продукции.

Иностранные монополии встречают в штыки любое мероприятие, направленное на создание национальной венесуэльской промышленности. И это не удивительно. Нефть, железная руда, бокситы, олово, золото превратили Венесуэлу в первую страну по размерам иностранных капиталовложений. Капиталы американских компаний, вложенные в Венесуэле, составляют 66 процентов от всех денег, вложенных монополиями США в странах Латинской Америки. В одной маленькой Венесуэле американские компании получают вдвое больше прибылей, чем во всех остальных государствах латиноамериканского континента.

Стальными объятиями безудержной экономической экспансии держит Венесуэлу американский капитал. Словно вампир, сосет он по жилам нефтепроводов и дорог ее национальные богатства.

Но время берет свое.

Предвестники бури

«Требуем освободить арестованных!»

Горячий южный ветер парусом надувал транспаранты с этим лозунгом над головами многих тысяч демонстрантов. Мы смотрели на гневные лица венесуэльцев, четкими колоннами шедших по улицам Каракаса.

В колонны на огромной скорости врезались джипы. Соскочившие с них вооруженные молодчики стали избивать демонстрантов железными прутьями. В ответ полетели камни. В мгновение ока были перевернуты и запылали несколько джипов и автобусов.

— Что происходит в городе? — спросили мы у портье.

Он ответил:

— Демонстрация протеста против произвольных арестов.

— Что происходит в городе? — спросили мы у хозяина бензоколонки.

Он ответил:

— Восстание.

Экономический кризис стучится в ворота Венесуэлы. Народ знает, откуда идет беда, и поэтому не случаен рост антиимпериалистических и антиамериканских настроений.

Как всегда, реакция решила прибегнуть к провокации. Буржуазные газеты обвинили членов левой партии «Мир» в подготовке вооруженного восстания. Правительство арестовало трех членов этой партии: двух профессоров Каракасского университета и лидера студенческой организации.

Студенты, преподаватели и учащиеся средних школ ответили демонстрацией. Весь аппарат полиции и вооруженные банды «Сота поль» были брошены на «восстановление порядка». Мостовые Каракаса обагрились кровью раненых, один студент был убит.

Занятия прекратились. Национальный флаг с траурной каймой трепетал на здании университета. Вооруженные группы студентов заняли свой городок, и полиция ничего не могла с ними поделать. Со стен зданий, с мостов и тротуаров — отовсюду смотрели слова лозунга «Свободу арестованным!».

Город поддержал студентов. Одна демонстрация сменялась другой. Начались забастовки, многие улицы, особенно в рабочем квартале «23 января», были перегорожены баррикадами.

Правительство решилось на крайние меры. По улицам рабочих кварталов загрохотали танки, в 30 тысячах домов все перевернули вверх дном солдаты, разыскивавшие «смутьянов и предателей нации». 14 убитых, 170 раненых, 1 500 арестованных — таков лишь официальный итог этих двух страшных дней.

Даже в правительстве Бетанкура нашлись люди, которые не смогли подписаться под этими кровавыми делами. Представители оппозиционной партии «УРД» заявили о своей отставке. Почва явно уходила из-под ног правых.

И тогда, понимая, что Каракас против них, реакционеры решили подавить левые силы с помощью отсталых и запуганных крестьян, привезенных из внутренних районов страны.

Пыль стояла столбом. Весь государственный автотранспорт был срочно мобилизован. Многие крестьяне не могли даже толком разобраться в тирадах, написанных на вложенных в их руки транспарантах: «Защитим конституционный режим от тех, кто хочет помешать провести аграрную реформу», «Защитим конституцию и законность от восстания экстремистов!»...

Что было нужно реакции? Крестьянскими мачете расправиться с рабочими и студентами столицы, загнать в подполье левые партии, расчистить дорогу политике окончательного предательства интересов народа. Но этот план провалился. Прогрессивные партии во всех уголках Венесуэлы сумели разъяснить народу отвратительную сущность этого подлого маневра. В столицу удалось привезти лишь 35 — 40 тысяч крестьян. Нестройными рядами они прошли по словно вымершим улицам Каракаса. Город был не с ними, и они чувствовали это. Даже речь Бетанкура не смогла поднять дух у этих людей. До сознания их тоже начало доходить, что спасение страны не в антикоммунистических выкриках, не в клевете на свободную Кубу, не в угодничестве перед монополиями. Трудящиеся Каракаса не допустили ни одного столкновения. Провокация провалилась.

На следующий день над столицей Венесуэлы появились грозовые тучи. Темные, грозные, они неотвратимо надвигались на город, который, казалось, чуть притих и настороженно ждал их прихода. И нам подумалось, что в воздухе Венесуэлы сейчас действительно пахнет грозой, грозой большой и неотвратимой, грозой, после которой воздух станет чистым.

— Да, Венесуэла на пороге больших событий,— говорил один из наших знакомых, предприниматель Алласт.— Пропасть между нищими и теми, у кого есть деньги, никогда еще не была так глубока. Мне кажется, что вот-вот произойдет страшное сражение не на жизнь, а на смерть. Середина теперь уже никого не устраивает.

* * *

Незадолго до отъезда из Венесуэлы мы снова встретились с Оскаром Вильеноэве.

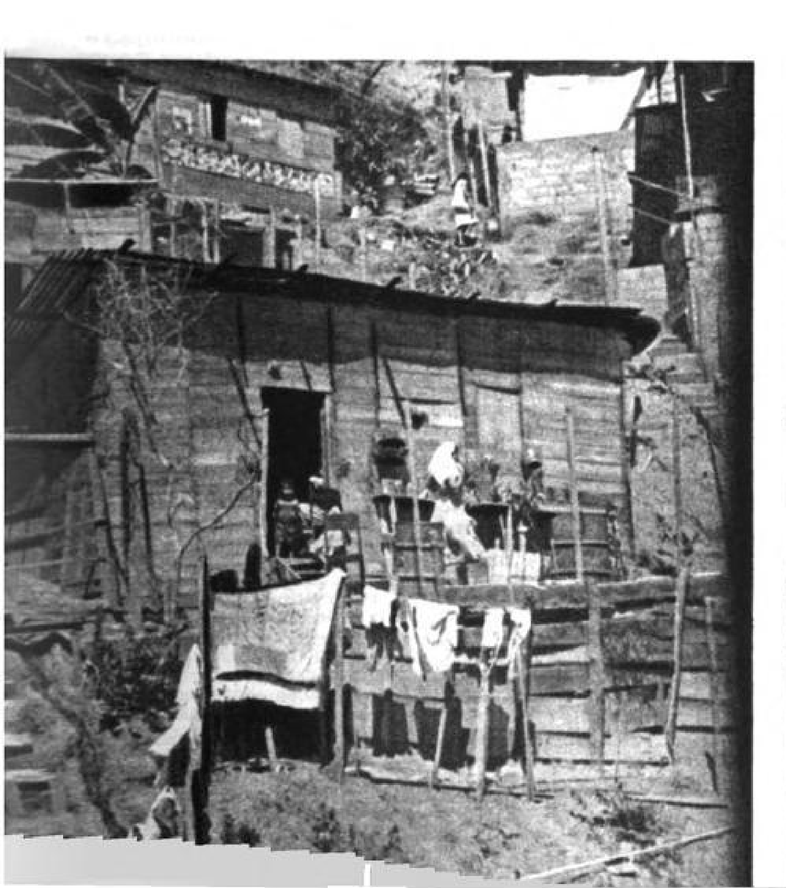
— А как тот крестьянин? — спросили мы у Оскара. — Он не купил себе другую корову?

— Что вы,— ответил Оскар,— это не так просто...

— Неужели все-таки нельзя ничего сделать с этими карибе?

— Думаю, можно. Когда-нибудь это будет сделано...

Да, карибе всех видов и размеров доставляют много неприятностей венесуэльцам. Но придет час, когда простые люди страны сумеют победить их. Венесуэльцы в это верят.

— Купите газету, сеньор!

Он играет, играет... Но в миске не часто раздается звон монеты.

В адрес: Москва, «Огонек»

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!

В январе 1961 года в третьем номере журнала «Огонек» было опубликовано письмо «Живым от имени мертвых». Это от имени мертвых уцелевшие пленники лагеря Штутгоф протестовали против того, что в Западной Германии выпущен досрочно на свободу бывший комендант этого лагеря палач и садист Хоппе. Письмо подписали восемь человек. Теперь подписи под этим письмом-протестом множатся. Из Воркуты, Шостки, Бежецка, Риги и других городов и сел нашей страны идут письма в адрес «Огонька». Пишут и из-за границы. Пишут и на квартиру профессора Ф. Сопрунова, не зная его точного адреса, но письма доходят. Почтальоны их доставляют.

«...Я, рядовой гражданин СССР, беспартийный, отец двух детей, по профессии строитель, бывший узник Штутгофа № 14466, протестую против освобождения Хоппе... — пишет Николай Ятченко из Калининской области.— Я прибыл в Штутгоф из тюрьмы Мариенбург осенью 1942 года. До этого был два месяца в застенках гестапо в городе Грауденц, куда прибыл из тюрьмы города Торн. Осужден был за отказ работать на фашистов, бежал из поместья. Задержан был на берегу реки Вислы в Польше. Мой возраст тогда был 16 лет. ...Я помню, как нас, подростков разных национальностей, избитых в кровь, истощенных, привезли в Штутгоф. Двое из мальчиков — один эстонец, другой поляк, одному лет пятнадцать, другому шестнадцать — на коленях просили у конвоя СС пощады и звали маму. А эсэсовец травил их овчаркой... Помню, как Хоппе вынул из кобуры пистолет и застрелил сначала эстонца, как самого слабого из нас, а потом и поляка, изорванного собакой... Помню, как перед шеренгами узников двое палачей несли носилки, и на них лежал мальчик в одних брюках, а к голой груди была прибита доска крупными гвоздями. На доске надпись: «Я хотел бежать».

А вот другое письмо: «Я бывший узник лагеря смерти Штутгоф. Мой лагерный номер 24152. Я не могу молчать. Я ставлю свою подпись под письмом протеста против освобождения Хоппе. Я почти два года находился в этом лагере. Я видел, как истребляли людей всех национальностей... Кто может из нас без содрогания вспомнить случай, когда вешали поляка и три раза обрывалась веревка! Даже в древние времена в таких случаях человеку даровалась жизнь, но Хоппе после неудачной попытки повесить расстрелял узника... Я не знаю точно «производительности» крематория, но в последнее время трупы сжигались в штабелях».

Владимир Хрущ, учитель из Сумской области, который написал это письмо, заканчивает его трагично: «P. S. Мне тридцать семь лет, но я уже два года не работаю по болезни. Являюсь инвалидом второй группы. В концлагерь попал из Германии, куда был насильно угнан на работу».

Письма идут, одно за другим, одно трагичнее другого. Пришло письмо из Польши от С. Беднарович. Старая женщина рассказывает о своей сестре, замученной в Штутгофе. Получено письмо из Копенгагена. Оно написано по-датски, но тут же дан перевод по-русски. Приводим его целиком: «Дорогой товарищ Сопрунов, в журнале «Огонек» номер 3, 1961 г., я читал о твоем и других советских товарищах протесте против выпущения на свободу палача Хоппе. Шлю тебе и твоих товарищи наилучших приветствия. Все 100 датские бывшие узники лагеря Штутгофа ни забыли и никогда не забудуть это время. Приложу книга: «Рапорт из Штутгофа», которая я писал в 1948 г. Мой лагерный номер Штутгофа 25667. Я работал в «Gewehr commando». Зовуть меня Мартин Нильсен. Привет от «Вилли» и от других датских товарищи тебе и твоим товарищам: Мартин Нильсен номер 25667».

Пишут матери, которые все еще разыскивают своих сыновей, пропавших без вести. Комарова Анна Федоровна из Таганрога спрашивает Сопрунова и его товарищей, не встречали ли они в Штутгофе ее сына Василия Комарова, 1914 года рождения. Василий с детских лет писал стихи, может, был в лагере, кто писал стихи?.. «Я не надеюсь, что он жив, но я хочу знать о его гибели», — пишет она.

Жены справляются о своих погибших мужьях. Многим кажется, что на фото, которое было помещено в «Огоньке», где сняты полуживые скелеты, они узнают своих близких, и справляются у Ф. Ф. Сопрунова об их судьбе. Мы обратились к Федору Федоровичу, передавшему нам этот снимок, с просьбой ответить, не знает ли он что-либо об этих людях. Он ответил, что, к сожалению, все фотографии такого рода похожи одна на другую, потому что похожи были страшные условия во всех фашистских лагерях. И ему трудно даже было определить точно, в каком из лагерей был сделан опубликованный снимок — в Штутгофе, Матхаузене или в каком-нибудь другом: запечатленные на снимке «живые трупы» он видел во всех лагерях, где ему приходилось быть, в том числе и в Штутгофе. Кроме того, приведенная в журнале фотография, видно, много раз переснималась и потому не может дать никаких достоверных показаний для опознания бывших заключенных.

...Прошло много лет, а раны людей не заживают. «Мы все еще ждем брата, Соловьева Алексея Владимировича, старшего лейтенанта артиллерии, — пишет из Казани Галина Владимировна Соловьева. — Жив еще наш отец, и он надеется увидеть сына. Боль утраты не утихает...». И, видно, не утихнет, пока живо поколение, которое вынесло все ужасы последней войны. Прав Николай Ятченко, написавший: «Я не только протестую против освобождения Хоппе, но и требую его смертной казни. Я не хочу, чтобы мои дети видели Штутгоф и Дахау и чтобы палачам — будь то Хоппе или кто другой — была предоставлена возможность на этой земле снова душить невинных людей!..»

Раздался слабый голос раненого Орлянкина: — А где мой аппарат?

ФРОНТОВО

В памяти сохранились разные эпизоды военного времени. Трагичные, смешные, трогательные... Вот некоторые из них.

Зима 1942—1943 годов. Сталинград. У защитников города добрую славу заслужил оператор Валентин Орлянкин. К нему, опытному сталинградцу, прибыл на пополнение и я.

Снимаем как-то очередную вылазку наших танков в город. Валентин ведет съемку из смотровой щели. И вдруг бойцы сообщают:

— Погиб Орлянкин!

Танк возвращается на берег Волги. На крыше башни сгрудились мрачные танкисты. Мы взбираемся к ним и видим на дне машины недвижимое тело.

Произошла нелепая случайность. Орудийная башня была не закреплена, и когда танк ворвался в развалины здания, ствол пушки ударило об стену. Башню резко развернуло, и рычагами ее придавило Орлянкина.

Его бережно, осторожно вытаскивают из танка. Санитары подняли носилки, и внезапно раздался слабый, похожий на стон голос Валентина:

— А где мой аппарат?..

Вот и весь эпизод, где, как в капле воды, отразилось существо человека, профессия которого — кинооператор!

Эпизод второй.

1943 год. Западный фронт. Налет на Спас-Деменск. Восьмой налет за день. Через час, сбросив бомбы и отсняв все кассеты, идем на посадку. Позиции врага разгромлены. Полет, в котором я принимаю участие, почти безопасен. Это обстоятельство, а также хорошие кадры, снятые сегодня, поднимают настроение. Еще при вылете в самолете отказало переговорное устройство, и мы летим молча. Вдруг красная ракета! Значит, садиться нельзя. У нас не выпущены шасси. А я летел вместо штурмана и сейчас, как и положено, должен произвести выпуск шас-

Рыцари земли советской

Письмо моего армейского друга полковника Хвостова воскресило в памяти события давних лет, заставило полистать пожелтевшие фронтовые блокноты. На обложке одного слабо проступала надпись: «2-й Белорусский фронт. Форсируем Одер. 1945 год, апрель. (Холодный!)».

Да, мы основательно продрогли тогда с майором Алексеем Ивановичем Хвостовым, пока добрались на дощатой лодчонке к левому берегу Одера. В блокноте записано: «Над тусклым блеском реки огромные (левитановские!) облака. Их подсвечивает снизу угрюмое пламя. Горит Гарц — чистенький, аккуратный городок, только сейчас оставленный гитлеровцами».

Гарц встретил нас настороженной тишиной. Подыскивая ночлег, мы зашли в уцелевший дом. Он был безмолвен и пуст, как брошенный окоп.

— Пить!

Щемящий душу стон, ломаный русский язык... От неожиданности мы оцепенели.

— Господа! Умоляю...

Дрожащий блик карманного фонаря осветил в углу фигуру иссохшего старика. Руки его дрожали, лихие некогда усы жалко обвисли.

— Франц Гутманн, хозяин дома, — назвался он, после того как пригубил живительной влаги из фляги майора.

Старик рассказал, что в первую мировую войну он был солдатом. Под Перемышлем попал в плен, не один год прожил в России.

— Вас оставили здесь одного? Больного?

— Эта проклятая бойня унесла всех близких, — глухо ответил Гутманн.

С трудом он добрел до стула у окна и надолго умолк. Вдруг нежданная улыбка слабо затеплилась на угрюмом морщинистом лице.

— Ваши едут! Рыцари русские!

В черной глухой ночи, в мятущихся отблесках пожаров мчались на запад наши танки.

И когда могучий рокот моторов закатился вдали, старый немецкий солдат Франц Гутманн поведал нам сказание о трех русских рыцарях.

— Об этом у нас говорят все, — начал Гутманн.

По долгу военного корреспондента, я достал блокнот. Хвостов

Возвращаемся из боевого полета.

Кинооператорская «армия» в день победы под Сталинградом 2 февраля 1943 года.

9 мая 1945 года. В освобожденной Праге.

Й КИНООПЕРАТОР

си аварийно. Но, очевидно, от волнения я забыл инструкцию и все делаю не так. Окончательно запутавшись, сползаю на пол и, сидя на своем парашюте, горюю у непонятного мне прибора... Что бы я ни делал, рычаг не движется. А самолет круг за кругом ходит над аэродромом.

Вечереет. Пытаюсь силой сдвинуть рычаг, но ничего не получается. Гляжу на пилота. Его губы шевелятся, но за шумом мотора я его не слышу. Помочь мне он не может. Очевидно, надо садиться как придется. Или прыгать. От этих мыслей делается совсем грустно. А самолет все кружит и кружит, и скоро иссякнет горючее.

Но опасность, видать, все-таки мобилизовала меня, заставила собраться с мыслями. Закрываю все вентили и по порядку, как об этом вспомнилось, открываю их. Ура! Стрелка манометра поползла вверх. Рычаг сдвинулся, качать его все легче. Загорелась зеленая лампочка на панели. Шасси выпущены. Прошло пятьдесят минут с тех пор, как судьба самолета неожиданно оказалась в руках кинооператора. Победа над страхом и растерянностью особенно радостна!

Самолет совершает посадку, и, очевидно, от толчка включается переговорный аппарат. В наушниках раздался шум, и я услышал голос пилота. Все то, что он не смог сказать в полете, он «выдал» мне, пока самолет рулил на стоянку!..

Эпизод третий.

Сентябрь 1944 года. Второй Украинский фронт. За шесть дней до того, как наши войска вошли в Софию, оператору В. Микоше и мне удалось переправиться на машине через Дунай. Мы оказались в Болгарии, в местах, где не было ни одного советского солдата. Шестьсот километров до столицы наша машина прошла за сутки. На рассвете мы въехали в Софию. Здесь уже с вечера от партизан знали, что к столице направляются советские офицеры. Видим на улицах тысячные толпы. И хотя мы только операторы и, снимая события, сами всегда остаемся «за кадром», на этот раз именно мы оказались в центре происходящего!

Машина остановилась. В ликующей толпе невозможно продвинуться вперед. Двери не открываются. Выйти невозможно. Никакие наши просьбы не действуют. И вдруг, точно по безмолвному уговору, десятки рук подхватили наш автомобиль. Машина качнулась, и мы почувствовали, что она поплыла высоко над землей. Мы начали вести съемку через стекла машины. Меньше чем в метре от объективов мы видели лица болгар. Что это были за лица! Какие чувства они выражали! Слезы затуманили наши глаза. Сознание того, что тебе выпало счастье быть свидетелем незабываемых событий, и сейчас, через много лет, волнует так же, как и тогда.

Нет профессии в кино лучше, чем наша! Не правда ли, товарищи операторы?!

А. КРИЧЕВСКИЙ

терпеливо удерживал на бумаге зыбкий, скользящий луч фонарика.

...Теперь, по прошествии шестнадцати лет, я обратился к тем беглым записям.

* * *

Бараки, где за колючей проволокой томились пленные советские танкисты, находились вблизи опытного полигона. Узники называли его «полигоном смерти». Оттуда явственно доносилась артиллерийская канонада.

Полигон этот, расположенный в глубоком тылу гитлеровской Германии, часто становился ареной ожесточенных сражений.

Трофейный советский танк, управляемый пленными, заставляли двигаться на различных скоростях. И в то время, как машина преодолевала рвы, лесные завалы, надолбы, в нее непрерывно стреляли. Броня танка была жестоко опалена, густо покрыта вмятинами от снарядов. Довольные гитлеровцы фотографировали изувеченную машину со всех сторон, замеряли пробоины.

А потом пленных заставляли приводить «поле боя» в порядок. Засыпались глубокие воронки, чинились поврежденные проволочные заграждения. И на полигоне неизменно появлялся тупорылый грузовик — тягач. Узники избегали на него смотреть:

— Могильщик!

Тягач направлялся к танку, одиноко маячившему на просторе перепаханного снарядами поля, и увозил машину вместе с погибшими воинами-мучениками.

Эти эксперименты в служебной переписке именовались так: «Испытание методов борьбы с советскими танками».

Однажды ночью перед комендантом лагеря — эсэсовцем стоял советский пленный, командир танкового экипажа. Он был совсем еще юн, но седина уже густо посеребрила его голову.

Переводчик, щеголяя чистотой произношения, разъяснял:

— Господин обер-лейтенант приказывает вам командовать танком на учебном занятии. Завтра.

И продолжал фальшиво и напыщенно:

— После успешных занятий весь экипаж будет освобожден. Это гарантируется приказом самого фюрера!

Пленный молчал. Лишь плотно сжатые губы выдавали его волнение и решимость. Никто еще не возвращался живым после «занятий» на «полигоне смерти».

Предрассветный туман окутывал землю, когда конвоиры привели из лагеря танковый экипаж. Пленные переглянулись; перед ними высилась стальная громада: непревзойденный по боевым качествам советский танк «тридцатьчетверка».

«Как? Не подведешь, родной?» — Беззвучно шевеля губами, командир говорил это машине с глубокой надеждой, как испытанному боевому другу.

К танку торопился офицер с командного наблюдательного пункта.

— Повторяйт маршрут. Шнель! Бистро!

Командир машины ответил без запинки.

— Выполняйт!

Экипаж с привычной сноровкой взобрался на танк, подняли крышку люка. Несколько мгновений советские люди с откровенным презрением смотрели сверху вниз на гитлеровцев. Затем люк захлопнулся. Машина легко тронулась с места и начала свой стремительный бег.

Вскоре на наблюдательном пункте всполошились.

— Русские не соблюдают маршрута!

Танк, все убыстряя движение, описал огромную дугу и ринулся к восточным границам полигона.

Фашистское начальство не могло не предвидеть такого оборота событий. Путь машине преградила сплошная огневая завеса. По безоружному танку били бронебойными снарядами, специальными минами. Тяжелый артиллерийский снаряд взметнул перед танком высокий земляной фонтан. Оглушенный взрывом механик-водитель выпустил рычаги управления. Замерший танк стал удобной мишенью.

— Русским капут! — ликовали на командном пункте.

Но водитель усилием воли превозмог боль. И танк снова ожил!

Искусно маневрируя среди непрерывных разрывов, «тридцатьчетверка» вырвалась наконец из огневого мешка.

Следы гусеничных траков печатались на полевой дороге. Она вела на восток, к своим!

Командир танка открыл люк. Нагретая земля пахла хлебом. Вдали, над пустынной дорогой, клубилось облачко пыли. За беглецами бешено гнались.

— Прибавь газу!

Водитель и так выжимал всю мощь из мотора, но зловещее облачко упорно не таяло в мареве знойного дня.

Впереди жидким серебром засверкала река. Через нее был переккинут мост на бетонных опорах.

— Проскочим! Газа не сбавлять! — решил командир.

Машина круто повернула, и у танкистов сжалось сердце: на въезде к мосту копошились в песке несколько карапузов в белых панамах. Позади уже нарастал шум мотора. Беглецов настигал бронетранспортер с автоматчиками. Юноша с седой головой, не колеблясь, приказал:

— Стоп! Всем из машины!

Тяжело лязгнули гусеницы, танк затих. Раздался сухой треск автоматных очередей. Но танкисты, не оглядываясь, кинулись к ребятишкам и быстро перенесли их в сторону от дороги.

— Хальт! Стой!

Автоматчики выпрыгнули из бронетранспортера, окружили танкистов и перепуганную плачущую детвору.

Еще и поныне в Германии рассказывают легенду о русских рыцарях. И на Родине нашей в дни войны тысячеустая народная молва разносила на фронте и в тылу славу о друзьях-танкистах, об их беспримерном побеге с «полигона смерти».

Давно отшумели годы войны, но никто еще не назвал имен трех храбрейших. И все же я верю: имена их станут известны.

Родные, друзья, однополчане, бывшие узники фашистских застенков, граждане ГДР должны рассказать о жизни и подвиге советского юноши и его товарищей.

Вл. ГУСЕВ,
офицер запаса

Зееловские высоты

Рассказ

А. СИЗОНЕНКО

Рисунок В. Высоцкого.

Они лежат за гранитной аркой железнодорожного моста, песчано-желтые, темные, как будто уставшие. Позже об этих высотах напишут симфонии и поэмы.

А сейчас... Еще молчат пулеметы, еще зарываются в землю солдаты враждебных армий по обе стороны насыпи, а тяжелые орудия, весело подпрыгивая на выбоинах, торопливо катятся за мощными тягачами, словно радуются, словно боятся опоздать на праздник. Пушки в наступлении всегда веселы и легки, а в отступлении тяжелы и угрюмы. Артиллеристы говорят, что от границ до Сталинграда они волокли свои орудия, будто на голгофу, а от Сталинграда наши пушки катятся до Берлина почти сами, и ни одна не отстала.

Движутся от Одера к Зееловским высотам задымленные танки, мощно и грозно урча. Между ними белеют таинственно притихшие «катюши», затянутые в брезент — этот извечный сейф военного засекреченного мира.

Работящие «студебеккеры», «ЗИСы» со снарядами и патронными ящиками выше кабин терпеливо жмутся к правой стороне шоссе, пропуская открытые штабные машины, на которых величаво покачиваются гибкие антенны, поблескивают генеральские лампасы и погоны и зеленые, разостланные на коленях карты.

И армия преследования, в касках, с автоматами, тесно усевшись на машинах, мчится, торопится, нетерпеливая. Белые-белые ремешки касок на обветренных юных лицах и подбородках кажутся фитилями семилинейных ламп, которыми сызмала светили этим парням их матери по селам и деревням.

И мы, разведчики матушки-пехоты, шагаем по обочинам до тех далеких высот. Окутывают нас пылью проносящиеся грузовики, обдают зноем разгоряченные танки, а мы идем навстречу Зееловским высотам, весенним ветрам и цветущим садам и улыбаемся всему этому, сжимая автоматы.

Сады!.. В ту весну они прямо кипели на землях поверженной Германии. И кто скажет, что нет, так и знайте: ехал человек на машине или в танке, глотал пыль и километры, а цветущих вишневых садов не увидел.

А мы видели.

Нам не нужен был асфальт автостроя. Мы обычно шли тогда напрямик, по полям, по лесам и садам. Пока на автостраду выбираются мотоколонны, нам нужно разведать усадьбы, лесочки и сады и каждый холмик или долину.

И мы рыскали. Врывались в чужие покинутые спальни, пугались своего изображения в роскошных зеркалах и готовы были застрочить по ним из автоматов, не узнавая самих себя: нам тогда было восемнадцать — двадцать, а в беспрерывных наступлениях и боях мы казались намного старше и суровее, чем на самом деле. И пройти семьдесят два километра от Одера до Берлина было не так легко.

Зееловские высоты были видны отовсюду: с командных пунктов—генералам, из окопов—солдатам, сквозь раскрытые люки — танкистам, из цветущих садов — нам. И даже разведав все околицы и войдя в небольшое аккуратное местечко, засоренное только битым кирпичом, черепицей и стеклом, мы видели желтые отроги. Они тревожили, приковывали к себе взгляды и мысли, обещали каждому из нас то, чем пугает человека война: нам ведь брать их, те Зееловские высоты.

А пока что уселись мы под щедрым солнышком, курим и наслаждаемся тишиной. Такая она умиротворенная, такая приятная, что кажется: выйдут сейчас дворники в белых фартуках, подметут с тротуаров битый кирпич, осколки черепицы и стекла, накричат на нас, замахнувшись метлой, прогонят домой учить уроки или помогать матерям по хозяйству.

Дворники, однако, не идут, а местечко полнится танками, машинами, гулом моторов в небе и на земле.

Около нас останавливается танк, взревев, замирает. Только дым и пыль долго еще плывут над ним. Да воздух шипит над радиаторами мотора. Да люки открываются.

Из верхнего люка выскакивает вспотевший, запыленный генерал. Он становится на броню, озирается. В сердитых глазах угроза тем далеким высотам, большим домам и нам. Легким, натренированным движением он спрыгивает на землю и говорит, ни к кому не обращаясь:

— Вызовите «Днепр»! Свяжите меня с «первым»!

Пока генерал курит, расхаживая возле танка, внутри него кого-то зовут, кого-то упрашивают и наконец протягивают генералу плоский и круглый микрофон, ставят на броню тяжелый небольшой динамик.

— «Первый» слушает,— говорит кто-то из динамика спокойно и устало.— Докладывайте.

— Вышел на рубеж Зееловские высоты. Накормлю людей и пойду на юг...

— Вы никуда не пойдете, — еще более спокойно говорят из динамика. — Пусть люди отдыхают и готовятся к штурму. Потери есть?

Генерал поджимает губы и еще больше насупливается. Глаза у него голубые-голубые и кажутся на красном, обветренном лице чужими.

— Погиб взвод разведки майора Аниканова.

— Весь взвод? Все три танка? И экипажи?

— Да, все. Их сожгли фаустники у высоты «300». Я должен ее взять сегодня же. Разрешите обойти с юга.

— Отдыхайте и готовьтесь к штурму, — говорит тот же спокойный голос. Он уже опять спокоен.

— Все ясно, но...

— Никаких «но». Выполняйте приказ.

В динамике все стихает, и генерал медленно кладет микрофон на броню.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться,— вытягивается, выйдя из-за танка, молодой майор, простоявший здесь, ожидая, пока кончится радиоразговор.

— Ну? — поворачивается к нему генерал.

— Среди тех фаустников из фольксштурма, которых мы взяли в плен, есть знаменитый пианист... Такой в очках.

— В очках, говорите? — глядя на островерхие кровли, переспрашивает генерал. — Ну так что? Среди наших молодых танкистов, которые сегодня сгорели в танках, знаете, сколько было знаменитых пианистов, и мастеров, и ученых! Не знаете? А я знаю. Были такие ребята!

Генерал хватается обеими руками за голову и качается, точно от зубной боли.

— Они сожгли три танка — наилучших наших разведчиков, которые воевали с самого начала; кто мне вернет их? Мне, и семьям, и матерям? Может быть, вы? — сердито глянул генерал на майора. — Или, может, тот ваш плюгавый пианист?

— Но он же только позавчера из Берлина! Только-только напялили на него шинель по тотальной мобилизации и пригнали на фронт. Он и винтовку не умеет держать, не то что фауст-патрон.

— А те, мои ребята, все умели. Они взяли Кантемировку под носом у Генриха Гилле с его «Мертвой головой», сражались на Курской дуге. Я на них надеялся, как на самого себя. И сегодня их не стало. Вы это понимаете? Хотя бы это!..

— Это сделал не он, — упрямо нагнул голову майор. — Посмотрите на него — и вы поймете все.

— Вы меня удивляете, черт возьми! — еще больше покраснел генерал, сдерживаясь.— Что за смотрины перед Зееловскими высотами?

— Он профессор Берлинской консерватории! Посмотрите на него.

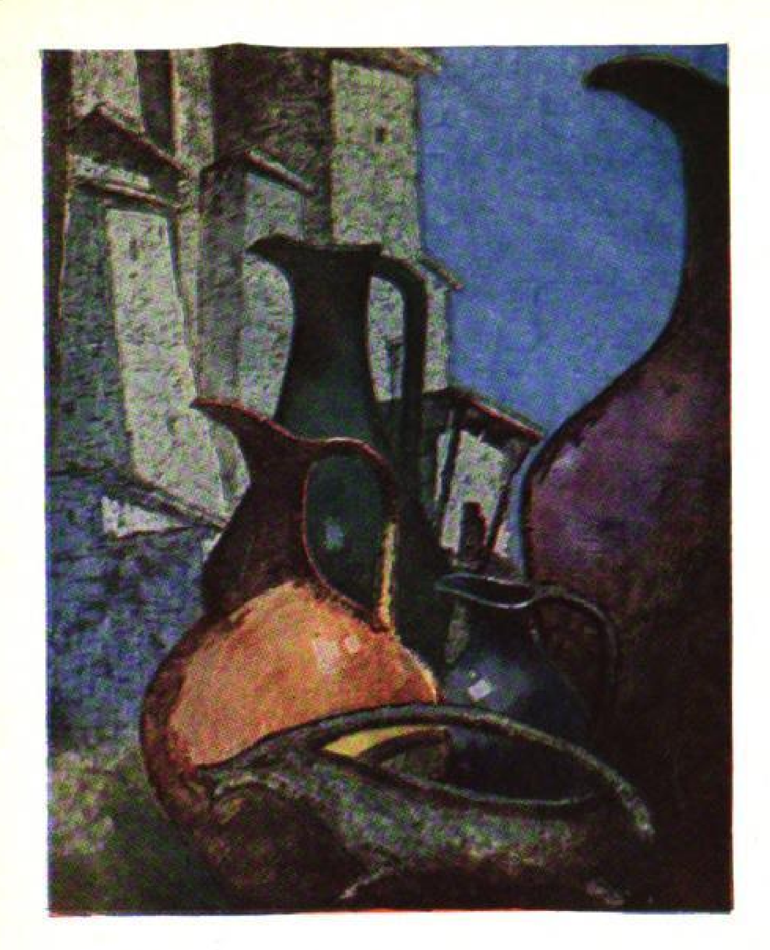
Генерал долго молчал, мял свои перчатки, в которых четвертый год непрерывно водит танки. А в лесочке куковала кукушка, и рассыпала по черной земле свои белые пахучие лепестки молодая вишенка во дворе. И так тепло и тихо было в мире!..

— Хорошо, приведите, — сказал генерал и отвернулся, чтобы прикурить.

...Он стоит среди двора — олицетворение беспомощности, неприспособленности. Безжалостная карикатура на интеллигентность, написанная суровыми мазками войны.

Тонкая, длинная шея жалко торчит из жесткого воротника шинели, которую он боится снять даже в этот теплый и прекрасный апрельский день, возможно, последний в его жизни. Эту шинель надели на него штабные фельдфебели, которых он боялся больше, чем смерти. Картуз с длинным суконным козырьком, какой носили солдаты гитлеровской армии, налезает ему на уши, отгибает их книзу и держится, видимо, только на очках в тоненькой золотой оправе. Длинные руки висят вдоль туловища, тонкие и белые. Белое было и лицо. И острый выступает на шее кадык каким-то странным наростом.

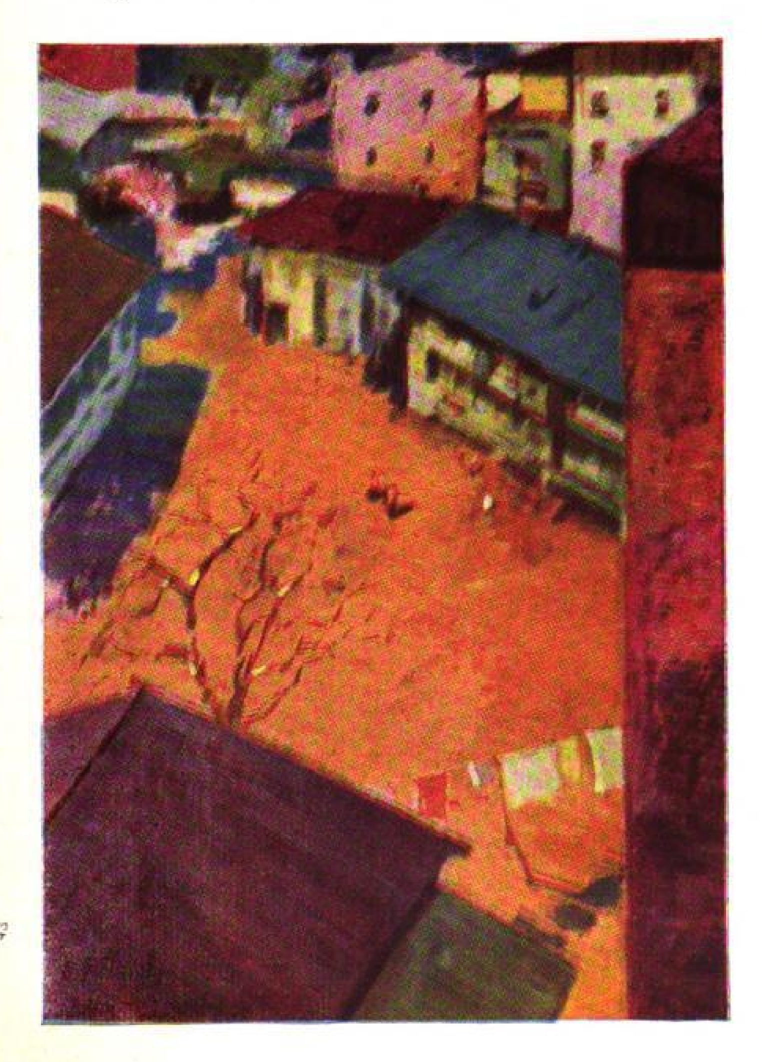
Генерал, повернувшись к нему, задержи-

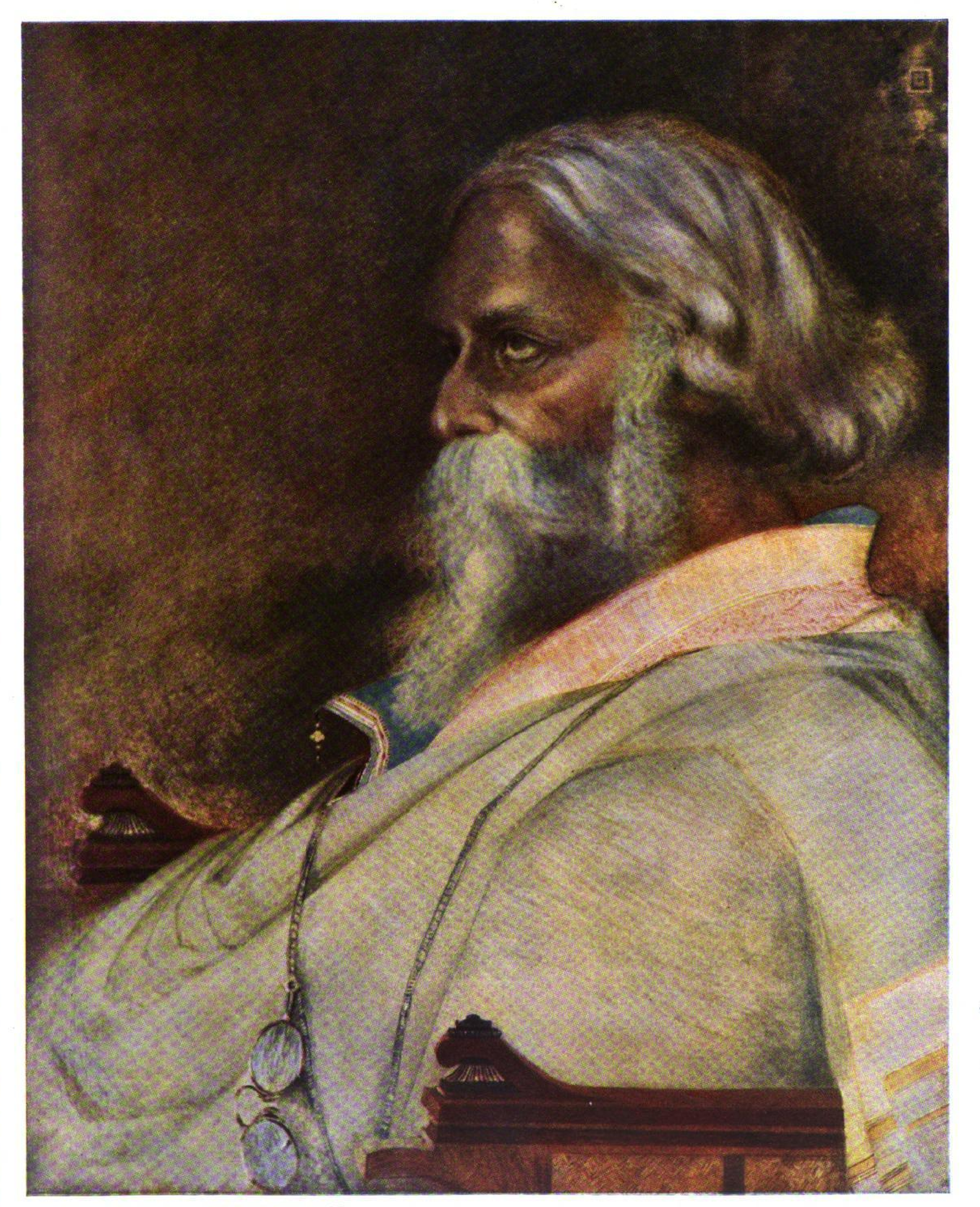
К. Чанкветадзе. НАТЮРМОРТ.

Г. Тоидзе. УГОЛОК СТАРОГО ТБИЛИСИ.

Б. Санакоев. К НОВОМУ ПОРОГУ.

Деви Прасад Рой Чоудхури. РАБИНДРАНАТ ТАГОР.

Величие Тагора

Всего семь лет не дожил Рабиндранат Тагор до того дня, когда его родина обрела свободу. Но великий старец из Калькутты так много сделал для своего народа, для пробуждения его национального сознания, что поистине стал знаменем Индии.

Поэт, драматург, прозаик и публицист — Тагор. Педагог, философ, литературовед и лингвист — тоже Тагор. Живописец, музыкант, актер и режиссер — это все Тагор. Он написал пятьдесят сборников стихов, двенадцать романов и повестей, свыше ста рассказов, более тридцати пьес, около двухсот публицистических статей, много песен, учебники для школ, исследования по вопросам языка и литературы, философии и религии.

Никакими цифрами, однако, нельзя измерить то глубокое воздействие на ум и душу народа Индии, которое оказал Тагор. Он, по словам Джавахарлала Неру, помог своим соотечественникам выйти «из узкой колеи их мышления и призадуматься над более широкими проблемами, затрагивающими человечество. Тагор был великим гуманистом Индии».

За несколько месяцев до смерти, в 1941 году, восьмидесятилетний Тагор написал статью «Кризис цивилизации». Она стала своеобразным завещанием писателя. Двадцать лет назад, когда колонизаторы еще терзали Китай, Индию, многие другие страны Азии и Африки, уста Тагора предрекли крушение колониализма. Человек, умудренный громадным опытом, изъездивший полмира и своими глазами увидевший, что такое западная цивилизация, писал о ее кризисе. В молодости он всей душой верил, что именно Европе суждено стать колыбелью новой цивилизации. Но «в дни расставания с жизнью эта вера исчезла». Писатель уверовал в иные идеалы, в иную цивилизацию. Особенно важной стала для него поездка в нашу страну в 1930 году. У нас великий индиец увидел, как можно уничтожить невежество, нищету и забитость. Тагор не отказался от своих взглядов. Но в Советской стране писатель увидел многое из того, о чем мечтал. «Такая цивилизация,— утверждал Тагор,— не разобщает народа, а только повсюду распространяет власть гуманности. Видя быстрое и удивительное перерождение народа, я радовался и завидовал одновременно».

Тагор не разуверился в человеке, а до последнего дня лелеял надежду, что радостный день придет к его народу, ко всему человечеству. «...Восход,— говорил Тагор,— начнется с Востока, там, где встает солнце. Придет день, когда несломленный человек вступит на путь победы, сметая все преграды, для того чтобы вернуть свою былую славу. Я считаю преступлением думать, что человечность может потерпеть окончательное поражение».

Книги Тагора стали в один ряд с крупнейшими созданиями литературы. Вот почему Всемирный Совет Мира призвал отметить столетие со дня рождения Тагора. Вот почему советские люди широко отмечают годовщину Тагора, своего большого друга.

В. ВОРОНОВ

вается взглядом на тонких-претонких ногах в гетрах и в большущих рыжих ботинках. Кованые, крепкие, сделанные для дальних дорог в Россию и Африку, они дошли от Берлина только до Зееловских высот, эти ботинки на слабых ногах берлинского пианиста.

— Гм, война, — говорит генерал беззлобно.

— Найн, — мотает головой немец. — Их никс война. Мюзик...

— Мюзик, мюзик,— бормочет генерал, и уголки его губ опускаются книзу. — Где тут есть пианино? А ну!.. — повернулся он к нам, и мы рассыпались по комнатам, словно воробьи.

Офицеры в шелковых комбинезонах стоят рядом и прислушиваются.

— Берлинский пианист,— говорит генерал.— Сейчас послушаем, как он играет. — И смотрит на часы. — Что делают люди?

— Моются, — говорит один из офицеров.

— Моются? — удивляется генерал.

— Так точно. Разделись по пояс и льют друг другу на спину целые ведра воды.

— Жарко, — говорит генерал, — пусть помоются. Будет еще жарче. — И он долго смотрит на Зееловские высоты, похожие на дремлющих львов.

...Рояль находим в соседнем доме.

— Идем, — говорит немцу майор.

Тот нагибается, поднимает ранец, обшитый телячьей шкурой, закидывает себе за плечи. Затем надевает пояс с жестяной цилиндрической коробкой противогаза и шанцевой лопаткой в чехле.

— Здесь недалеко, — говорит майор, останавливаясь, — не надо надевать.

— Найн, найн, — мотает головой немец и близоруко смотрит: не забыл ли чего-нибудь. Только убедившись, что вся амуниция с ним, он идет за майором, равнодушный и к нам, и к солнцу, и к нашим автоматам.

Когда же он переступает порог комнаты и замечает рояль, он забывает о своих солдатских пожитках, не глядя бросает их посреди комнаты. Сотрясая пол тяжелым топотом кованой обуви, бросается к роялю. Открывает переднюю часть крышки, нагибается, близоруко прищуривается и поднимает лицо. Оно сияет, точно у ребенка.

— «Беккер», — подняв палец, говорит он и беззвучно гладит клавиши.

Заходит сбоку и легким, ловким движением поднимает всю верхнюю часть крышки, так, что становятся видны струны, и светлая, как солнце, дека, и позолоченный металлический каркас.

— Айн момент,— говорит он, извиняясь, и сбрасывает шинель.

Не сбрасывает, а будто вылезает из нее. Затем аккуратно складывает ее вдвое и ищет глазами свою амуницию. Она лежит далеко. Нетерпеливым шагом подбегает к ранцу и поясу с противогазом и лопаткой, хватает одной рукой и, клонясь на один бок, тащит к роялю.

А усевшись, не сразу ударяет по клавишам, опускает над ними свою светлую, лысоватую голову, какое-то время молчит, будто что-то вспоминает, и, выпрямившись, обводит нас беглым взглядом. За стеклами очков слезы: видимо, он уже не надеялся когда-нибудь сесть за рояль.

— Спасибо, — неожиданно для всех говорит он и, поднявшись, кланяется всем нам, на все стороны. И генералу, который стоит у окна суровый и неприступный, и группе молодых офицеров.

Пианист начинает с низких басов. Рокочут они и гремят о чем-то суровом, страшном, непоправимом, будто рушатся в мире города и мосты. И небо падает на землю, и рушатся горы, и стреляют пушки, и кричат женщины, и плачут дети. Все громче, все сильнее, все страшнее.

Голова немца мотается в такт этой музыке, плечи прыгают, и рассыпаются его светлые волосы, и руки летают над клавишами, будто бьются две белые молнии и никак не могут найти, куда бы им улететь навсегда. И мы все чувствуем, что или он умрет за этим беккеровским роялем — и тогда музыка окончится, или в мире что-нибудь случится непоправимое и страшное. Хотя мы уже и не думали в своей жизни увидеть что-нибудь более страшное, чем война, которая носила нас днями и ночами по своим жестоким и страшным полям.

А звуки гремят и падают на нас, на стены комнаты, вырываются в окна, в весенний мир, залитый солнцем, и теплеют, добреют, становятся тише, будто все люди на земле отходят от злобы, навеки теряют ее и начинают еще несмело, но дальше все больше улыбаться друг другу.

Тихо и нежно летают над нами звуки, и родятся они не из рояля. Рояль до сих пор молчал, как дом, как вон те высоты за окном. Как каменная мостовая под окнами. Звуки льются из рук, из-под этих длинных, худых пальцев, которые нежно и ласково касаются белых клавишей, сами белые, как первый снег, и рассказывают нам про наших матерей и отцов, про родной дом и родные реки и сады...

Мы, будто сговорившись, отворачиваемся к окну, пряча от товарищей глаза. А когда музыка умолкла, неожиданно для самих себя аплодируем. Кому?

Немец встает со своего места, учтиво кланяется и снова садится: за роялем он не пленный, не солдат — он, видимо, обо всем этом успел позабыть.

— Давно-давно я не слыхал Бетховена в таком исполнении, — говорит генерал, вздохнув.

— Бетховен, о! — улыбается немец. — Бетховен... — И смолкает надолго. Даже закрывает глаза. Потом медленно и легко поднимает руки.

«Та-та-та-та!» — как-то тревожно и нерешительно, будто издалека, спрашивает кто-то соседа. «Та-та-та-та!» — уже ближе и более выразительно, точно кто-то угрожает: я иду, я сейчас приду! И полилась, и полилась мелодия, словно в эту комнату среди войны и среди весны вошел большой, решительный и суровый Бетховен! Вошел и смотрит на всех нас грозно, будто спрашивает: «А вы так и живете и поступаете, как я мечтал?..»

И его музыка все на свете ставит на свое место. Мы видим под ее властью Зееловские высоты обыкновеннейшими холмиками песка, а танки и пушки — громадой железа. Все мы забываем — и немца, который играет, и того, кто писал эту музыку. Нам кажется, что она существует века, вместе с человечеством, и теперь повествует нам о том, что осталось еще недолго воевать. Она говорит нам, что войны проходят и забываются, что всех нас ждет жизнь, и любовь, и работа на мирной земле.

И когда мелодия умирает, иссякнув под усталыми пальцами немца, мы будто просыпаемся. Мы словно опьянели от музыки и воспринимаем все окружающее, точно нереальное. Настоящее было там, в тех мелодиях. Да еще, кажется, в солнце. И в цветущих садах и в нас самих.

А немец поднялся и смотрит на нас вопрошающе. Он тяжело дышит. На лице и на скулах большие капли пота, и мокрые волосы прилипли к голове и падают прядями на глаза. Он как будто чего-то ждет.

«Что ж теперь? — спрашивают его потухшие глаза. — Что будет дальше? Вы убьете меня?..»

— Отправим его в тыл? — спрашивает генерал.

Майор пожимает плечами.

— Идемте, — говорит он немцу.

— Отправим его в штаб, — говорит генерал.

Немец тем временем торопливо надевает шинель, нахлобучивает на голову свою фуражку, закидывает за плечи ранец, хватает пояс с противогазом и лопаткой и бежит за майором: он боится оставаться среди нас без своего защитника.

Генерал выходит из дома последним. Он молчит, и его глаза похожи на наши: такие же печальные и сосредоточенные.

— Поедемте со мной, — говорит он немцу как-то тише, чем принято на войне.— И сбросьте к черту шинель и амуницию...— Генерал помолчал.— Это вам подходит, как корове седло.

Мы все дружно смеемся. Майор переводит немцу слова генерала.

— Найн, найн, — мотает головой пианист и что-то лопочет по-своему.

— Он говорит, что его расстреляют дома, если он бросит все это.

— Проклятие! — говорит генерал-лейтенант, с жалостью глядя на немца.

А солнце греет ласково, и цветут сады, и перед нами лежат Зееловские высоты — обычные косогоры, которые мы должны взять, чтобы не умирали мелодии и люди, чтобы талантливые пианисты никогда больше не носили шинелей, противогазов, ранцев и лопат.

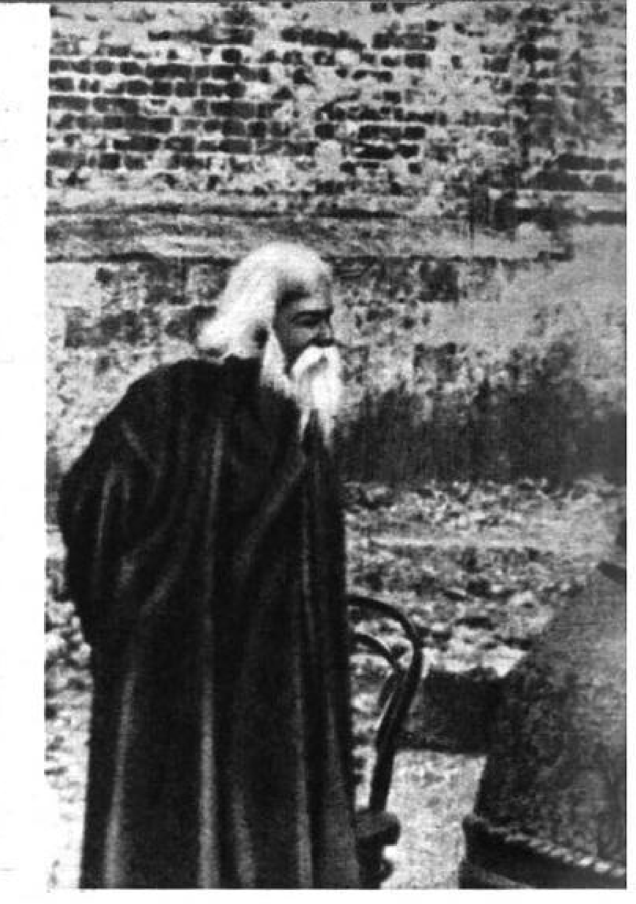
И чтобы грозный Бетховен не гневался на нас.

Перевел с украинского Б. А. СЛУЦКИЙ.

МОСКВА, 1930. Тагор среди студентов и профессуры.

В Кремле, у

«ЖИЗНЬ В ДВИЖЕНЬИ ВСЕГДА...»

Я могу сказать о поэзии Тагора, о тех его стихах, которые доходят до нас, не владеющих языком оригинала, в переводах, что она не может, конечно, не волновать, не трогать каждого, кто чувствует прекрасное. А нет такого человека, кто был бы совсем лишен этого чувства. Афористическая лирика Тагора — это совершенно особая область его творчества. Как правило, это четверостишия, где глубокая философия и чудесный пейзаж связаны в единый жгут.

Стихотворения из сборника «Искры», которые вы прочтете ниже, представляют собой пример того, как поэт яркую и тонкую мысль может облечь в одежды зримых картин и, наоборот, в зримых, повседневных картинах, мимо которых так часто проходим мы с вами,— увидеть вдруг прекрасную и удивительную мысль.

Нужно, очевидно, сильно любить жизнь и понимать людей и в их самом хорошем и самом плохом для того, чтобы видеть мир таким, каким видел его Тагор.

Михаил Светлов

ИЗ ЛИРИКИ ТАГОРА

Жизнь в движеньи всегда — и ногам и уму
Одинаково свойственно это:
Когда мысли бегут, то у них на ногах
Мелодично звенят браслеты.

* * *

Облако-путник за горизонт
Медленно удалялось
И на прощанье в тетради лугов
Тенью своей расписалось.

* * *

Звезды играли в прятки,
Пора бы им по домам,
Но в чащу одна убежала
И заблудилась там.
Из леса ночного еле
Ее дозвалась Заря,
И Звездочка искрой малой
Растаяла в свете дня.

* * *

Подсолнухом — летнего солнца портрет
Земля рисовала.
Увидела — в копии сходства нет,—
Смахнув, начала сначала.

* * *

Сладость любви дана нам
На краткий час.
Горечь любви всю жизнь
Преследует нас.

* * *

Многие дни был я в пути,
Видели много глаза мои
Дальних земель и больших городов,
Где радость играла чужая.

Я не заметил лишь одного —
Как в двух шагах от окна моего
На рисовом стебле капля росы
В утреннем солнце сверкает.

* * *

Небо украсится нежным рассветом,
Поле — росой перламутра.
Ранний цветок будет белой флейтой,
На которой сыграет утро.

* * *

На ночном небосклоне темном
Открывается дверь золотая:
Выходит заря — и звезды
В корзину свою собирает.

Перевод А. Горбовского

ВСТР

В небольшом двухэтажном особняке, когда-то принадлежавшем фабриканту Савве Морозову, окруженном яблонями, вишнями и сиренью, жила коммуна пионеров имени Алисы Кингиной. Это был дом детей-сирот, заботливо собранных в одну дружную семью.

Над коммуной шефствовал металлургический завод «Серп и молот». В гостях у коммунаров часто бывали знатные сталевары, прокатчики, формовщики. Они приходили на наши сборы в галстуках почетных пионеров, рассказывали о создании новых марок стали, о строительстве новых корпусов, о том, как выполняют в горячих цехах первый пятилетний план.

Родство с металлургами помогло нам превыше всего в жизни любить и ценить труд.

В коммуне мы все делали своими руками: готовили обеды, мыли посуду и полы, ухаживали за садом, точили коньки, ремонтировали лыжи. Большую роль в воспитании коммунаров играла «Живая газета». В ней разыгрывались небольшие пьесы, декламировались стихи о культурной работе в деревне, о ликвидации неграмотности. В газете было много веселого юмора, смешной хроники.

Окна нашего дома выходили в Товарищеский переулок, а в школу мы ходили через сад по Коммунистической улице. Это было символично: мы учились в этом доме товариществу, а вышли в жизнь по светлой и широкой Коммунистической улице.

Интересной была жизнь коммунаров. Вот с ней и захотел познакомиться Рабиндранат Тагор.

Он приехал к нам в сопровождении своих секретарей 14 сентября 1930 года.

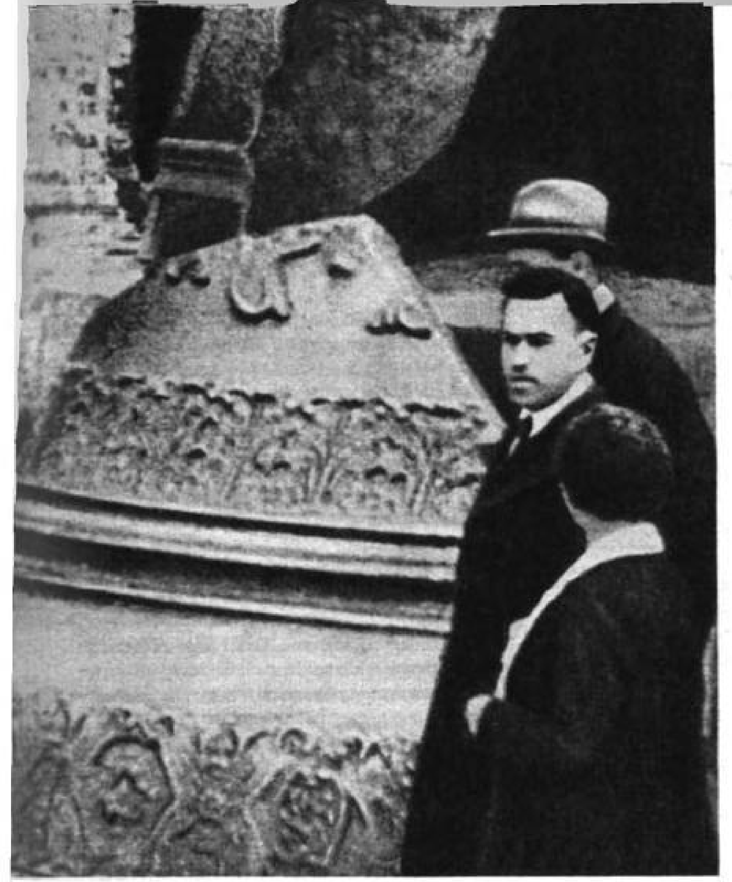
К парадному подъезду подкатила машина, и из нее вышел высокий человек в светло-коричневом одеянии. Ребята дружно и громко зааплодировали. Он оглядел наш строй, снял головной убор и приветливо заулыбался.

В сентябрьскую пору повеяло югом,
Далекие пальмы вдруг стали близки.
И вот мы уселись узорчатым кругом:
Он — сердце ромашки, а мы — лепестки.

В просторном пионерском зале мы усадили гостя в кресло, и потекла задушевная беседа. Нас очаровал облик «дедушки Тагора». Высокий, открытый лоб, крупные выразительные глаза, красивое, без единой морщинки лицо в матовом загаре, обрамленное светящейся сединой,— перед нами предстала необычайная красота старости, торжество человеческого разума и духа. Он словно понял наше детское любопытство, потрогал бороду, усы и сказал:

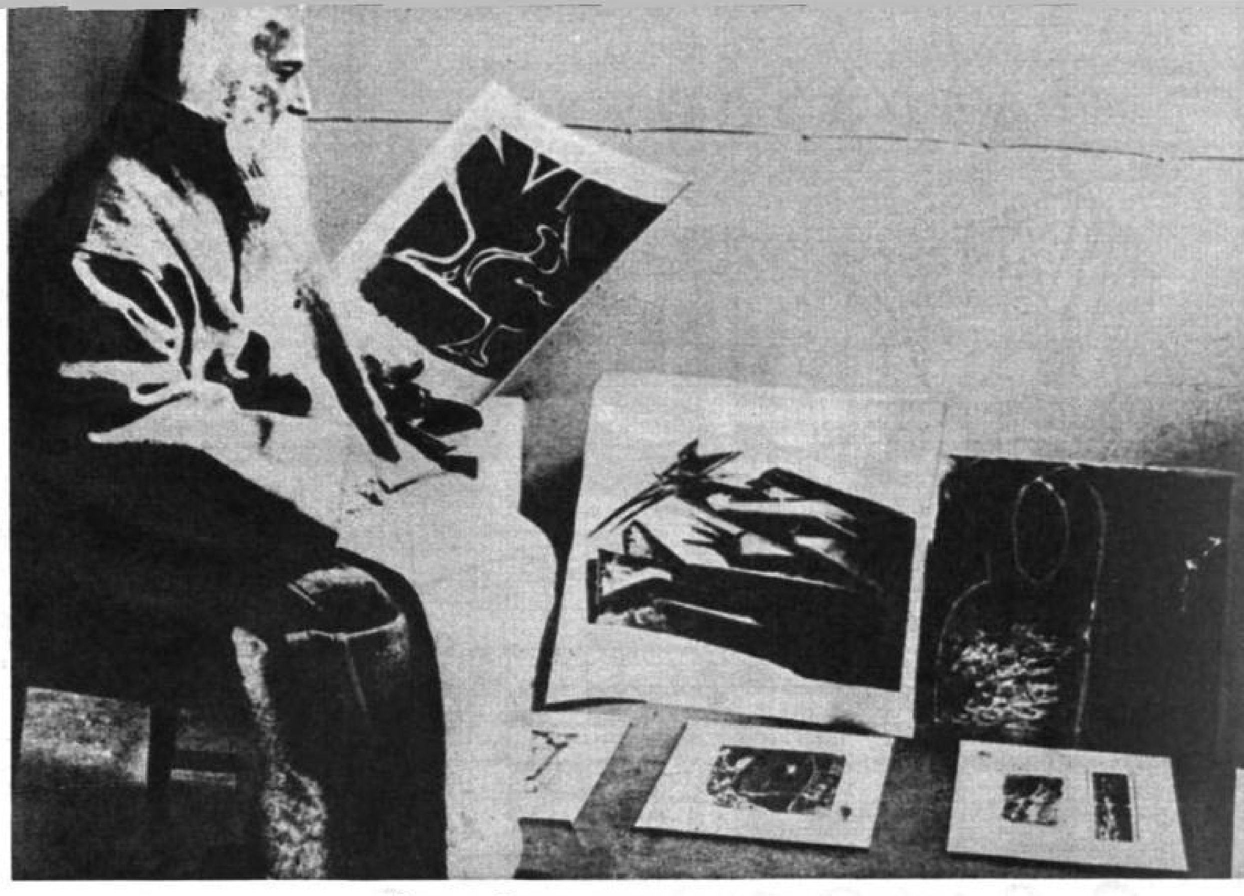
— Это только маска, а сердце мое юное, горячее.— Улыбнулся и добавил: — Пионерское!..

Мы песню запели,
Чтоб мог он вглядеться
Во все, чем семья коммунаров живет.
Поэт улыбнулся: — Так вот оно, детство
Не брошенных в годы разрухи сирот!..

Царь-колокола.

Тагор отбирает свои картины для выставки.

ЕЧА С МЕЧТОЙ

Немало ребят, кто сидел в этом зале,
Кого обнимал и разглядывал он,
С рожденья родительской ласки не знали,
Не помнили даже отцовских имен.

Поэт о сиротстве — ни слова в беседе:
Могущество корня — в кипенье листвы!
В молчанье почтил он страны милосердье
Поклоном высокой седой головы.

Кипящим и пенно-густым водопадом
Его борода по груди разлилась.
И каждому стало понятно,
Что рядом
Большой человек, понимающий нас.

С Тагором ребячьи сердца откровенны.
И он среди нас по-весеннему юн.
В рассказах ребят задышали мартены.
И встал перед ним наш завод-опекун.

Мы много читали про дальние дали,
О сказочном крае садов и пещер.
И нам сталевары в цехах подсказали,
Какою мечтой должен жить пионер.

Нам скоро к мартенам, на тракторы
скоро,
Где сталь закипает и зреет зерно.
Нам, может быть, даже отчизне Тагора
В грядущие годы помочь суждено.

Коммунары попросили Рабиндраната Тагора прочитать стихи. Он охотно согласился. Глубже уселся в кресло и начал... Мы ждали чтения, а он вдруг запел. Запел мягким, приятным голосом. Исполняя песню, он то в задумчивости закрывал глаза, то снова раскрывал их и смотрел куда-то далеко и зорко. Все его мысли и сердце были в песне. Она лилась легко и величаво, трогала задушевностью и красотой. Мы замерли, казалось, перестали дышать и, может быть, впервые пожалели, что не знаем его родного языка. А он пел.

Он пел о бушующих волнах Джамуны,
О горных алмазах, о тропах лесных.
Казалось, тампуры волшебные струны
Несли эту песню на крыльях своих.

Переводчики пояснили нам, что поэт исполнил песню, которую любит весь индийский народ. Теперь она является национальным гимном Индии. Мы горячо зааплодировали. Тагор привстал в кресле, положил руки на сердце и поклонился.

Мы показали ему самодеятельную инсценировку «Пятилетка», затем пригласили в столовую и угостили пионерским ужином.

Поэт был растроган нашим приемом и, уходя, записал в пионерскую книгу отзывов:

«Я всегда буду помнить прекрасный вечер, который я провел с этими пионерами. Я научился у них многому, что будет весьма полезно моему народу в Индии, за что я и благодарен им. Я всей душой сочувствую этим юным строителям судьбы своего народа и желаю им успеха.

Рабиндранат Тагор».

В мае 1931 года мы послали письмо нашему «дедушке Тагору».

«Дорогой поэт!

Примите сердечные и искренние приветствия от юных коммунаров Первой пионерской коммуны по случаю вашего семидесятилетия. Мы, коммунары, все еще помним тот вечер, который вы провели среди нас. Мы хорошо помним песню индийского народа, которую вы для нас спели. С тех пор, как вы уехали, наша жизнь шагнула далеко вперед. За это короткое время наша страна сделала гигантские шаги по дороге к социализму, ежедневно все больше фабрик и заводов досрочно выполняют пятилетний план, тот самый план, который не так давно наши враги считали явной утопией. Энтузиазм масс творит чудеса...»

Мы рассказали в своем письме о том, как помогаем ликвидировать неграмотность, какую работу проводим мы в цехах завода «Серп и молот».

Впоследствии мы узнали, что наше письмо напечатано в «Золотой книге» Тагора, изданной в Калькутте в 1931 году в честь семидесятилетия со дня рождения славного сына Индии.

Далеко ушло детство, но в памяти каждого из нас свежи все подробности той волнующей встречи.

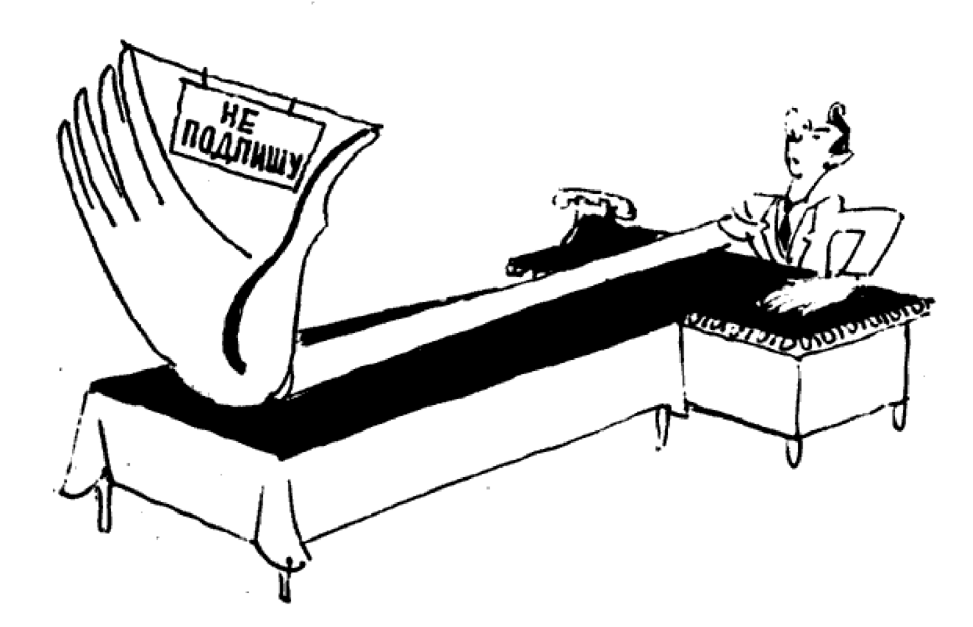
...И мы, вспоминая далекие были
И сами лелея теперь сыновей,
Своих обещаний, поэт, не забыли
И подняли домны отчизны твоей.

С индийцами вместе зажгли их
в Бхилаи,—
Так пусть за грядою заоблачных гор
Они, негасимые, ярко пылают,
Как сердце твое, незабвенный Тагор!

Александр ФИЛАТОВ,
воспитанник Первой
пионерской коммуны.

Тагор среди воспитанников Первой пионерской коммуны в Москве. 1930.

РОКОВАЯ СПРАВКА

Фельетон

«...И, конечно, буду рад узнать, чем кончатся неправдоподобные поступки секретаря горсовета тов. Богаревой и председателя тов. Фофанова.

И. Г. ПРОНИН».

(Из письма в редакцию)

Многодетному слесарю Ивану Георгиевичу Пронину понадобились сразу две справки.

— Между прочим, решили тебе помочь,— теребя пуговицу на пиджаке Ивана Георгиевича, скороговоркой выпалил один из членов цехкома.— Может, твою застройку с мертвой точки сдвинем, а может, с квартирой что выйдет. Словом, тащи справку о составе семьи.

— Товарищ Пронин! — крикнул проходящий по двору бухгалтер.— Тебе льготы по налогу как многодетному полагаются. Захвати завтра справочку об иждивенцах!

В тот же вечер Ивану Георгиевичу уличным комитетом были выданы две бумажки. В одной значилось, где он живет и на какой площади, во второй только перечислялись иждивенцы.

— Теперь остались пустяки,— напутствовали в комитете слесаря.— Забежишь в горсовет, там секретарь подпись заверит и печать пришлепнет.

— Мне, дорогой товарищ, бегать некогда, мне работать надо,— отшутился Пронин.— Жена зайдет и заверит.

На следующее утро, захватив справки, Татьяна Федоровна Пронина появилась в горсовете перед столом секретаря — Анны Михайловны Богаревой.

— Что у вас?.. Короче!..— решительно встретила ее Богарева.— Справки?.. Так... Эту подписываю, а вот эту заберите обратно... Что почему?.. Разъясняю: две одинаковые справки одному лицу не выдаем. Ясно?

Председатель горсовета Александр Иванович Фофанов, к которому обратилась огорошенная таким ответом Пронина, оказался менее многословным, но более решительным:

— Дождетесь, что отберу и эту справку. Ни одной не получите! Ходят тут всякие!

— Да будет тебе! — утешал вечером жену Пронин.— Не поверю, чтобы так было. В горсовете люди чуткие... Как-никак мы ведь избиратели, голосовали за них. Что-то здесь не так! Сам схожу.

Утром у Богаревой появился сам Пронин.

— Это еще что такое?! — Богарева поглядела на Пронина с таким возмущением, будто он въехал в кабинет на лошади.— Опять справки? Вон!

Через полчаса возмущенный прокурор района утешал взволнованного Пронина:

— Говорите, одну справку заверили, а вторую не хотят? Ничего, мы на этих волокитчиков управу найдем! Сейчас позвоню... Горсовет? Что же вы, товарищи, людей из-за такой безделицы гоняете? Что?.. Гм... Ну и бюрократы!..

Трубка легла на рычаг. Прокурор секунду подумал и позвонил снова.

— Исполком? Общий отдел? Илюшкин говорит. Тут вот какое дело. У человека абсолютно законная справка, а ее второй день не заверяют. Вы сможете поставить печать?.. Все в порядке,— прощаясь с Прониным, добавил он,— считайте, что документ уже заверен!

— Это вы насчет справочки? — встретил Ивана Георгиевича заведующий общим отделом исполкома Дьяков.— Знаю, знаю. звонили из прокуратуры... Ай-яй-яй, какое безобразие! Давайте сюда вашу бумажку... Так. Только, понимаете, небольшая неувязочка, рабочий день кончается, а печать, оказывается, под замком. Вы оставьте нам документик и приходите завтра. Считайте, что справка у вас в кармане.

— Так я же работаю,— взмолился Пронин.

— Пусть тогда жена придет, я ей передам.

Но дальше пошло по поговорке: на словах — как на гуслях, а на деле — как на балалайке. Прониной Дьяков разъяснил, что накануне обещал поставить печать просто по ошибке. Справки, мол, дело горсовета, а если такими мелочами заниматься исполкому — это будет прямое нарушение субординации.

И в третий раз началось все сначала. Снова в слезах выбежала от Богаревой Пронина. Снова тщетно взывал к совести отцов города прокурор. История со справкой принимала какой-то мистический оборот.

— Полно, да так ли в самом деле? — невольно усомнились в редакции, когда пришло письмо от Пронина с приложением злополучного «документа». Слишком уж «неправдоподобно» поведение Богаревой и Фофанова!

И вот справка, как бумеранг, возвратилась вместе со мной на исходные позиции — в Малоярославец.

На этот раз в горсовет с женой Пронина пришел и я. Все та же злополучная, уже изрядно потертая бумажка легла на стол секретаря.

— Опять?! — задохнулась от изумления Богарева.— Издеваетесь? — Документ отлетел в угол стола.— Кто там следующий?

Следующий был я.

— Скажите, Анна Михайловна, почему вы не подписываете эту справку? На основании чего столько времени вы заставляете людей обивать пороги?

— На основании постановления Совета Министров!..

— ?!

— Да вы сами-то кто будете?

Пришлось показать документы. Мы с Прониной стояли, Богарева сидела. Но даже при таком соотношении зрительных плоскостей она смотрела на нас явно сверху вниз.

— Уж вам-то, товарищ корреспондент, разъяснять, по-моему, не надо. Специально для трудящихся Совет Министров вынес постановление о справке...

— Да вы понимаете, что вы говорите? Это постановление направлено против бюрократизма!

Улыбка

Варвара КАРБОВСКАЯ

Это произошло внезапно. Ребята играли во дворе. Кто-то из приятелей семиклассников мельком взглянул на Вовку, потом вгляделся еще раз пристальнее и удивленно сказал:

— Ребята, посмотрите, наш Вовка похож на Юрия Гагарина... Честное пионерское, вылитый! Вовка, а ну, повернись!

Он повернулся, смущенный, застенчиво улыбаясь, и все заорали:

— Похож! Похож!

Тогда он сломя голову кинулся в дом. Ворвался в квартиру, подбежал к зеркалу и впился глазами в свое отражение. В глазах была надежда и испуг: а вдруг не похож, ничего подобного? — и страстное желание увидеть то, что увидели ребята. Мать спросила:

— Что с тобой? Ты опять разбил лоб? Сколько можно!

Он улыбался, глядя на себя в зеркало. Он раньше никогда не улыбался перед зеркалом и не знал, какая у него улыбка. Уголки губ загибались вверх, и наперечет были крепкие, белые зубы.

— Да ты что? — обеспокоенно повторила мать. Она не привыкла видеть улыбку на Вовкином лице. Дома он всегда был насупленный, очевидно, в ожидании очередных замечаний. Брови сдвинуты, губы надуты. И вдруг — улыбка.

— Вовка, подожди, ты знаешь... ты знаешь, на кого ты сейчас похож?

Значит, и она увидела сходство и не увидела немытые уши и царапину на щеке! Значит, правда, похож?

Он кивает головой. Вдруг, если начнет говорить, сходство пропадет? А если попробовать?

— Ребята сказали, что на Гагарина. Да они, наверно, просто так...

Он произносит это сконфуженно, даже как будто виновато, а сходство — вот чудо! — не пропадает. Он не помнит, чтобы мать смотрела на него когда-нибудь такими радостными глазами.

— Ну, хорошо. Поезжайте в Обнинск, к Пронину на работу, возьмите ту справку, что мной уже подписана, привезите ее сюда. Тогда я эту подпишу.

Вот уж поистине: принесите справку, что вам нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка!

...Нам приходится еще встречать их, этих людей с хмурым, безразличным взглядом. Предложить посетителю сесть они считают ниже собственного достоинства. И не канцелярский стол отделяет их от посетителя, а стена. Незримая, но трудно пробиваемая стена из чванливости, бюрократизма, равнодушия. Они хорошо знают законы и постановления, но им ничего не стоит так повернуть этот закон, что направлен он будет против тех, во имя кого написан.

Председатель горсовета тов. Фофанов никак не мог понять, что, собственно говоря, произошло. Он недоуменно смотрел на меня и пожимал плечами:

— С каждой справкой разбираться, знаете, сколько времени надо!..

А сколько времени потратили Пронины, работники прокуратуры, исполкома, редакции? Да разве хватит корреспондентов пробивать каждую бюрократическую стену!

А пробивать ее пришлось на специальном заседании исполкома. Но даже там работники горсовета были настроены воинственно.

— Надо еще узнать точно, зачем Пронину справка,— хорохорился Фофанов.

— Мне бы, конечно, эту справку надо было подписать,— сокрушалась Богарева.— Мне бы ту, другую, не надо подписывать!..

Решение исполкома было единогласным: за бюрократизм и волокиту секретарю горсовета Богаревой объявить выговор, председателю горсовета тов. Фофанову указать...

Вот почти и все.

Почти — потому что мы еще не ответили на вопрос Пронина, чем же кончились эти «неправдоподобные поступки».

А кончились они довольно своеобразно.

Тов. Фофанов, который так сетовал на отсутствие времени, не поскупился им, как только отошел поезд, увозящий корреспондента в Москву.

Двадцать километров не поленился сделать председатель горсовета, чтобы только насолить своему избирателю, посмевшему написать в редакцию. Явившись на работу к Пронину, Фофанов заявил:

— Собираетесь Пронину давать квартиру? Не вздумайте: у него застройка есть!

— Да ведь мы об этом знаем. Пронин восьмой год строится, конца краю не видно, трудно ему: большая семья. Вот и решили: пусть разделывается со своей халупкой да переезжает сюда.

— Ни в коем случае! А ту справку, что мы давали, считайте аннулированной! Я об этом справку пришлю.

И прислал. И печать для нее нашлась своевременно, и заверять долго не пришлось. Учла Богарева решение исполкома райсовета: быстро справочку сработали, без бюрократизма!

Ох, уж эти справки, беда с ними! Лучше бы их и совсем не было. Но одну... одну мы попросили бы тов. Фофанова заверить. Справка эта примерно такого содержания:

«Даем настоящую всем жителям города Малоярославца в том, что отныне и вовеки прекратим всякое проявление неуважения к людям, будем проявлять подлинную теплоту, душевность и, главное, за любой бумажкой будем видеть живого человека.

Председатель горсовета (А. И. Фофанов). Секретарь (Богарева)».

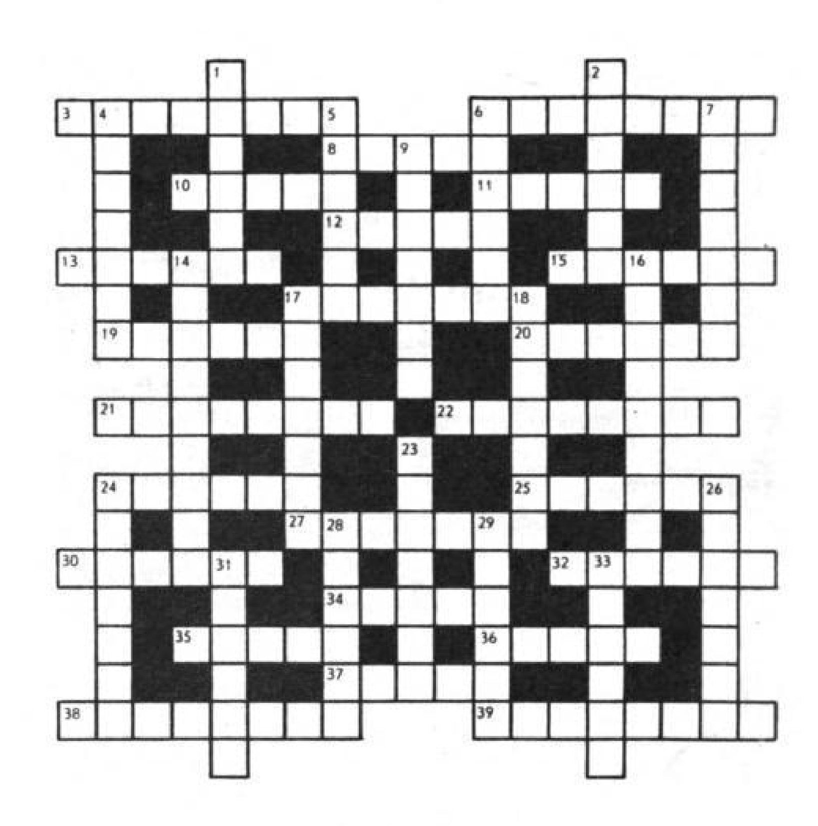
К. ОБОЛЕНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька».

Малоярославец.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Герой кинофильма «Баллада о солдате». 6. Единица измерения частоты колебаний. 8. Лососевая рыба. 10. Удача, достижение. 11. Жанр художественной литературы. 12. Внешний вид, наружность. 13. Вулканическая порода, используемая в строительстве. 15. Продукция лесоперерабатывающей промышленности. 17. Древняя столица Болгарии. 19. Вождь крестьянского восстания в Белоруссии в XVII веке. 20. Песчаный холм в пустыне. 21. Лечебный препарат. 22. Картина А. К. Саврасова. 24. Краситель. 25. Кормовое бобовое растение. 27. Вид шитья. 30. Степная равнина в Северной Америке. 32. Самый северный мыс Африки. 34. Часть турбины, генератора. 35. Балетный костюм. 36. Город в Португалии. 37. Семя злаков. 38. Специальность ученого. 39. Минерал, разновидность урановой руды.

По вертикали:

1. Дорога, путь. 2. Зобатый аист. 4. Палаточный лагерь для туристов. 5. Ростки посева. 6. Автор романа «Соль земли». 7. Немецкий физик, открывший особый вид излучения. 9. Персонаж драмы А. С. Пушкина «Русалка». 14. Надстройка на здании. 16. Небольшая птица. 17. Река в Бразилии. 18. Обработка на токарном станке. 23. Раздолье, широта. 24. Фламандский живописец. 26. Популяризация товаров. 28. Вид спорта. 29. Каменноугольный период истории Земли. 31. Дирижер, народный артист СССР. 33. Связное, плавное исполнение музыкального произведения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. «Весна». 7. Иллюминация. 9. Штамп. 10. Алеко. 11. Космонавт. 14. Почка. 16. Апуре. 18. Хореография. 20. Связка. 23. Таласс. 26. Шампиньон. 29. Маска. 30. «Тайна». 31. Нечкина.

По вертикали:

1. Велюр. 2. Алтай. 3. Шлюпка. 4. Мисхор. 5. Цитата. 6. Футбол. 8. «Рекорд». 12. Сарема. 13. «Алмаст». 15. «Кюхля». 17. «Пряха». 19. Гусли. 21. Витраж. 22. Клапан. 24. Акоста. 25. Сирень. 27. Панч. 28. Нови.

Вечером за ужином не обошлось, конечно, без морали. Отец проверил, действительно ли все так, как говорит мать. Действительно. Как же это он раньше не замечал?

— Не замечал, потому что не знал раньше майора Гагарина, — резонно говорит старшая Вовкина сестра. — А может быть, и потому, что Вовка никогда так не улыбался. Он же всегда всем жутко хамил.

Ох, можно и сейчас ответить сестре как-нибудь повыразительнее! Но сходство обязывает. Нужно быть на высоте сходства. А ведь эта высота известно какая...

И пока отец говорил о задачах, моральном долге и светлом будущем, Вовка сидел и улыбался.

— Ты чего улыбаешься, когда я говорю? — спросил было отец, но вовремя спохватился: — Ну, улыбайся, улыбайся, это ничего. Только помни... — И опять стал говорить о том, что надо помнить и чего нельзя забывать.

А в школе уже все знали, что Вовка из седьмого класса — вылитый Гагарин. И специально приходили на него смотреть и тоже улыбались, как будто не верили своим глазам, и говорили:

— До чего же здорово!

На родительском собрании директор школы Галина Сергеевна сказала:

— Вот вам удивительный пример, товарищи, как улыбка совершенно переменила человека. Вы помните, мы не раз обсуждали поведение Вовы. Он был заносчивым, раздражительным. Но стоило кому-то заметить, что он похож на героя-космонавта...

— Это мой Толик первым заметил! — быстро подсказала с места одна из родительниц. — Он у меня вообще очень внимательный, впечатлительный ребенок.

— Стоило только заметить это сходство, — продолжала Галина Сергеевна, — как мальчик стал подражать герою во всем: уже получил пятерку и четверку, со всеми приветлив, сказал, что летом поедет в лагерь и будет усиленно заниматься спортом. И улыбается!

— Да, но не все похожи на Юрия Гагарина, — кисло заметил один из родителей. Его сын был сильно похож на киноартиста Филиппова, который, как известно, никогда не улыбается с экрана.

— Но в жизни молодых всегда есть повод для улыбки, — сказала Галина Сергеевна. — Нам нужно заботиться только о том, чтоб она никогда не угасала.

А многие ребята завидовали Вовке. Когда шли вместе по улице, просили: улыбайся, чтоб все видели!

ВЕСНА, ВЕСНА...

Фото А. ГОСТЕВА.

Бесшумно лопнули почки... Это случилось в Краснодаре в тихое яркое утро после теплого ливня. Шумные потоки пронеслись над городом, старательно вымыли его. И весна забушевала, запраздновала всюду: в аллеях и парках, в садах и в человеческих сердцах.

С широких закубанских равнин повеяло ветром, пахнущим первой зеленью. Небо открылось синее-синее, глубокое.

Квартиры вдруг показались тесными, хмурыми, неуютными. Всем захотелось выйти из них. Дети не стали ждать, пока их мамы, немного растерянные (весна так неожиданно нагрянула!), сделают весенние прически и прогладят яркие платья. И вот солнце в окна — ребята во двор. Шум, веселые крики, звон тугих мячей. Скворцы поют без умолку, передразнивают детей, передразнивают недоверчиво покашливающего деда, выбравшегося в парк с газетой.

Так много стало солнца, много улыбок, ясных, нежных!

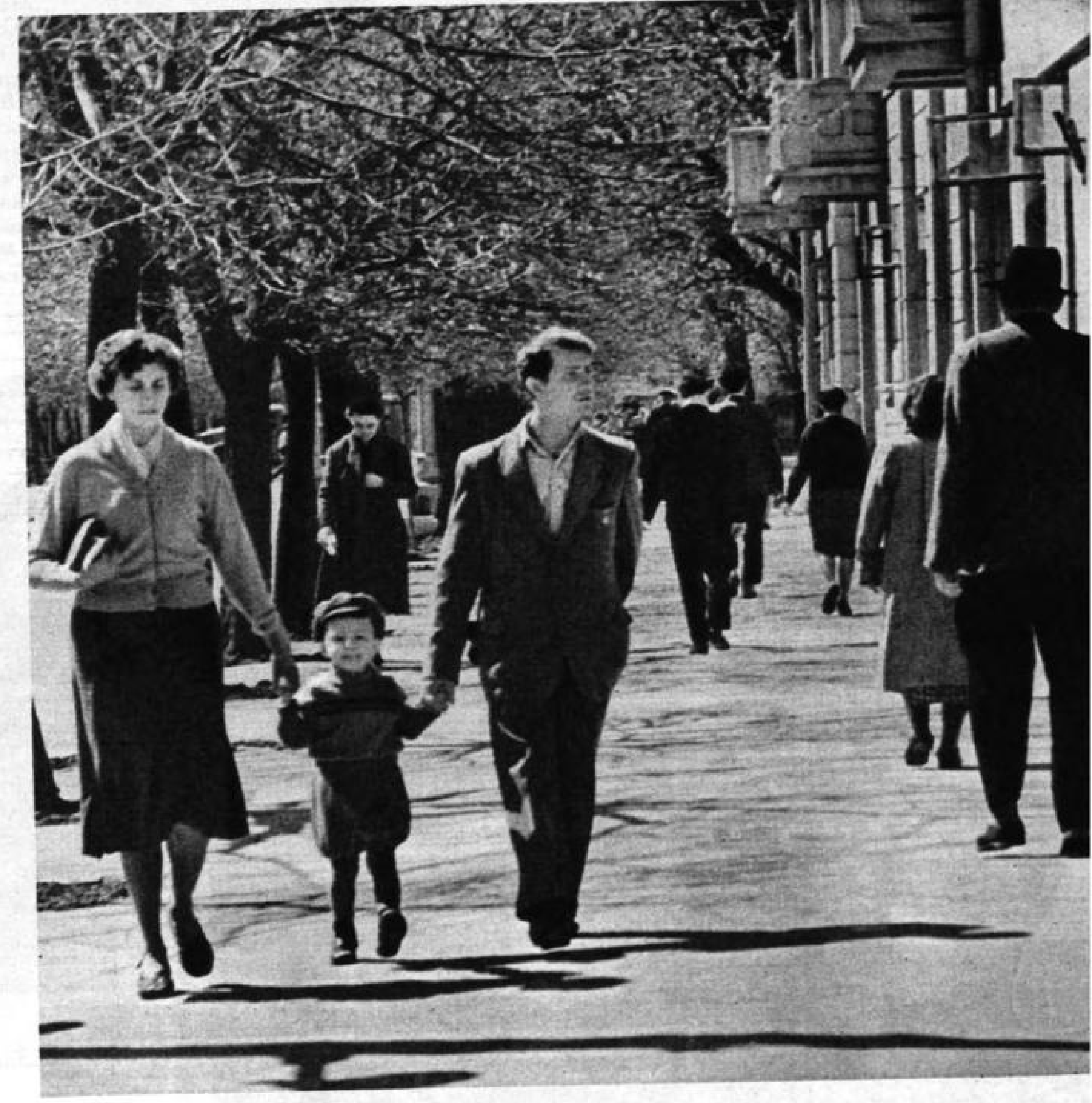
Трудно стало и студентам усидеть в общежитиях. Они разбрелись с книгами и конспектами по всем скверам и паркам города.

...Цветы покупают нарасхват, они вдруг стали всем нужны. Дикая сирень, колокольчики, тюльпаны, фиалки.

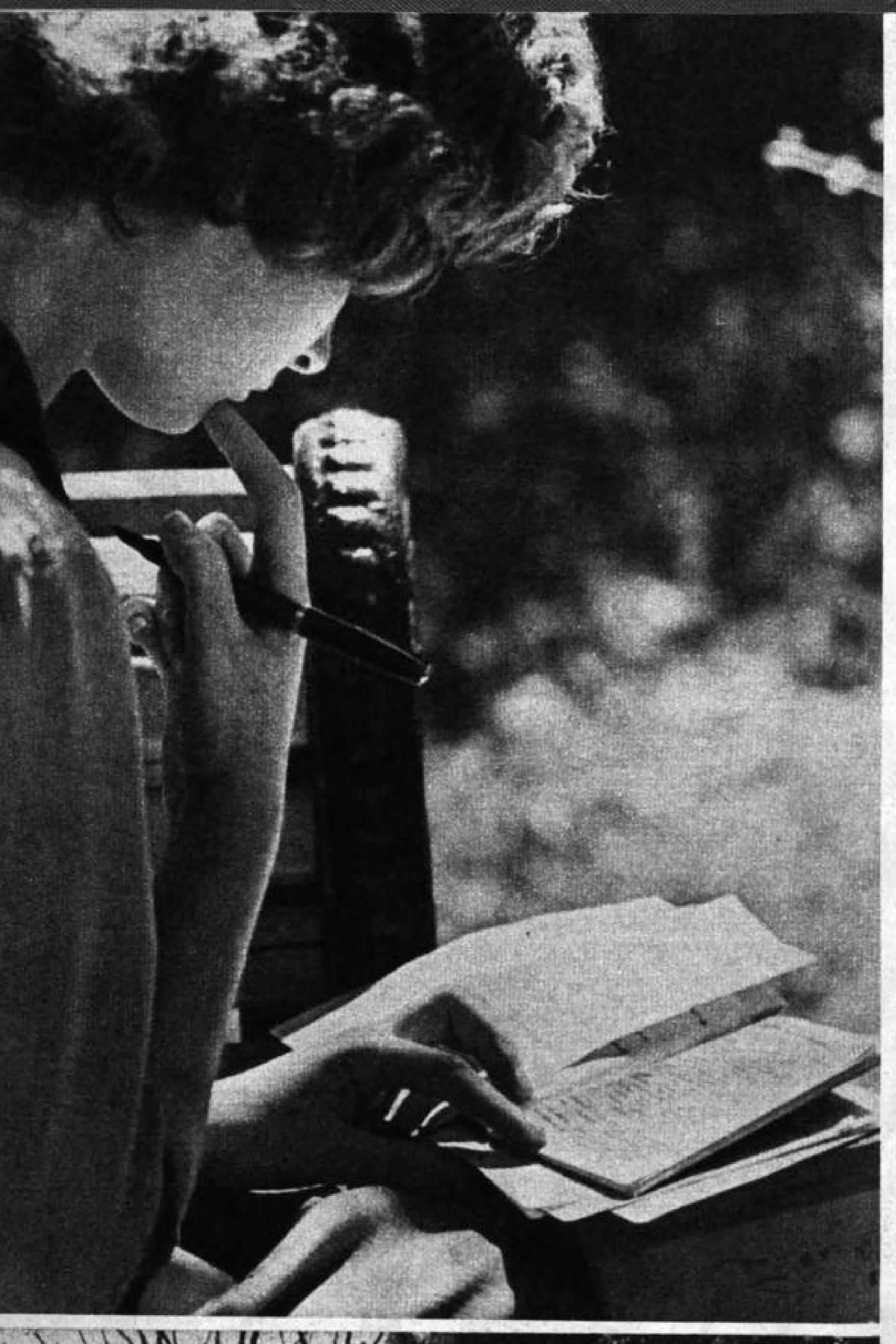
Здесь любят цветы. Они везде — в садах, скверах; побудьте на

окраинах города — вы увидите у каждого двора грядки кочетков, нарциссов.

Чуть подсохла земля — и взрослые и дети взялись за лопаты и грабли. А у памятника воинам, погибшим в боях за освобождение Краснодара от гитлеровских полчищ, собралось столько пионеров, которые хотели именно здесь посадить цветы, что ребятам не хватало ни лопат, ни места.

...Над городом, над буйно цветущими садами и парками в спокойном небе долго кружатся голуби.

...В городском саду у яркого куста стоит Леночка Верещагина с улицы Индустриальной. Она сорвала оранжевую веточку, протягивает маме.

— Возьми, мама!

А вокруг в саду неуемный гомон, смех, праздничная сутолока. Духовой оркестр играет веселые мелодии, молодежь танцует на площадке у качелей и каруселей, где плещет прибой детских голосов и смеха.

И какой-то очень курносый, очень веснушчатый мальчишка громко, в упоении кричит с карусели:

— Мама, я Га-га-рин!

Весна, весна...

А. Коркищенко

На первой странице обложки: Заира Греули, десятиклассница Сагареджойской средней школы Грузинской ССР.

На последней странице обложки: Рустави, Закавказский металлургический комбинат.

Фото Н. Козловского и И. Тункеля.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

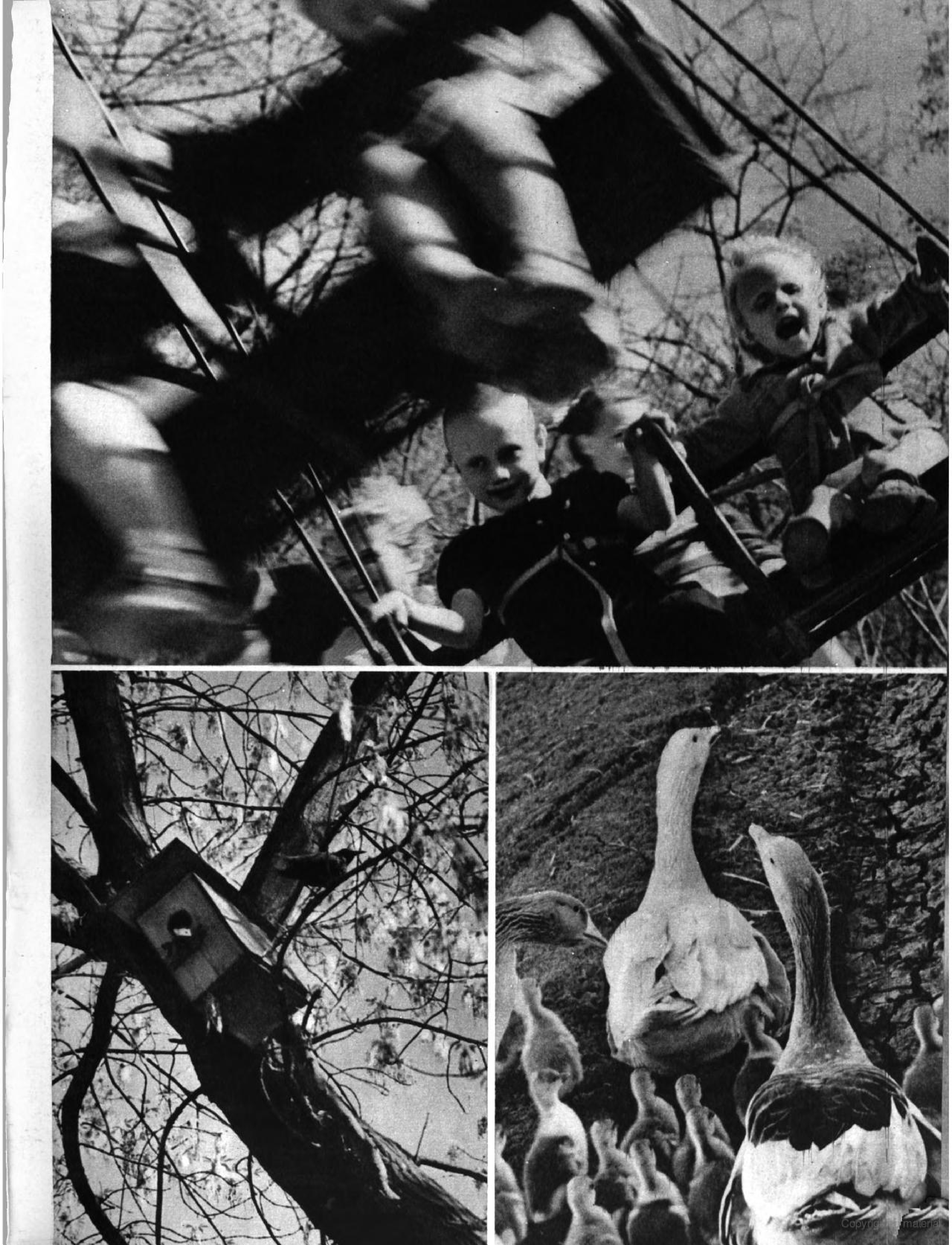
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

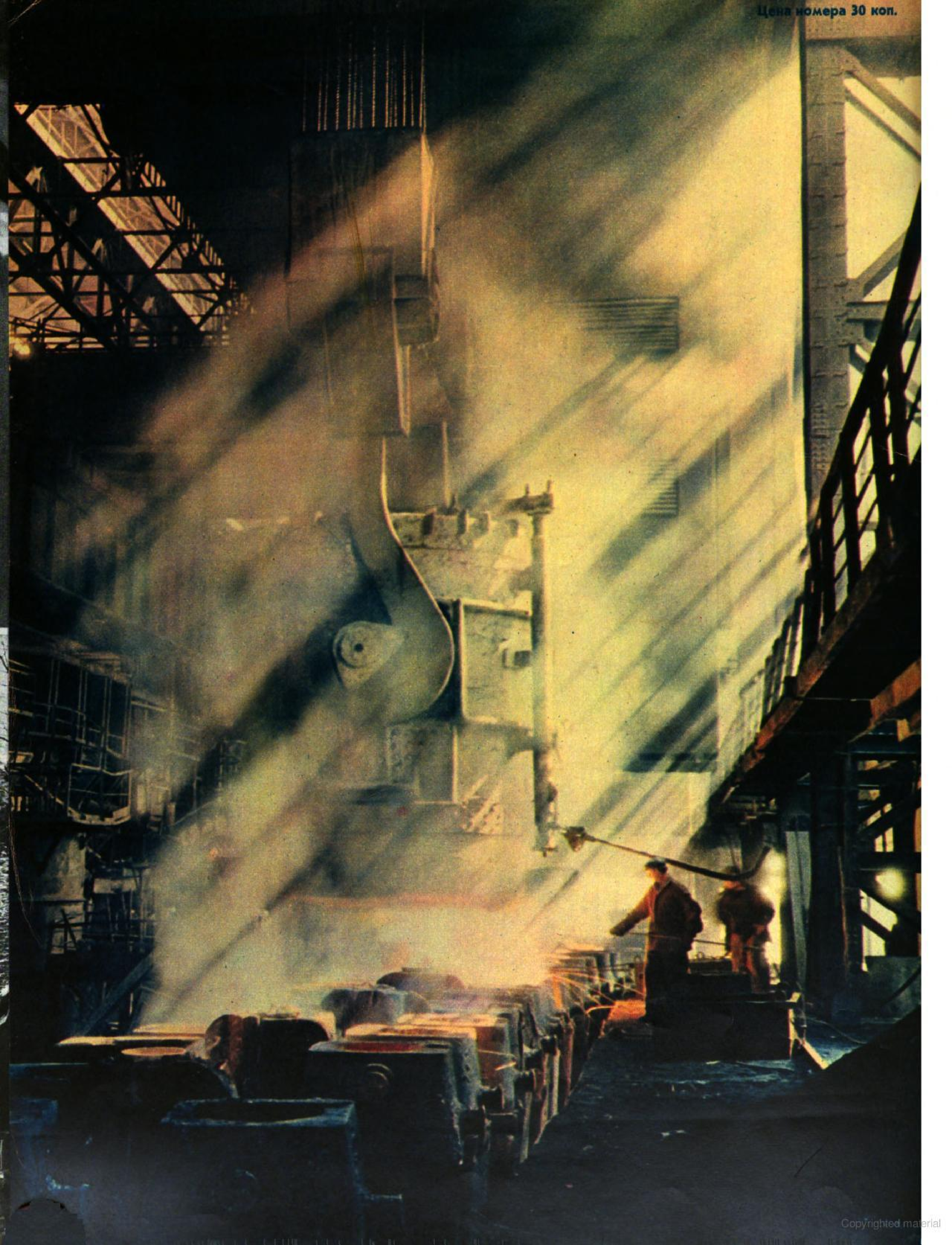
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Долгополова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05208. Подписано к печати 3/V 1961 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 793. Заказ 1150.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.